

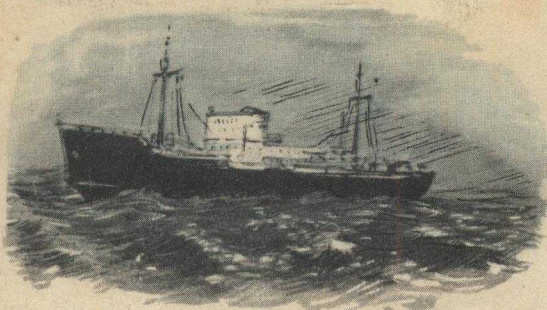
ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

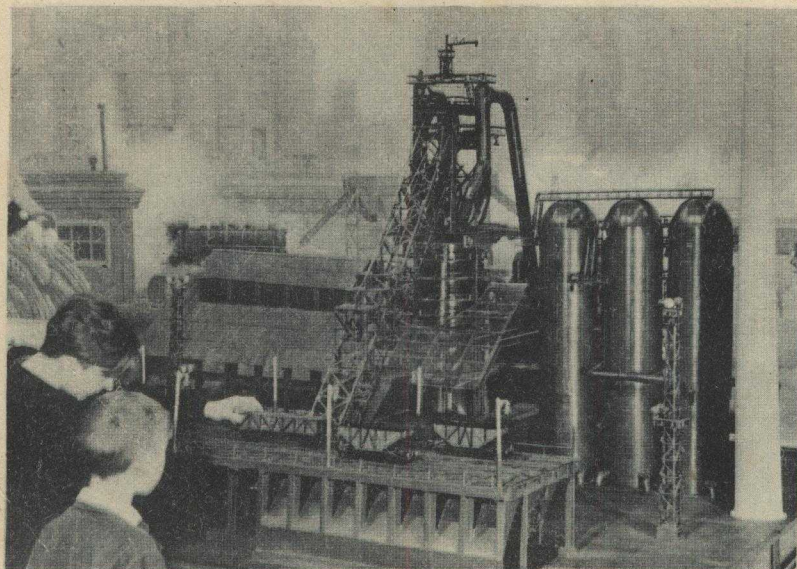
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год.

1

Многие явления природы можно изучить, лишь наблюдая их в разных местах одновременно. Поэтому учёные и решили провести с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года Международный геофизический год. Научные экспедиции тридцати стран в разных концах земли будут проводить географические и геофизические наблюдения. Вы знаете, что Советская научная экспедиция на дизельэлектрородах «Обь» и «Лена» уже отправилась к Южному полюсу, к берегам Антарктиды.

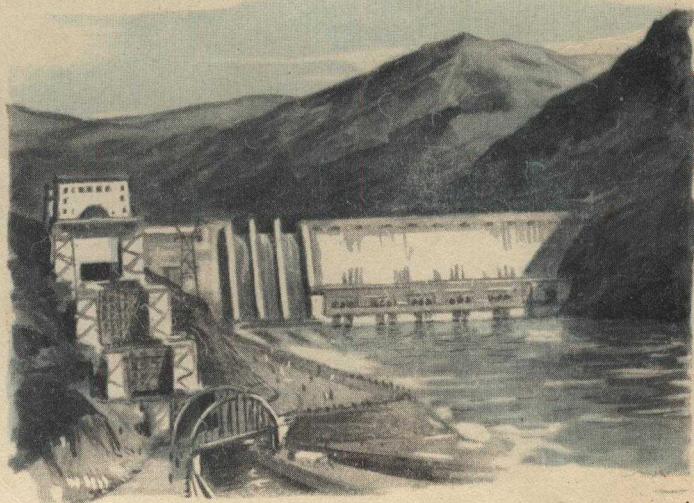
Наши учёные выбрали для своих исследований самую труднодоступную часть материка. В 1956 году они создадут береговую обсерваторию «Мирный», а потом начнут разведочные полёты вглубь материка, где будут установлены ещё две станции — «Восток» и «Советская».

Не легко сделать модель доменного цеха. Ребятам из Днепропетровска пришлось немало потрудиться. Модель в пятьдесят раз меньше настоящей домы, но она помогает представить себе работу доменного цеха. И не только представить, — вы можете и услышать о ней от самой модели! Да, да, модель сама «рассказывает» о себе! Внутри неё ребята установили магнитофон, на котором записана беседа о работе домы.

Модель эта находится в Москве, на IV Всесоюзной выставке технического творчества учащихся трудовых резервов.

Знаете ли вы, что через несколько лет с карты Западной Сибири исчезнет озеро Зайсан! Оно превратится в море. Бухтарминское море советские люди создают для того, чтобы бесперебойно могли работать сооружаемые на Иртыше Усть-Каменогорская, Бухтарминская и другие электростанции Иртышского каскада. Усть-Каменогорская станция уже даёт ток. Сейчас полным ходом идёт строительство Бухтарминской ГЭС. На рисунке вы видите, как она будет выглядеть.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1
ЯНВАРЬ
1956

В этом номере:

Федя Крещук.— Из повести Ф. Вигдоровой. Рисунки А. Короткина	2
Однажды в море. (Рассказы о смелых людях.)— В. Максименко и А. Некрасов. Рисунки В. Цельмера	14
«Унита» разговаривает с детьми.— Б. Шлейфер	18
Король и я. День без голода. Стихи о Луне.— Джанни Родари. Перевод Я. Акима	19
Белая книга.— Ю. Новикова. Рисунки Л. Тараканова	20
Джек Лондон.— В. Сарнов	25
На берегах Сакраменто.— Рассказ Джека Лондона. Рисунки В. Цельмера	27
По следу.— Рассказ М. Зверева	33
Что случилось с Николенко.— Рассказ Н. Богданова. Рисунки Ф. Лемкуля	34
Абсолютный чемпион.— Рассказ Н. Горбунова. Рисунки Б. Винокурова	38
Индийские куклы.— И. Малевинская	48
Огненный дождь на Киву. (Из записок путешественников.)— И. Ганзелка и М. Зикмунд. Перевод с чешского С. Розовой	49
Народные сказки.— Рисунки А. Брея	58
Петухи.— Рассказ Ю. Сотника. Рисунки Е. Ведерникова	62
Наша почта	66
Почему и отчего	67
Дружба.— Очерк И. Голосовского	69
В мире книг	73
Зимние олимпийские игры.— В. Кречетова	76
В часы досуга	79

На обложке:
рисунок Ф. Глебова
«Неожиданная встреча».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Федя Крещук

Ф. Вигдорова

Рисунки А. Короткина.

Многие из вас, ребята, читали книгу «Дорога в жизнь». Сейчас Ф. Вигдорова закончила вторую часть своей повести. Как и в первой части, в ней рассказывается о жизни детского дома. Главный герой повести — директор детского дома Семён Афанасьевич Карabanов. Вместе с Семёном Афанасьевичем работает его жена Галина Константиновна.

В главах, которые мы печатаем в этом номере, рассказывается о судьбе одного из их воспитанников — Феди Крещука.

Митю Королёва (по прозвищу Король) и Лиру читатели знают по первой части; они вместе с Семёном Афанасьевичем переехали из ленинградского детского дома, где прежде работал С. А. Карabanов, на Украину. С остальными ребятами наш читатель встречается впервые — это новые воспитанники С. А. Карabanова.

В одной из глав упоминается имя Костика — это четырехлетний мальчик, умерший сын Карabanовых.

Новичок

По бумагам установить, откуда родом Федя Крещук, где его семья и почему он ушёл из дому, не удалось. Никаких документов у него не было. Но Крещук утверждал, что лет ему двенадцать и что учился он в четвёртом классе.

Однажды я увидел, как он достал из кармана носовой платок.

— Твой платок? — спросил я.

— А то чей же?

— Скажи, а почему метка у тебя на платке «Ф. Г.», если ты Крещук.

Он быстро, исподлобья глянул на меня и, тотчас отведя глаза, плотно, добела сжал губы: всё равно, мол, ничего от меня не добьёшься.

— Ну, как знаешь, — сказал я.

Я был убеждён, что фамилия у него другая, он сменил её, чтоб труднее было отыскать семью. Когда я был мальчишкой, ребята так делали нередко, иные беспризорники даже и забывали настоящую свою фамилию, называли себя привычным прозвищем, кличкой, приросшей к ним за время бродяжничества. Но то было в двадцатых годах, а сейчас уже тридцать пятый, бегство из семьи встречается всё реже. И потом по мелочам, по разным приметам видно, что в семье о Феде заботились. Пальто у него не новое, но добротное, обувь крепкая, бельё аккуратно перемечено и заштопано. На его светлой рябанькой рубашке у плеча, видно, был вырван клоч, и чья-то заботливая рука положила штопку разными нитками — голубой, розовой и белой — по цветам ткани. Вещи мальчика неухоженного такими не бывают.

— Кто штопал? — мимоходом спросил я.

— Сам, — был ответ.

Я не стал обижать его недоверием. Просто через несколько дней я показал ему дырку в кухонном полотенце и попросил:

— Почини-ка.

Он было вскинулся, потом что-то вспомнил, замялся. Галя дала ему иголку, нитки; он хмуро и неловко поковырял иглой минуты две — и молча отложил своё злополучное шитьё. Всё было ясно, и слова были излишни, он только глазами сказал: «Поймали... Ну, и ладно».

— Послушай, — сказал я ему, — зачем нам играть в прятки? Зачем тебе выдумывать? Силком тебя никто домой не отправит. Но ты скажи мне, как оно есть на самом деле, и мы вместе решим.

Он даже не ответил. Молчал, упрямо сжав губы в тонкую бесцветную полоску.

Мы поместили Крещука в отряд Лопатина, и тут вдруг на него предъявил свои права Лира.

Лира дружил со всеми. Вернее, дружил он со мной: поверял мне все свои огорчения, делился планами, соображениями насчёт всего, что нас окружало и что происходило. Он неумоимо ссорился с Ваней Горошко, слушался Короля, уважал Искру («Ух и память! Ух и головастый!»), презирал неизвестно почему Любопытнова, но в общем был оди-

наково хорош и общителен со всеми. Но Крещук задел какие-то особые струны его сердца, а почему — этого не мог понять ни я, ни, кажется, он сам.

— Хочу с ним подружиться, — сообщил он мне как-то вечером.

— Понравился он тебе?

— Угу.

— Чем же?

— У него почерк хороший, — сказал Лира, помолчав.

Я постарался ничем не выдать своего удивления. Почерк у Феде был действительно превосходный: мелкий, но отчётливый, округлый, словно печатанный, — но мне почему-то казалось, что для дружбы этого в общем маловато. Лира, видимо, держался на этот счёт своего особого мнения. Каждый день он открывал в Крещуке новые достоинства:

— Его учитель рисования хвалил. Рисует — во! Задачки здорово решает.

Но тут обнаружилось неожиданное препятствие: Крещук не хотел дружить с Лирой. Он вообще ни с кем не хотел дружить, а Лира ему, видно, был и вовсе без надобности.

— Отстань! — сердито говорил Фёдор, когда Лира подходил к нему с наилучшими намерениями. — Чего привязался?

Анатолий был горяч и самолюбив — это все мы знали твёрдо. И по всем законам божеским и человеческим он должен был сказать про себя, а ещё вернее, во всеулышание: «Ну и чёрт с тобой!»

Но он не только не сказал этого, а ещё с большим рвением стал добиваться фединога расположения.

Если он и обижался, то ничем этого не показывал. Он не огрызался, не отвечал ни единым резким словом, но упорно садился рядом с Федей готовить уроки и очутился по соседству с ним в спальне, для чего поменялся кроватями с Искрой.

Указания взрослых Федя выполнял беспрекословно, никогда не отказывался, не спорил. Учился хорошо. В общем, внешне ничем не отличался от других. А всё-таки я готов был голову прозакладывать: что-то надорвано в душе этого мальчишки, и глубоко, не по-детски надорвано.

Яблонька

— Послушай, — сказала мне Галя ещё в начале лета, — я давно хотела, да как-то не пришлось... А сейчас не поздно ли будет?..

И замолчала. Я поглядел на неё, выжидая. На Галю это не похоже — начинать так осторожно, издали.

— Что поздно?

— Я... я хотела бы... посадить деревце... яблоню.

— Так что ж тут такого?

— Ничего.

— Ну и сажай на здоровье.

Через несколько дней я привёз из питомника саженцы. Галя сама выкопала ямку, сняла с корней яблоньки рогожу. Я было хотел ей помочь, но она мягко отстранила мою руку. Сунулся Лира:

— Галина Константиновна, дайте я...

Она тихо отстранила и его. Я молча смотрел, как она вбила в дно ямы прямой обструганный кол, как бережно посадила деревце, проверила, не высоко ли оно стоит, — нет, всё правильно... Она сосредоточенно уминала землю, потом привязала яблоньку к колышку, чтобы её не раскачивало ветром, а я всё стоял и смотрел с каким-то смутным чувством. Потом невольно поглядел на ребят — их много в этот

час оказалось рядом — и по лицам увидел: они тоже поняли, что Галя не просто сажает ещё одно деревце на нашем дворе, перед окнами, а в это не очень уж хитрое дело вкладывает что-то своё, какую-то особенную мысль. И вдруг меня будто толкнули в грудь. Конечно, эта догадка могла придти мне одному! Но тут же сзади кто-то прошептал:

— Костикова яблоня...

Это сказал не Митя, не Лира, а кто-то из новых, совсем недавно пришедших ребят.

Яблонька хорошо прижилась. Галя бережно ухаживала за нею.

А потом случилось вот что.

Однажды Лира надумал сменить верёвку, которой яблоня была привязана к колышку. Он осторожно, бережно развязал узел. Я увидел это и решил, что Лира выполняет просьбу Гали. Удивился, потому что обычно Галя ухаживала за своей питомцей сама, но вмешиваться не стал. Наконец Лира распутал узел и только приготовился сменить верёвку, как увидел идущего мимо Крещука.

— Эй, Федька!

Тот даже не обернулся. Лира схватил его за руку. Федя, вдруг вскипев, резко повернулся к Лире и изо всех сил толкнул его. Анатолий отлетел прямо на яблоньку, и она переломила пополам.

— Не тронь! — крикнул я на бегу.

Яблонька повисла на тонкой кожице. Лира стоял рядом, беспомощно разведя руки, смуглое цыганское лицо его покрылось неживой, свинцово-бледностью. Откуда-то взялись ещё ребята, и я краем глаза выхватил Лиду, тоже, как Анатолий, застывшую неподвижно.

— Лида! Бинт!

Она помчалась в дом.

Найти под нашим навесом две плоские дощечки было делом одной минуты. Я присел на корточки и осторожно, стараясь не повредить полоску коры и тонкие волокна древесины, ещё соединявшие обе половинки, подняв верхушку, пристроил её к основанию, заключил хрупкий ствол на месте перелома в лубок и, взяв из рук у запыхавшейся Лиды бинт, принялся плотно бинтовать, точно сломанную руку. Вокруг было тихо, так тихо, точно и не стояли плотным кольцом несколько десятков ребят.

— Ты думаешь, срастётся? — раздался вдруг надо мною тихий голос Гали.

— Думаю, срастётся, — ответил я, поднимая голову.

Голос её прозвучал ровно, и лицо не выдавало волнения, только сведённые брови вздрагивали.

— Галина Константиновна! — кинулся к ней Лира. — Это я сломал, простите меня...

Лицо его было смято жалостью и раскаянием.

Галя быстро провела ладонью по его чёрным взъерошенным волосам и ушла в дом. Мы молчали. Не я один, многие видели, при каких обстоятельствах Лира сломал яблоню.

— С ума сойти! — не выдержал наконец Горошок. — А ты при чём?

Но Лира, видно, и не думал выгораживать Федю; он был искренне уверен, что сам во всём виноват.

— Нечего мне было лезть, — горестно сказал он. — Стал зачем-то верёвку менять. Галина Константиновна сказала, и так хорошо, а мне захотелось как лучше...

Я посмотрел на Крещука. Лицо его было в красных пятнах, глаза невидяще смотрели куда-то поверх моей головы.

— Слушай, Крещук... — звенящим голосом начала было Лида.

Но тут Федя встрепенулся и сломая голову побегал в дом вслед за Галей.

На речке

Миновало лето, прошла осень. Зима стояла тёплая, и с начала марта было строго-настроено запрещено кататься на коньках по речке. Но, как-то проходя мимо горки, я увидел Катаева — с лихим поспевом он нёсся на санках прямо на тусклый речной лёд.

Дождавшись, пока он снова поднялся на горку, я спросил, знает ли он о моём приказе.

— А я что, я не на коньках! — ответил он беспечно.

— Не притворяйся дурнем. Ты очень хорошо понимаешь, что на санках ещё опаснее. Чтобы это было в последний раз, слышишь?

— Слышу.

А через два дня пошли с санками на гору Крещук и его верная, неотвязная тень Лира. Федя понемногу притерпелся и уже не гнал от себя Анатолия: всё равно опять привяжется! И так, они мирно скатывались с горы, только не на реку, а сворачивали влево, где отлогий берег лениво изгибался и с весны до поздней осени молодо и прохладно зеленел заливной лужок. Сейчас там было гладко, бело, мягко. Скатились раз, скатились другой, взрывая на снежном лужке глубокие пушистые борозды. И тут на горе появился со своими санками Катаев.

— Покатили на речку? — предложил он Феде.

— Семён Афанасьевич не велел на речку, — возразил Лира.

— А может, Семён Афанасьевич велел тебе соску сосать?

— Эй! — предостерегающе окликнул Лира.

— Чего ты с ним разговариваешь? Ему лишь бы на зло! — сказал Крещук. — Садись, поедем.

Он уже уселся на санки и ждал Лиру. Тогда Катаев, не говоря ни слова, изо всей силы толкнул санки. Федя не успел ни затормозить, ни свернуть, вряд ли он успел в тот миг подумать о чём бы то ни было: санки с маху понеслись вниз и через секунду уже на середине реки врезались в лёд. Лёд хрустнул, и Федя вместе с санками погрузился в воду.

Мите Королю, который первым прибежал на крик, пришлось тащить из воды всех троих, потому что следом за Федей, не раздумывая, тотчас кинулись в реку Лира и Катаев. Все трое хватались руками за кромку льда, лёд ломался, а Федю, кроме того, тянули вниз санки: он запутался в верёвке.

Митя лёг плашмя у полыньи и потащил к себе Катаева, тот вырвался с криком:

— Меня потом!

Выругавшись, Митя ухватил и вытащил Лиру, отпихнул его в сторону, подальше от края, но тут лёд под ним обрушился, и Король оказался по плечи в ледяной воде. Подцепив Катаева за волосы, он вышвырнул его на лёд: Николай уже не смел сопротивляться. Тут подоспел я. Что долго рассказывать, я тоже оказался в воде: лёд был совсем крупный и подламывался едва ли не от одного прикосновения. Я разрезал верёвку, сани отпустили Крещука, и я, то погрузаясь в воду, то снова выбираясь на поверхность, дотащил мальчишку до берега. Митя наполовину пыл, наполовину шёл за нами.

Вместе с Федей, потерявшим сознание, я вскарабкался на берег, потом помог вылезть Мите.

— Я, я один виноват! Это всё я! — плача, кричал Катаев. — Я один, они ни при чём!

— Потом разберёмся, — оборвал я. — Беги домой! Быстро!

Я бежал, неся на руках Федю, как два года назад Лиру. Жгла мокрая одежда, спирало дыхание, все мысли были только об одном: добежать поскорей. И только на секунду мелькнуло: сколько же раз мне

ещё предстоит выуживать этих отчаянных из колодезцев и прорубей?

За мной, стуча зубами и утопая в слезах, бежал Катаев и всё повторял, как одержимый:

— Я, я один! Они ни при чём!

Принявшие ледяную ванну попали в руки Гали. Их растирали спиртом, поили малиной из запасов Тонны Ринальдовны, укладывали в постель; ускользнуть от этих забот сумели только мы с Митей. Мы тоже растёрлись до того, что уже не знаю, как с нас кожа ключьями не полезла, переоделись во всё сухое и, сидя в кухне, пили стакан за стаканом горячей чай. Всё население детдома ломилось в кухню, чтобы услышать в подробностях, как было дело. Коломыта на сей раз был словоохотлив и, видно, рассказывал, не жалея красок, хотя сам примчался к концу происшествия. Ребята рвались к нам, но Митя щёлкнул задвижкой и, ни слова не говоря, уселся допивать чай.

— Семён Афанасьевич! Ми-и-тя!.. Ну, Ми-и-и-тя!.. Семё-он Афанасьевич! — слышался из-за двери молящий вопль Горошки.

— Теперь покою не дадут, — пробурчал Король.

Согревшись, мы пошли в нашу крохотную больничку. И не помню, когда эта квадратная белая комната была так населена: сюда втащили третью кровать, всех троих уложили и укутали потеплее.

— Не лягу я, — начал было Катаев.

— Я тебе дам «не лягу!» — взорвалась Тонна Ринальдовна.

Николай умолк. Сперва он искал моего взгляда, но я упорно на него не смотрел. Тогда он повернулся на другой бок и молча, сосредоточенно стал разглядывать белую, ничем не примечательную стену.

Лира чувствовал себя хорошо, он разогрелся, и ровный румянец проступал на его смуглых щеках. И только Федю била дрожь. Сознание вернулось к нему, но зубы его стучали, и всего колотила лихорадка. На скулах выступили красные пятна, глаза влажно блестя. Лира в немом испуге смотрел на приятеля.

Болезнь

На другой день Иван Никитич¹ нашёл у Феде воспаление лёгких. Я думаю, Катаев дорого дал бы, чтобы воспаление лёгких досталось на его долю, но он и Лира были совершенно здоровы.

Лира, придя из школы, всё время вертелся неподалёку от больнички, готовый в любую минуту выполнить любое поручение Гали. Поначалу тут же маячил и Николай, но к нему Галя не обращалась, и он почти всё своё свободное время проводил у окна в столовой. Ребята понимали, что ему худо, и не упрекали его. Но образовался какой-то невидимый круг, через который он не мог перешагнуть. Это не было ни презрение, ни враждебность, — просто никому не хотелось ни говорить с Николаем, ни почувствовать ему. Но стоило появиться в столовой Лире — и его тотчас окружали, теребили, расспрашивали.

Галя, как и всегда, когда у нас кто-нибудь хворал всерьёз, почти не выходила из больнички. Первые два дня Федя лежал пластом. Жар сделал неузнаваемым его лицо: всегда бледное, оно теперь пылало, точно обожжённое. Дышал он трудно, со свистом, и не говорил, а шептал, едва шевеля губами.

¹ Так звали врача, который лечил ребят в детском доме.

Митя лёг у полыни и потащил к себе Катаева.

Одного его не оставляли. Если Гале надо было отлучиться, её сменяла Лида.

В белом халате и косынке Лида, видно, чувствовала себя без малого Иваном Никитичем. Она с величайшей аккуратностью отмеряла лекарство, записывала на листке температуру, мягко справлялась:

— Укрыть тебя ещё? Не холодно тебе?

Федя оказался покладистым больным, не хныкал, не капризничал, только отказывался от всякой еды и то и дело просил пить. К концу второго дня он вдруг спросил:

— Всех вытащили?

Мы поняли, что он не всё помнил, хотя пришёл в сознание вскоре после того, как я принёс его домой.

— А я боялся...— произнёс он с облегчением, услышав успокоительный ответ.

Однако ночью он снова стал допытываться:

— Всех вытащили? И Кольку?

И мы перестали понимать, когда он бредит, а когда приходит в себя. По ночам он часто звал мать и, случалось, называл Галю:

— Мама!

На четвёртый день температура упала. Федя лежал снова очень бледный, осунувшийся. Зайдя его проведать, я увидел, что по щекам его текут слёзы. Я отвлёк глаза, но он сказал, словно извиняясь:

— Я не плачу, это просто так.

— Это от слабости, от потери сил,— поспешила на помощь Лида.

Лире разрешалось заходить в больничку не больше чем на полчаса в день, но он старался в эти отведённые ему полчаса рассказать Феде обо всём, что происходит дома и в школе. Он говорил спеша, захлёбываясь, без точек и запятых, но успевал выложить всё.

— Хватит, хватит, у Феде из-за тебя температура подымется,— гнала его Лида, и он послушно ушёл, уже в дверях ухитряясь досказать самое важное.

Выздоровливающего после тяжелой болезни всегда узнаешь по оживленному блеску глаз, по голосу, по аппетиту, наконец! К человеку возвращаются силы, желание жить, в его глазах уже нет усталости, равнодушия; в них светится новое любопытство ко всему на свете.

Федя выздоравливал безрадостно. Он лежал целыми днями, глядя куда-то прямо перед собою, словно сквозь стену, молчаливый, неподвижный, ушедший в себя.

Ночной разговор

Как-то вечером Галя сидела в больничке возле феединой постели. Лампа была затенена, Федя спал, а Галя чинила Леночке платье. Потом подняла глаза и встретила взгляд Феде.

— Ты не спишь?— удивилась она.— Хочешь пить?

Он отрицательно качнул головой. Снова наступила ничем не нарушаемая тишина. Шли минуты. Гале показалось, что мальчик опять засыпает: он прикрыл глаза и не шевелился. И вдруг она услышала:

— Что я вам хочу сказать, Галяна Константиновна...

И Федя заговорил. Он рассказывал сначала спокойно, потом всё больше и больше волнуясь. Галя слушала, не прерывая. Она понимала: как ни опасно для Феде волнение, лучше ему освободиться от тяжести, давно лежащей на душе, выговориться до конца, ничего больше не пряча и не тая.

Федя жил с матерью и братишкой неподалёку от Полтавы. («Недалеко от Полтавы»,— это он сказал не сразу, а после долгого раздумья.) Отца не было, и Феде его не помнил. Мать работала на швейной фабрике.

— Вот так мы и жили. Очень даже хорошо жили...

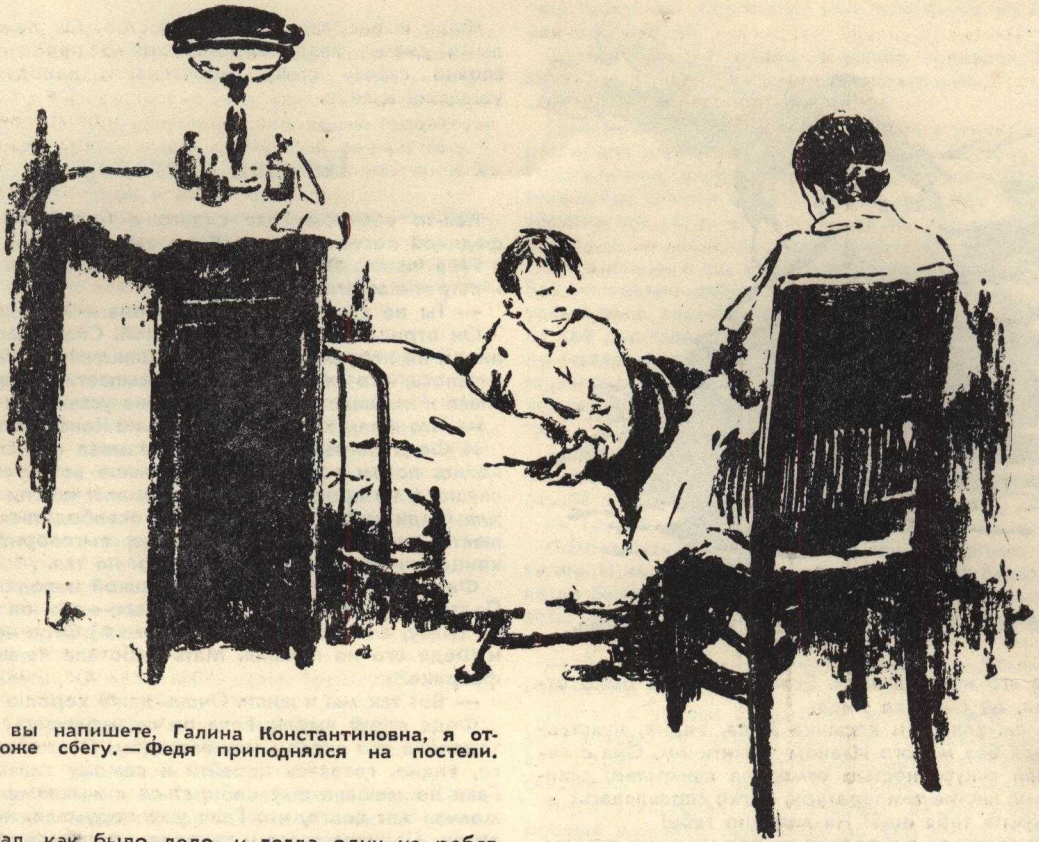
Федя вдруг умолк. Галя не шевельнулась, не потропила его уловом или взглядом. Он молчал долго, видно, готовясь перейти к самому главному, и Галя не мешала ему собираться с мыслями. Но он молчал так долго, что Галя уже подумала, не уснул ли он. Подняла глаза и увидела, что Федя смотрит на неё широко раскрытыми блестящими глазами.

— Да,— тихо сказала она.

Однажды портрет феединой матери вывесили в городском саду— там была Доска почёта, а на ней портреты ударников. Федя очень любил ходить с братишкой в сад и вглядываться на мамин портрет. Во дворе у них все ребята тоже знали про почётную доску и про портрет знали бы, даже если б Федя ничего про это не говорил. («Город маленький, там всё про всех знают.») Но, конечно, и он говорил об этом, ему было приятно и лестно, что у него такая мама, и приятно было, когда она раз взяла его с собой на фабрику, видеть, как уважительно и ласково все там с нею разговаривают. И его там встретили тоже ласково и приветливо, и мастер маминного цеха весело шутил с ним.

А потом Феде поручили в классе нарисовать заголовки для стенгазеты. Дома, приготовив уроки, он разложил на столе лист плотной похрустывающей бумаги, разложил кисти, краски и принялся за работу. Всё шло очень хорошо, буквы получались красивые, и краска ложилась ровно. Только братишка всё вертелся под рукой. Федя несколько раз велел ему уйти, а он не слушался. А потом как-то так повернулся и опрокинул пузырёк с красной тушью на стенгазету. Вся федина работа была испорчена, тушь растеклась по всему листу, и ничего исправить было нельзя. Федя в бешенстве кинулся на брата. В разгар потасовки вошла мать, отняла братишку, дала Феде подзатыльник («Она меня никогда не била, а тут ударила!»), долго ругала его и под конец сказала, что он месяц не будет ходить в кино и обещанных новых красок не получит.

На другой день ребята со двора позвали его на новую картину. Федя отказался. Отказался и во второй раз и в третий. К нему пристали: почему? Он

— Если вы напишете, Галина Константиновна, я отсюда тоже сбегу.— Федя приподнялся на постели.

рассказал, как было дело, и тогда один из ребят вдруг говорит:

— Ну, известно, не родная мать-то.

Федя снова умолк и молчал так долго, что снова Галя готова была спросить, что же дальше.

— Я ему не поверил! — вдруг быстро заговорил Федя.— Я ему... я его так отлупил! Потом побежал к его матери, спросил, а она не смотрит на меня и говорит: «Что ты слушаешь Лёшку, врёт он». А сама на меня не смотрит... Галина Константиновна! — продолжал он с надрывом.— Стал я замечать. Раньше дурак был, не видел, а теперь всё вижу: не так она со мной обращается. Егору и то и сё, а мне — нет. Его и так и сяк, а на меня даже не ругает...

И что только может уберечь человеческая ревнивая память! Чего только не поднимал Федя со дна души! И борща мать наливала Егору больше, чем ему, и в день рождения подарки лучшие дарила, и никогда его не ругала.

— А меня чуть что — сразу ругать! И перед сном к Егору подойдёт, укроет, чего-нибудь ему там скажет, а мне только: «Спи, Федя»...

— Да ведь он же маленький. С маленькими всегда...

— Вот и она тоже всегда: «Он маленький... Егорушка маленький...» — горько сказал Федя.— А я большой, всё на меня. И туда сбегай, и это принеси, и то сделай, и почему не убрал, зачем не подмёл... Раньше не видел, а теперь всё-всё увидел. И зачем врала? Сама: «Никогда не ври, никогда не ври, если скажешь правду — половина вины долой», — а сама...

— Да ты спросил у неё? Может, неправду сказал тот мальчишка?

— Да что вы, Галина Константиновна? Разве я слепой? Я тогда сразу всё понял. И не захотел больше

с ними жить. И пускай остаётся со своим Егорушкой, и зачем я им нужен — не сын, а она мне не мать, зачем мне с чужими жить?

Он ушёл, не оставив ни письма, ни привета. Ушёл с твёрдым решением никогда не возвращаться.

— Не хочешь возвращаться — не надо. Но давай напишем ей. Подумай, даже если не мать она тебе, как она страдает, мучается, где ты. Ведь она любит тебя.

— Ничего не любит. И если вы напишете, Галина Константиновна, я отсюда тоже сбегу.— Федя приподнялся на постели.

Галя мягко уложила его.

— Не стану, не стану я ничего писать без твоего разрешения, да ведь и не знаю, куда писать.

Опять помолчали.

— А можно, Федя, я расскажу Семёну Афанасьевичу?

— Рассказывайте. Только, если он...

— Нет, нет, я всё ему объясню, без тебя мы ничего делать не станем...

Снова молчание.

— Ты знаешь, Федя, что Семёна Афанасьевича воспитал чужой ему человек?

— Знаю.

— А знаешь, что он любит этого человека, как родного отца?

— Знаю.

— Разве человек не может привязаться к чужому ребёнку, как к своему?

— Наверно, может. Однако мне не надо. Я не хочу.

— Ну, спи.

Он не спал ещё долго. Сперва ворочался с боку на бок, потом лежал на спине, подложив руки под

голову. Наконец, снова повернулся на бок, обнял руками подушку, задыхался ровно. Губы приоткрылись, морщинки на исхудалом мальчишеском лице расправились. Галя осторожно поправила на плечах у него одеяло и тихо вышла из комнаты.

Глубокий снег

Говорят, в жизни каждого человека наступает минута, когда кончается его детство, кончается спокойная безмятежность, и эту минуту он запоминает навсегда. Но я никогда не думал, что детство — пора безмятежная. Многим кажется так: в детстве всё ясно и просто и всё небольшого размера — и радость, и горечь, и умение жалеть, помочь, и верность, и гнев. Нет, не так это! В детстве всё настоящее, подлинное, в полную меру, и тут нет игрушечных чувств, игрушечных радостей и горестей. Поэтому я не знаю, кладёт ли первое разочарование конец детству. Не знаю, не думаю. Но что первое разочарование оставляет глубокий, трудный след, который ничем не стереть, — это я знаю твёрдо! Первое разочарование горше всех других в жизни, от него надолго темнеет всё вокруг, оно долго мешает видеть ясно и судить справедливо — в этом я уверен, это я знаю и по себе.

Впервые я попал в город, когда мне было двенадцать лет. Я бежал из голодной, тёмной деревни, где сначала был пастухом у кулака, а потом пас коров у помещика.

В ту пору я ещё верил в бога, а главное, твёрдо помнил наставления родителей. Я никогда не попрошайничал, хоть и голодал, и холодал, и спал, где придётся. Я работал: таскал воду, рубил дрова, убирал дворы, подметал базарную площадь.

Однажды, в очень уж тяжёлый, безрадостный день, после недели голодовки, когда у меня совсем уж мутилось в голове и зеленело в глазах, я стащил на базаре кусок сала. Поступок этот не давал мне покоя: я видел себя в аду, на сковородке, в вечном пекле. Я помнил о своём грехе и во сне и наяву и извёлся до того, что решил загладить своё преступление: я стал поводить у слепого. В ведро и в дождь мы бродили по нескончаемым дорогам, по сёлам и городам. Слепой собирал милостыню, а я был его глазами, верил, что бог зачтёт мне это.

Слепой был непомерно жаден и не скупился только на подзатыльники, но я не таил зла на него. Я считал его святым, божьим человеком и всё ему прощал. Мы очень скудно ели: слепой говорил, что есть досыта — грех. Он рассказывал мне жития святых и учил меня воздержанию, смирению и скромности. Он говорил: богатство и жадность — грех, пьянство — грех и дурное слово господом не простится. Речь его текла монотонно, но всё, что он говорил, запомнилось мне и утешало.

Однажды мы заночевали в деревне, в трактире. Среди ночи я проснулся и обомлел: мой слепец был пьян. Он сидел в компании таких же пьяных бродяг с перекошенными от водки лицами, грязно ругался, хохотал, хвастал тем, как обманывает людей: они отдают ему, божьему страннику, последние гроши, а у него в Полтаве собственный дом!

Я привстал, стараясь стряхнуть сон. Да, это был он — мой слепой. На столе сало, колбаса, белый хлеб, сковорода с яичницей. Слепой уписывал богатую скоромную еду, запивал водкой и снова самыми скверными словами поносил людей за их глупую доверчивость.

Я сбежал от него в ту же ночь. Бежал куда глаза глядят, и, помню, было мне всё равно, что со мной станется, гадко было жить, думать, смотреть на бе-

лый свет. Вот тогда-то и начались мои странствия: я бродил с цыганским табором, побывал почти на всех ярмарках, сколько их было в уездах Полтавщины. Детство не кончилось, оно осталось со мной, но разочарование в одном человеке надолго окрасило мое отношение к другим людям, долго мешало верить им и любить их.

Что за человек федина мать? Да, мать. Неважно, она или другая женщина дала Феде жизнь. Ах, как мне надо было узнать, что она за человек!

Почему-то, совсем не зная её, я был уверен, что Федя к ней несправедлив, что, перестав верить ей, он забыл и исказил её подлинный облик; не знаю, откуда взялась у меня такая уверенность. Галя не решалась говорить так: слишком жива была в её памяти горечь и боль, прозвучавшие в ту ночь в расказе Феде. А всё-таки... Штопка на двух фединых рубашках — почти единственном имуществе, которое он принёс с собой, — она многое могла рассказать... О жизни без достатка. О необходимости до последнего беречь одежду. О заботе, о желании, чтобы сын ходил не хуже других. О долгих часах после работы, когда глаза слипаются и усталость гонит в постель, а ты подбираешь нитку совсем уже в цвет с рубахой, чтобы штопка не была заметна...

Может быть, всё и кончалось такой вот заботой об одежде-обуше? Нет, не похоже на то. Снова я пытался нарисовать себе портрет незнакомого человека, по мелочам представить себе, какая она. Теперь Федя охотно говорил о жизни в своей прежней семье, о книгах, которые он читал тогда, о прогулках в лес и на реку. Я узнал, что субботними вечерами мать читала детям вслух.

— Это когда я ещё не умел читать. А потом я стал читать, а они слушали. Егор рисует, а мама... — тут Федя записался и хмурился, — чего-нибудь съест или чинит, вот как Галина Константиновна...

Но потом я перестал спрашивать, потому что мирно начатый рассказ непременно кончался горькими обвинениями и укорами. («Это Егор любил, чтоб читали, а сам не умел, вот она и говорила: почитай да почитай. А я терпеть не могу вслух читать. Каждый сам должен читать. И в лес когда ходили, землянику собирали — тоже: как спелая ягодка, так давай дадим Егорушке, он маленький...»)

Это было самое тяжкое в его рассказах — во что бы то ни стало он старался всё переиначить и очертить. Всякое слово, самый простой поступок той, кого он перестал считать матерью, он объяснял какой-нибудь мелкой, недостойной мыслью, во всё искал пристрастие и несправедливость. Я видел: ничто не умирает в памяти человеческой. Федя рассказывал о таких мелочах, о таких воистину микроскопических пустяках, что иногда казалось, он помнит всю свою двенадцатилетнюю жизнь день за днём, минута за минутой. Но рассказывал он с таким злым, мстительным чувством, как будто на всё своё прошлое смотрел через осколки закопчённого стекла, не видел в нём ни искры светлого, хорошего.

Хоть Феде и было обещано, что без его ведома я не стану разыскивать его семью, я на этот раз не считал себя вправе свято соблюдать обещание. Я просто обязан был сделать всё от нас зависящее, чтобы дать знать этой женщине хотя бы об одном: мальчик жив и здоров. Родная она ему или не родная, а уж, наверное, не находит себе места. Разузнать, в каких городах близ Полтавы есть швейные фабрики, — дело нехитрое. Я написал по нескольким адресам. Сообщил, что мальчик Федя Крещук, двенадцати лет, находится у нас, но предупредил, что пишу без его ведома, и просил со всеми вопросами обращаться только ко мне.

Живое!

...И снова пришла весна. Федя никогда больше не говорил с Галей о своём прошлом, но видно было: он помнит часы, проведённые в тишине больнички. Он обращал к ней доброе лицо, внимательные глаза. Он стал с нею тих — вот, пожалуй, самое верное слово. До купания в проруби он был весь ошестинившийся, жёсткий, непроницаемый, постоянно готовый к бою; сейчас все углы будто исчезли. Его отпустило, ослабла какая-то мучительно свёрнутая пружина внутри. И ещё с одним человеком он стал мягче — с Лидой.

— Она за мной ходила, — сказал он как-то Гале. — Она хорошо за больными ходит.

И Лида отвечала ему доброжелательным взглядом: мы любим людей, которым сделали хорошее. Лида теперь смотрела на Федю немножко как на свою собственность.

— Возьми шарф, — говорила она, — повяжи-ка на шею, а то опять захвораешь. Ты ещё не окреп.

И Федя без особых возражений повязывал шею шарфом, и почему-то никто над этим не смеялся: фебина болезнь и тревоги, с нею связанные, были ещё свежи в памяти у всех.

Я всё-таки попытался ещё раз поговорить с Фёдей. Я только спросил:

— Как, Фёдор, не надумал ещё?..

И не договорил: он так сверкнул глазами в ответ, что я прикусил язык. Снова смотрели на меня глаза прежнего Крещука — неприступные, отталкивающие; они обжигали холодом, как сталь на морозе. Они говорили: не спрашивай, не смей! Это не твоё, это моё, только моё!

У Гали было терпение, у меня его не было. Я не мог мириться с тем, что где-то женщина, вырастившая этого мальчишку, горюет, мается и не находит себе места. Я написал по всем адресам, постучался во все двери, в какие мог, и отовсюду отвечали: «Такой у нас нет».

Такой нет, такой нет... Где же она? Я не знал её, но думал о ней часто. Я знал, что это такое, когда от тебя уходит человек, в которого ты успел вложить кусок души. Я помнил, каково мне было, когда из Берёзовой поляны ушёл озорник с дерзкими рыжими глазами, Митька Король. Люблю Митьку и всегда любил, и обошёлся он мне, сказать по чести, недёшево. Но разве можно сравнить? Короля я тогда знал считанные дни, а она Федю вынянчила, она его вырастила. Каково же ей его потерять?

Не забыть мне весенний звонкий день. Все окна мы растворили, и весна ворвалась в дом со всем своим гулом и звоном, запахами, свежестью. Деревья ещё стояли голые, но почки набухли и готовы вот-вот проклюнуться острым зелёным язычком.

Я подошёл к яблоньке, которую прошлым летом сломал Федя. Присел, осторожно прикоснулся к лубку, охватившему хрупкий, тонкий ствол. Тотчас же, словно по сигналу, отовсюду стали стекаться ребята: кто прибежал с огорода, весь перепачканный влажный землёй, с лопатой в руке, кто, — держа в объятиях лейку, кто, — зажав пальцем страницу учебника. Они молча стали полукругом и впились глазами в мои руки. Я дотронулся до повязки — она сидела прочно, хорошо.

— Ножницы, — сказал я только, и тотчас появились ножницы. — Бритву. Клей... на всякий случай...

Тут я на мгновение поднял голову и увидел Федю. Упористо расставив ноги, он стоял впереди всех и, не мигая, следил за каждым моим движением.

Федя лежал на третьей полке...

Со всей осторожностью, на какую был способен, я начал снимать повязку. Развязал узел, обойдясь без ножниц. Тихонько разматываю бинт, перехватывая его из руки в руку. Вдруг ловлю себя на том, что приговариваю про себя: «Так... так... сейчас... вот так...» — словно это я перевязываю разбитую руку кому-нибудь из ребят.

Вот бинт кончается, видны дощечки. Так, так... осторожно. Отделяю одну дощечку, другую. Деревцо стоит попрежнему — прямое, стройное. Слово шрам, тонкая светлая полоска на коре — вот и всё, что напоминает о переломе. Сердце у меня так колотится, будто перед нами свершилось чудо воскресения. Живое! Живое! Бегут по стволу из земли живые соки, достигают ветвей, наполняют собою каждую жилку листа, наливают прохладное, смугло-румяное яблоко...

И вдруг тишина взрывается. «Ура!» — кричит Катаев и подбрасывает кепку. «Ура!» — во всю мочь орёт Лира. «Ура! Ура!!» — гремит и звенит со всех сторон. Один только Федя молчит. Губы крепко сжаты и всё-таки, видно, дрожат, а глаза большие, неподвижные, и так блестят, будто стоят в них непролитые слёзы.

Беру у Лиды из рук лейку и поливаю воскресшую яблоньку. Кто-то уже позвал Галю, она тоже садится на корточки рядом со мной, дотрагивается ладонью до ствола, проводит пальцем по бледнозелёному нежному шраму — и вдруг улыбается самой своей счастливей и доброй улыбкой.

До вечера у нас у всех нет другого разговора, на все лады мы перебираем, как это было:

— Нет, я не думала, что срастётся...

— И я. Думаю: где уж там!

— Ведь на одной ниточке висела! Совсем наполовину сломилась.

— Вот ведь что значит не потеряться! — философствует Лира. — Если б тогда махнули рукой, что бы сейчас было, а?

Один Федя молчит. Его тормошат, подталкивают:

— Рад? Рад?.. Да говори, чего ты!

Он щедро возвращает тумачи и всё-таки молчит. Может быть, быстрее, чем всегда, бегаёт в этот день. Вот именно: он сегодня не ходит, а бегаёт, — бежит из столовой в спальню, из спальни на кухню, — куда и зачем бы ни шёл, он не идёт, а бежит.

Вечером мы играем в горелки.

Мы бежим с Фёдей во весь дух и сходимся прежде, чем Катаев успеваёт нас разлучить.

— Семён Афанасьевич! — говорит Федя, крепко сжимая мою руку. — Давайте напишем моей маме. Давайте напишем, только поскорее!

«А я тебе про хорошее скажу...»

«Дорогая мама, здравствуй!

Пишет тебе твой сын Фёдор. Не сердись на меня, мама. Но как тёти дунин Лёшка сказал, что ты мне не родная, я не захотел оставаться дома. Ты меня

прости, и ты на меня не сердись, потому что я не мог.

Я о тебе скучаю и по Егору скучаю. Напиши мне ты, и он пусть напишет, как у вас. Он уже, наверно, хорошо пишет. Мой адрес такой... Отвечай сразу.

Федя».

Галя вертела этот листок, снова и снова перечитывала,— глаза её сияли.

— Я знала! — повторяла она. — Я знала, знала!

И мы стали ждать ответа из маленького сибирского города П. Значит, Полтаву он тогда выдумал, — и как это я, старый воробей, не догадался!

В эти дни Федя разговаривал без умолку, и мы шаг за шагом восстановили всю картину его странствий после того, как он ушёл из дому. Он говорил, как говорит человек, долго против воли молчавший, — говорил, рассказывал и не мог насытиться этим счастьем: не таить, не прятать, открыть, увидеть ответный взгляд, услышать ответное слово, — счастья этого он был так долго лишён.

Я слушал его с любопытством и тревогой. Мальчишка, домашний, совсем не знавший улицы, он, очутившись один, поступал так, словно за его плечами был немалый опыт самостоятельной жизни. Он был осмотрителен, не сделал ни одного лишнего, неверного шага, не сказал ни одного неосторожного слова, которое могло бы возвратить его домой. Он пересаживался с одного местного поезда на другой, всё дальше отъезжая от дома, и взял билет на поезд дальнего следования только уже километрах в двухстах от родного города. Да и там он упрямился, взяв билет какого-то парня лет двадцати, боясь, что самому ему не продадут без расспросов, а лишние вопросы опять же могли вернуть его домой.

Он не обращал на себя внимания. Мальчик как

мальчик, одет хорошо, за спиной только маленький вещевой мешок. Всем, кто этим интересовался, он объяснял, что мать его умерла, а он едет к старшему брату на Украину.

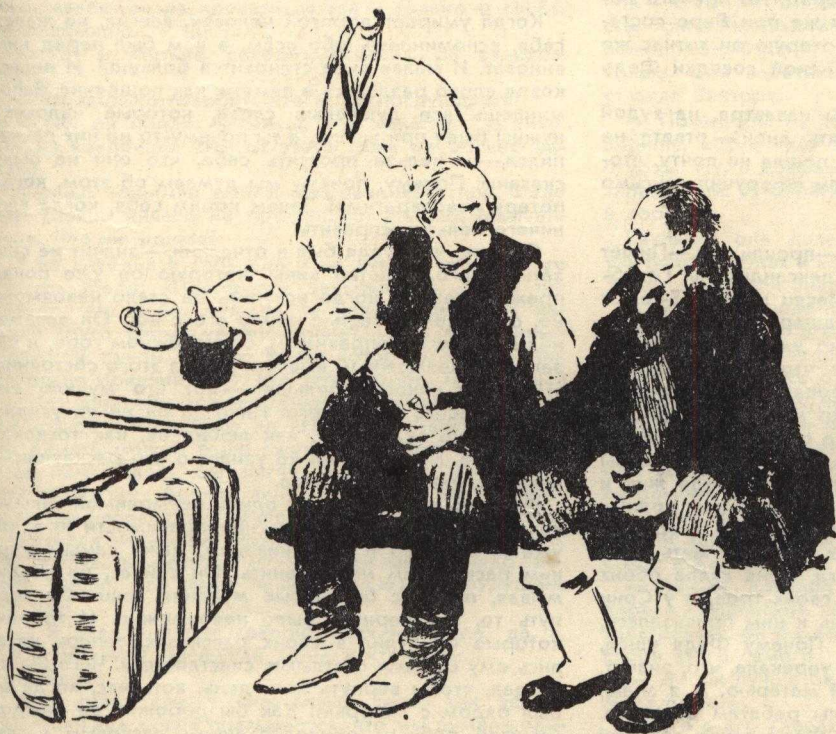
— Почему на Украину, Федя?

— Случай такой вышел...

Случай вышел уже в дороге, в вагоне. Федя лежал на третьей полке. В вагоне было темно, горела только маленькая тусклая лампочка, и поэтому он не мог разглядеть двоих, сидевших внизу. Но, хотя они говорили тихо, Федя всё слышал, и, когда рассказывал об этом разговоре, казалось, что каждое слово отпечаталось в памяти его сердца.

— Я того человека где хотите узнаю, пускай хоть сто лет пройдёт — по голосу. Такой голос — не хочешь, а заслушаешься. Он говорит тому, ну, с которым ехал. «Я, — говорит, — такого в жизни навидался, что меня ничем не испугаешь. Я всё видел: и смерть в глаза видел, и уж похоронен был, — спасибо, отрыли. Мне, — говорит, — чтоб испугаться, уж не знаю, с кем встретиться надо». А другой — ну, с которым он ехал, — говорит: «Смерть не самое страшное, а самое страшное — подлость человеческая. А подлости человеческой в жизни столько, что не расхлебашь». А тот, который сначала, говорит: «Подлости много, а хорошего ещё больше. Вот есть же такие люди: увидал подлость — и уж всех подряд подлецами честит, ничего кроме не видит. Нет, ты мне про подлость не говори, я про неё лучше тебя знаю. А я тебе про хорошее скажу. Вот довелось мне мальчишкой пятнадцати лет в гражданскую попасть к белым. Застигли меня и ещё одного — тому лет двадцать было. Молодой, пригожий, ему бы жить да жить. Привели в штаб. Дело зимой было, на улице мороз, заоченели мы, а тут печка топится, комната маленькая, жарко. За столом сидит начальник и говорит: «Я вам обещаю — отпущу на четыре стороны, только вы мне всё начистоту скажите. А не то такую пытку устрою — не обрадуетесь». И тут дружок мой, ни слова не говоря, суёт руку в печку, достаёт горячих углей, зажимает в горсти и, ничуть не меняясь в лице, говорит: «Ну, как думаете, скажу я вам что-нибудь? Как, — говорит, — думаете: испугаюсь я вашей пытки?» Так и не стали нас больше спрашивать, из штаба вытолкали в шею и повели прямо на расстрел. Его насмерть, меня ранили — и обоих зарыли. Но, как видишь, вот он я — жив-здоров, отрыли меня. Девчонка, которая растапливала печь в штабе, и отрыла. А ты говоришь, подлость. Давай: ты мне историю про подлость, а я тебе пять — не про подлость. Чья возьмёт?»

Потом замолчали они. Я подождал-подождал и спрашиваю: «А как его звали, дружка вашего?» Он встал, пошарил рукой по моей полке. «Ты, — говорит, — кто такой?» Я ему объясняю: так, мол, и так, еду к брату, а как вашего дружка звали!

«Я, — говорит, — такого в жизни навидался, что меня ничем не испугаешь».

Он говорит: «Фёдор. Фёдор Крещук. А тебе зачем?» «Так. А где вы тогда были?» «А разве ты поговору моему не слышишь? Я с Украины, мы оба с Фёдором из-под Киева».

Утром я проснулся, слез с полки, а их уже нет. Я и решил: поеду на Украину, в Киев, и назовусь Крещук. Он Фёдор, и я Фёдор. А фамилию возьму его, стану Крещук, и тогда меня никто не найдёт...

Письма

— Семён Афанасьевич! Письмо! Наверно, про Федегу.

У Леры от жгучего нетерпения дрожат руки, глаза так и сверлят шершавую толстую бумагу самоделного конверта.

Верно, письмо из П., адресовано оно мне. Быстро вскрываю конверт, смотрю на подпись — нет, фамилия чужая, не федина. И пишет чья-то не очень грамотная рука, почерк неразборчивый, такой бывает у людей, не часто берущихся за перо и чернила:

«Уважаемый товарищ учитель Карабанов! Сообщаю, что Софья Александровна Голубкова назад три месяца уехала к сестре в город Псков. Она, как Федя ушёл, полгода искала, а потом сказала: здесь больше оставаться нет мочи. Уехала в город Псков, наказала писать ей, если что. Она мне вестей больше не подавала. Я ей сейчас ваше письмо посылаю и вам тоже пишу. Адрес в городе Пскове у Софьи Александровны такой...»

Не знаю, почему, но от этого письма пахнуло на нас тревогой. Я уговаривал себя — почему бы? Ведь это так понятно: женщине неведомо было оставаться на прежнем месте, где всё напоминало ей о пропавшем мальчике, она была одинока, вот и решила переехать к родне, в другой город. Но тревога почему-то не проходила. Галя тут же при Лире составила подробную телеграмму, которую он тотчас же и отнёс на почту. О письме П-ской соседки Феде решили не говорить.

Я ждал ответной телеграммы назавтра, на худой конец, через день. Прошло пять дней — ответа не было. Через неделю Галя сама пошла на почту, чтобы дать новую телеграмму, и там ей вручили письмо с псковским штампом:

«Уважаемый тов. Карабанов! — прочли мы. — Пишет Вам сестра покойной Софьи Александровны Голубковой. Скончалась она ровно месяц назад, 15-го, от брюшного тифа. Я сама фельдшер, ходили мы за ней в больнице день и ночь, но уже спасти нельзя было. Из П. она потому уехала, что никак не могла там оставаться, когда Федя пропал. Она переехала с младшим фединым братом ко мне. Она разыскивала Федегу, но ничего не могла о нём узнать. Ваша телеграмма опоздала на месяц. Для сестры было бы легче хоть перед смертью узнать, что Федя жив и здоров. Она обоих мальчиков любила, как родных сыновей. Феде четырёх лет не было, а Егорушке только три месяца, когда она их взяла. Их мать была с нашей Соней близкая подруга. Соня взяла обоих мальчиков, потому что у меня своих трое, а у Сони своих детей не было. Она очень к ним привязалась, заменила им настоящую мать. Почему Федя ушёл, понять нельзя. Сестра всё себя упрекала, что, значит, не сумела быть ему настоящей матерью. А я знаю, что это неправда. Она все силы ребятам отдавала, только о них и думала. Зачем Федя такое горе ей принёс, не понимаю и простить не могу. Он уже

большой мальчик, мог бы понимать. Егор пока находится у меня, очень тоскует по матери и брату...»

Поначалу я просто ничего не понял. Трижды, четырёхжды перечитали мы эти строки: «Феде четырёх лет не было, а Егорушке только три месяца, когда она их взяла».

— Подумай, только подумай! — дрожащими губами сказала Галя. — Значит, она и Феде и Егору была приёмная, а не родная. Обоих вырастила, вынянчила... А он-то, глупый...

Одно мы знали твёрдо: Феде об этом говорить нельзя. Это письмо надо до поры скрыть от него. Надо что-нибудь придумать, сообразить. Но что? Что ему скажешь, как объяснишь, почему так долго нет ответа? Лире, который перехватил Галю, вернувшуюся с почты, мы как-то не сообразили выпроводить прежде, чем вскрыть письмо. Мы не учли одного: у Леры было слишком выразительное лицо, он ещё не слишком умел скрывать даже и собственные огорчения, тем более горе за друга. Должно быть, сам чувствуя это, он прямо от меня побрёл в ягодник. Но кто-то увидел по дороге его перевернутое лицо, кто-то сказал Феде. Федя отыскал его и, не поверив односложному «зубы болят», что-то заподозрил.

Он застиг нас с Галей врасплох, без стука распахнул дверь. Он быстро подошёл и требовательно схватил меня за руку:

— Письмо? Дайте!

Я не сумел ни солгать, ни придумать что-либо, чтобы оттянуть время, я просто заколебался на секунду. Федя повернулся к Гале, глянул в её покрасневшие глаза — она не стала их отводить.

— Дайте!

Галя молча протянула ему письмо.

Горе

Когда умирает дорогой человек, всегда, не жалея себя, вспоминаешь обо всём, в чём был перед ним виноват. И малая вина становится большой. И неласковое слово раздаётся в памяти, как пощёчина. Вспоминаешь все душевные слова, которые человеку нужны были при жизни, а ты почему-то на них поспешил, — и нельзя простить себе, что они не были сказаны. Почему, почему мы думаем об этом, когда потеря невозвратима? Зачем корим себя, когда уже ничего нельзя исправить?

Сказать, что Федя был в отчаянии, — значит не сказать ничего. Чувство вины, которую он уже понял прежде, сейчас, когда искупить её стало невозможно, страшной тяжестью сбilo его с ног. Он закаменел в своём непоправимом, безнадежном горе, и казалось невозможным вывести его из этого состояния. «Никогда, никогда больше» — вот что мучило его сильнее всего остального. Никогда он её не увидит. Никогда не скажет ей, как любил её, как тосковал в разлуке. Никогда она не узнает о его раскаянии — никогда, никогда, никогда.

Впервые он понял ужас одной неумолимой силы — невозвратимости прошлого, непоправимости того, что уже произошло и чего никаким, даже самым жарким раскаянием не изменить. Он сейчас, не раздумывая, перенёс бы любые мучения, лишь бы вернуть то, что вернуть было невозможно. И те дни, которые он хулил в своих рассказах, теперь казались ему самыми светлыми, счастливыми. Чего бы он ни дал, чтобы вернуть хоть день, хоть час, когда он был рядом с матерью! Как бы дорожил он каждой минутой, добрым прикосновением, ласковым взглядом, как бы ловил каждое милое слово...

Уж лучше бы он плакал. Уж лучше бы не было с ним никакого сладу, чем это молчаливое отчаяние. Если я пробовал говорить с ним, он прижимал кулаки к глазам, мотал головой и только стонал тем глухим стоном нестерпимой боли, когда слов уже нет.

Случалось, он сам приходил ко мне или к Гале, но, кроме отчаянного: «Галина Константиновна... Галина Константиновна, что же это?» или: «Что же мне делать теперь, Семён Афанасьевич?», — мы ничего не слышали.

Удар был жестокий. Тем более жестокий, что обрушился на Федю в тот час, когда он уже сам всё понял, когда он больше всего на свете хотел увидеть мать, рассказать ей обо всём, что было пережито и передумано. Опомнись Федя хоть на два месяца раньше, он ещё успел бы повидаться с матерью; он это понимал, и от того горе его становилось ещё горше. Мало того, он убедил себя, что он единственная причина её смерти, что он один во всём виноват.

— Ну что ты, ведь у неё болезнь была, тиф, ведь написали тебе, — терпеливо уговаривал его Митя.

Как-то я увидел, что федин отряд работает на прополке, а Феде нет. Я спросил, где он.

— Да ладно, Семён Афанасьевич, — нерешительно сказал Лира. — Лучше мы сами...

— Ему не до свёклы сейчас, — прибавил Берест.

— Как это не до свёклы? Человеку всегда до свёклы. Пускай работает вместе с вами.

Лира смотрел на меня с укором, хмуро.

— Если человек тонет, ты его оставишь тонуть? — сердито спросил я. — Или, может, попробуешь вытащить?

— Ну, попробую... Так ведь у него вон что случилось...

— Случилась большая беда. И бередить вопроса-ми, приставать с утешениями не надо. А оставлять, чтобы он на кровати лежал и только о своём горе думал...

— Вот и Митька говорит, — сказал со вздохом Лира.

— Правильно говорит. Что ж не послушались?

— Ну, он придёт — сейчас все замолчат. И тихо, как на кладбище. Ему от этого тоже не больно весело.

Я очень понимал ребят: разговаривать при Феде так, словно ничего не произошло, стыдно. Молчать худо. Что же делать?

Я не находил в себе сил и не считал себя вправе сказать Феде: «Постарайся забыть». Не мог я так сказать. Не знаю, должен ли человек помнить измену друга, слово, которое ранит, удар, нанесённый любимой рукой, обиду, боль, которую вольно или невольно причинил тот, кто тебе дорог. Тут каждый решает для себя, и нет случаев похожих. Но можно ли забыть о том, кого не стало? Да, наверно, если бы память можно было сжечь и развеять по ветру, всем нам жилось бы легче. Но бог с ней, с такой лёгкостью. Время лечит. Если бы не лечило, если бы человек замыкался в своей скорби и отгораживался от жизни, жизнь стала бы невозможной. Но забывать нельзя. И не забвением надо лечить Федю. Его надо лечить мыслью о будущем. Но как?

— Я знаю! — вдруг говорит Галя. — Да, да, да, я, кажется, знаю! Послушай, Сеня, а что, если...

— Егор?

И в ответ слышу счастливый смех, так всегда смеётся Галя, когда оказывается, что мы думали одинаково и порознь пришли к одному.

Много преображений видел я на своём веку, но другого такого, пожалуй, не вспомню. Услышав имя Егора, Федя встрепнулся, весь поддался вперёд и схватил Галю за руку.

— Сюда? Егора сюда? Нет, Галина Константиновна, вы правду говорите, правду?

В нём всё ожило — глаза, голос, — всё трепетало. Обеими руками он и беспомощно и требовательно, как маленький, цеплялся за Галю и говорил, спрашивал, не дожидаясь ответа, и снова повторял:

— Егора сюда? Когда же? Я поеду? Вы писали? Спрашивали? Когда же?

Галя, стараясь не зарзаться его волнением, отвечала спокойно и всё тихо поглаживала его по голове, отводя волосы со лба:

— А ты сам разве об этом не думал? У Анны Александровны трое ребят, ей нелегко оставлять у себя четвёртого. Да и Егору будет лучше у нас, вместе с тобой, верно ведь?

В Псков в тот же день полетело письмо, а на долю Феде осталось самое трудное — ждать.

Было это в начале августа. Ответа мы ждали не раньше чем недели через две, скорее всего к началу занятий. И вот в эти-то дни ко мне подошёл Виктор Якушев:

— Я получил письмо от тётки. Она больна, просит приехать хоть на неделю. Если не верите, посмотри-те, вот она пишет...

— Да зачем же мне смотреть? Что у тебя за странная привычка всюду ссылаться на документы? Разве ты думаешь, что тебе не верят?

— Нет, я просто так... Значит, можно, Семён Афанасьевич? У тётки сердце очень плохое, я за неё боюсь... — Голос Вити зазвучал глуше, и мне стало со-вестно, что я придрался к нему.

Мы разрешили ему съездить на неделю в Харьков — с тем чтобы он вернулся не позднее 27 августа. Тонна Ринальдовна снарядила его, дала огурцов, помидоров, буханку хлеба, десяток крутых яиц с солью. Она заботливо всё укладывала, заодно на-ставляя Виктора:

— Помидоры ты первым делом съешь: раскиснут. Видишь, какие спелые? А потом уж принимайся за огурцы. Ну, в добрый час, привет тётке и, смотри, не запаздывай. И береги, береги баульчик, знаешь как в дороге...

Баульчик она дала свой. Так с яркожёлтым баульчиком в руках и небольшим защитного цвета рюкзаком за спиной Виктор и отбыл в Харьков.

А вскоре пришло письмо из Пскова: сестре Софьи Александровны и в самом деле нелегко было оставлять Егора у себя; она подумывала о детском доме и всё не решалась отдать мальчика. Но если к нам, к Феде... Пожалуй, на это она согласна. Сейчас есть надёжная оказия — один знакомый как раз едет в Харьков. Посылать ли мальчика с ним? До Харькова нам всё же поближе, чем до Пскова. Она ждёт телеграммы: знакомый уезжает со дня на день.

Мы тут же откликнулись и на следующий день получили адрес человека, который 28 августа привезёт Егора в Харьков.

— Эх, — с досадой сказал Василий Борисович, — адреса якушевской тётки-то мы и не знаем! Дали бы телеграмму, он бы задержался на денёк и прихватил Егора этого самого.

— Да уж лучше без Якушева обойтись, — возразил Митя Король.

Что-то в его словах насторожило меня:

— Это почему?

Митя не успел ответить, как раздался голос Лиды:
— Бывает же так... что к человеку несимпатия?
— Гм... несимпатия? — удивился Василий Борисович. — Я, например, всякую свою несимпатию могу объяснить.

— Однако адреса нет, — сказал Митя, который, пожалуй, впервые на моей памяти ушёл от прямого разговора. — Надо думать, что же поедет.

Посылать кого-нибудь из ребят мы побоялись: вдруг как-нибудь задержится, не успеет к первому сентября. Надо было ехать одному из воспитателей. Легче всего было бы послать Ростислава Андреевича. Но вдруг вызвалась Галя:

— Я думаю, надо поехать мне. Я это сделаю лучше всех, — сказала она простодушно, и мы согласились с нею.

...Когда пришла от Гали телеграмма о том, что они с Егором выезжают, я решил прихватить Федю, который не находил себе места, и встретить их не в Старопевске, а чуть раньше.

Мы сели с Федей на дачный поезд и поехали в Волошки, где харьковский поезд останавливается на несколько минут. Вошли в довольно-таки набитый вагон. Федя пристроился у окна и пристально глядел на проплывавший мимо яркий осенний лес — жёлтые березы, красную, словно огнём обожжённую осину. Я стал рядом с Федей, обхватил рукой его плечи, и он прижался ко мне. Вагон покачивало на стыках, но мне казалось, что крепкое тело мальчугана вздрагивает не от одной этой тряски: я чувствовал в нём глубоко запрятанную внутреннюю дрожь нестерпимого волнения, душевной работы. Так ощущаешь скрытое напряжение, стоя рядом с работающим мотором.

Но вдруг я и сам вздрогнул и замер, не в силах повернуться. Позади я услышал знакомый глубокий голос. На секунду я еще подумал с надеждой: ошибка! Но тут же понял, что ошибки нет.

— Добрые граждане, дяди и тётки! Пожалейте сироту! Два дня, как мать схоронили, остался я с patru братишками и сестрёнками. Подайте на пропитание, сколько можете...

Нет, ошибки не было. Я знал это. Знал ещё и потому, как напряглись и застыли под моей рукой федины плечи. Он, как и я, не поворачивался, только слушал и ждал.

Знакомый голос приближался. Он повторял всё одно и то же, однообразно, нараспев, привычным тоном нищего, но с чувством, со слезой. Ближе, ближе. Слышался стук монет о что-то жестяное. Кто-то сказал:

— В детдом надо, а не по вагонам ходить!

Другой голос, стариковский, возразил:

— Погоди! Его беда только что ушибла, дай опомниться. Трудно тебе с копейкой расстаться?

И третий — женский — произнёс скорбно:

— Без матери, мал-мала меньше...

Я взглянул на Федю и встретил совершенно круглые глаза. Уж не знаю, чего больше в них было: ужаса или изумления? «Что это? Да что же это?» — внятно говорили они.

— Не поворачивайся, — сказал я одними губами.

Голос всё приближался, вот он уже почти рядом. Внезапно я обернулся, протянул руку. Автоматически кланяясь, не глядя мне в лицо, Якушев подставил жестянку. Но я не кинул в неё монету — я опустил руку ему на плечо. Он удивлённо поднял голову — и отшатнулся, весь побелел, выронил консервную банку, в которую собирал милостыню. Серебро и медяки со стуком покатались по полу.

Он рванулся, но я держал его крепко. На нас смотрели с любопытством.

— Чего схватил мальчишку? Что он тебе сделал? — вступился стоявший рядом со мною чумазый парень, по виду слесарь, возвращающийся со смены домой.
— Правда, чего вцепился? — прогудел ещё кто-то.
— Мой мальчишка! — процедил я сквозь зубы, и все умолкли вокруг.

Мы провели в вагоне ещё тягостных полчаса. Молчали мы трое, молчали и все пассажиры. Но напряжённое, одеревеневшее плечо под моей рукой яснее слов говорило: «Нет, уйду, уйду, ни за что не пойду с тобой!»

Подъехали к Волошкам. Когда стали выходить из вагона, под ногами что-то брякнуло — жестянка с оставшимися монетами. Соседи, выходя, едва не отёрли меня от Виктора, и в это мгновение он нагнулся и быстрым, прячущимся движением поднял жестянку.

До галиного поезда оставалось минут двадцать.

— Семён Афанасьевич! Отпустите меня! Я ни за что с вами теперь не поеду! — отчаянно сказал Якушев.

— А я тебя куда не отпущу, — ответил я, как мог, спокойно.

— Ни за что не поеду! И Галине Константиновне не покажусь! — повторил он тем же отчаянным голосом.

— Галину Константиновну мы сейчас встретим; она едет из Харькова, куда ты, я вижу, не попал.

— Если вы ей скажете...

— Я никому ничего не скажу, — ответил я.

И тут мы с ним оба взглянули на Федю, который сумрачно смотрел в сторону.

— Не хочу! Крещук всё равно всем расскажет! — всхлипнул Виктор.

Федя впервые взглянул на него тем же сумрачным, отчуждённым взором и хмуро, но твёрдо сказал:

— Раз Семён Афанасьевич не хочет говорить, так и я не скажу!

И мы оба — и Виктор и я — поняли, что он действительно будет молчать намертво и никакими клещами никто из него и слова не вытащит.

Признаться, про себя я вздохнул с некоторым облегчением. Мне некогда было думать, правильно ли я делаю. Я хотел только одного — не упустить мальчишку, оставить его около себя. Не будь с нами Федей, я добился бы этого без большого труда. Присутствие Федей едва не погубило дело.

Я взял у Виктора из рук консервную банку с оставшимися монетами и швырнул подальше.

— Ну, всё. Теперь будем ждать Галину Константиновну с Егором. Да, последнее: где твой баул? (Защитного цвета рюкзак болтался у него за плечами.) И вдруг в его глазах что-то вспыхнуло, и он, точно обрадовавшись, торопливо ответил:

— Украли, Семён Афанасьевич... все вещи украли! Потому мне и пришлось...

Я не дал ему договорить:

— Не ври. Где баул?

Глаза его погасли.

— В Старопевске оставил... у тётки.

— Ладно, съездим потом в Старопевск. А теперь...

— Семён Афанасьевич, — тихо сказал Федя и крепко взял меня за руку, — поед...

Егорушка

Якушеву повезло: мы приехали домой под вечер, и всё внимание отдано было фединому братишке. Даже зоркая Тонна Ринальдовна не заметила, что яркожёлтый баул не вернулся. Я решил, что в

первую же удобную минуту как-нибудь ей это объясню.

По двору между Галей и Федей шёл Егор. Он был точная федина копия, такой же глазастый и лобастый, только весь поменьше и хрупкий, да волосы посветлее и в лице меньше проступают мальчишеские углы, больше простодушия и ребячьей пухлости. А сейчас в этом лице преобладало изумление, перед которым отступила даже радость недавней встречи. Он не успевал отвечать на улыбки, оглядываться на приветствия.

На верхней ступеньке нашего крыльца стояла напуганная и восхищённая своей миссией Настя. Она держала в руках новый портфельчик, и, когда мы приблизились, обеими руками протянула подарок Егору, и сказала, глядя на мальчика такими же круглыми, как и у него самого, блестящими глазами:

— Милости прошу... милости просим! Вот тут учебники для третьего класса... это всё твоё...

Подошла Лена и молча подала Егору пряник. Вслед за ней появился Вышниченко и, опасливо глянув на меня, сунул Егору... рогатку. Ребята подошли и подходили, и каждый что-нибудь протягивал мальчику с кратким: «Тебе! Держи! На!» — а он стоял, не успевая оглядываться и отвечать, только поворачиваясь то вправо, то влево. Крохотная выгоревшая кепочка, и прежде не закрывавшая большого чистого лба, теперь совсем сползла ему на затылок, в застенчивых глазах всё яснее проступала улыбка. Ему уже и рук не хватало, он уже что-то придерживал подбородком.

— Ну, ну! Вы его увешали с ног до головы, прямо как рождественскую елку! — смеясь и отстраняя ребят, говорила Галя. — Вышниченко, да ты что? Зачем ему рогатка? Хватит! Хватит! Дайте же ему умыться, мы ведь с дороги!

Я взглянул на Федю. Он перебежал взглядом с одного лица на другое, словно впервые увидел ребят, которые жили рядом с ним уже больше года.

Он смотрел удивлённо, благодарно, смотрел и молчал.

К нему подошёл Митя и обнял его сзади за шею.

— Ну, вот и хорошо! — сказал он своим весёлым голосом, в котором пряталась слышная и мне и, наверно, Феде ласка.

Из фединых сияющих глаз вдруг побежали слёзы. Крупные и светлые, катились они по его осунувшемуся щекам, не меняя счастливого, благодарного выражения лица.

И тут я мог оценить душевную чуткость своих ребят. Ни один не стал пялить на Федю глаза, никто не кинулся к нему с утешениями, никто не спросил: чего ты, мол? Просто никто ничего не заметил. Витязь снимал с Егора заплочный мешок, Лида уже стояла с полотенцем и мылом в руках, Горощко уже расталкивал остальных:

— Ну, будет, будет! Не понимаете, что ли, человек с дороги!

Один Якушев не принимал участия в суматохе этой встречи; он стоял в стороне с напряжённым, точно окаменевшим лицом.

— Поди разденься, умойся, — сказал я, проходя мимо. — И ужинать, слышишь?

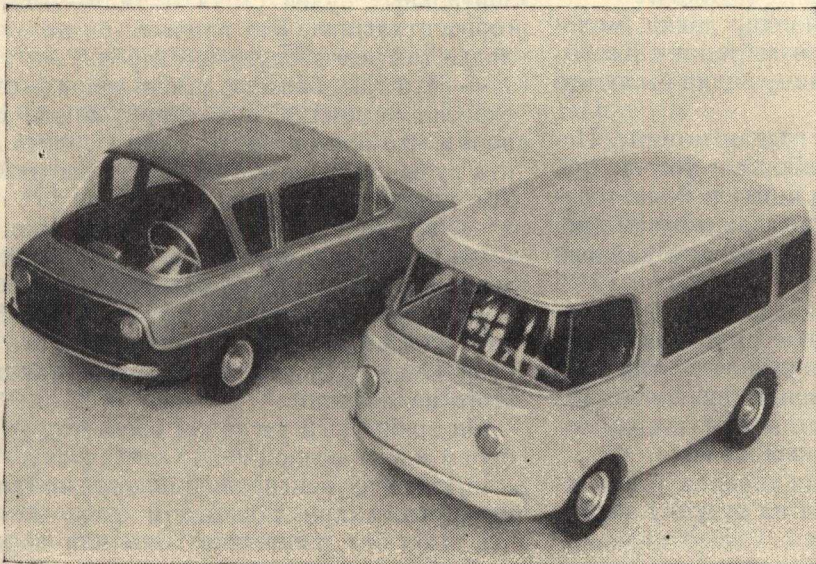
Когда в доме всё утихло, погасли огни в столовой и кухне и только в спальне горел тусклый огонёк керосиновой лампочки, к нам в комнату постучали. Галя открыла — на пороге стоял Федя.

— Ну, как? Уложил? Всё в порядке?

— Галина Константиновна! — сказал Федя. Дыхания не хватало, он продолжал не сразу: — Вот... в егорушкиных вещах вам конверт. И Семёну Афанасьевичу...

Он подал Гале не конверт, а целый объёмистый пакет, тщательно запечатанный (должно быть, документы, оставшиеся от матери). Потом молча прислонился лбом к её плечу. До двери было далеко, да и они стояли на пороге. Я перекинул ноги через подоконник и прыгнул в сад.

Б Е Л К А

Этот автомобиль рядом с другими машинами кажется малышом. Он почти вдвое легче «Москвича». Горючего он расходует вдвое меньше «Победы». Колёса у новой машины совсем маленькие, как игрушечные. В кузове могут разместиться пять человек, идёт она со скоростью 95 километров в час. Эту машину построили в старинном уральском городе Ирбите. В былые годы этот город славился своей ярмаркой да шурками белок, которых тысячами били в уральской тайге. Сейчас в Ирбите делают известные на весь Советский Союз мотоциклы, сверхпрочное стекло «сталинит», автоприцепы... Теперь там строят и автомобили.

Новый автомобиль называли «Белкой». Ему очень подошло это имя: машина получилась быстрая, вёрткая и красивая, как белка.

ОДНАЖДЫ В МОРЕ

В. Максименко и А. Некрасов

Небольшая подводная лодка «Малютка» шла на выполнение боевого задания.

У перископа стоял командир лодки, молодой ещё офицер, капитан-лейтенант Костылёв. По его спокойному лицу видно было, что всё идёт хорошо.

Не меняя тона, ровно гудели моторы. Исправно работали все приборы и устройства, надёжные люди — испытанные в боях товарищи — стояли на своих постах и незаметно, без суеты, без лишних слов делали каждый своё дело.

В перископ видно было, что и погода и обстановка благоприятствуют выполнению задания: на море штиль, видимость отличная, кругом, до самого горизонта, ни вражеских кораблей, ни катеров-охотников.

Всё предвещало удачный рейс...

Вдруг резко вздрогнула стрелка глубометра, и мутнозелёная волна на секунду закрыла глазок перископа.

Командир не успел обернуться, не успел спросить, в чём дело, но уже понял, что слу-

чилось что-то неладное. У штурвала горизонтальных рулей стоял боцман — опытный горизонтальщик. Без причины он не дал бы лодке так резко нырнуть в глубину.

— Что там, боцман, в чём дело? — строго спросил командир, но, обернувшись, сразу понял, что боцман не виноват. Сердито стиснув зубы, он пытался повернуть штурвал, но это, видимо, не удавалось.

— Заклинило? — спросил командир.

— Так точно, заклинило, — доложил боцман, вздохнул и с облегчением глянул на командира, точно хотел сказать: «Я всё, что мог, сделал, теперь ваш черёд...»

— Так, — с досадой сказал командир, — этого не хватало!..

Он привычным взглядом пробежал по приборам и мгновенно оценил обстановку.

...Лодка с неисправными горизонтальными рулями при подводном ходе — то же, что рыба без плавников: она или зароется в глубину, или всплывёт на поверхность. Всплыть — это значит нарушить приказ. Это

значит поставить под удар и корабль и экипаж. Ведь враг где-то близко. Его не видно, не слышно, но в любую минуту он может подойти, обнаружить и уничтожить всплывшую лодку... Идти дальше тоже нельзя. Глубина — метров тридцать, не больше: врежешься в дно... Остаётся одно — лечь на грунт.

И командир принял решение:

— Стоп, электромоторы! По местам стоять, к погружению! — приказал он.

Когда умолкли моторы и стихла вода, с шумом хлынувшая в балластные цистерны, командир сказал, обращаясь ко всему экипажу:

— До темноты отлежимся, а там всплывём, посмотрим, в чём дело.

И в ту же секунду слышно стало, как хрустят ракушки, ломаясь под тяжестью судна. Лодка легла на грунт.

Отлежаться на дне нехитро. Но и тут нужен расчёт. Запас кислорода на «Малютке» не велик. Часть его уже израсходована в плавании. Сколько придётся лежать, неизвестно... И командир, быстро прикинув в уме, распорядился:

— Всем свободным от службы лежать на койках!

Невесёлое дело — лежать без движения и ждать часами, что пошлёт судьба. Но на лодке все знали: когда на учёте каждый глоток воздуха, каждый человеческий вздох, другого выхода нет.

Лишний свет погасили. В полутьме люди покорно лежали, молчали. Каждый думал о своём, а командир думал один за всех и вполголоса говорил со старшиной рулевых Агаповым, лучшим легководолазом корабля.

Потом и они умолкли. Полная тишина воцарилась на лодке, только раз в полчаса тихонько позванивали судовые часы. Наконец, когда пробило двадцать два, раздалась долгожданная команда:

— По местам стоять, к всплытию!

В одно мгновение люди оказались на своих постах. Защёлкали рубильники, зашипел сжатый воздух, вытесняя воду из цистерн.

Лодка вздрогнула и пошла на всплытие. Потом стало слышно, как шумят волны за бортом, лодку стало покачивать. Значит, всплыли.

Открыли люк. Осмотрелись.

Стояла тёмная, беззвёздная ночь. Моросил мелкий дождь. По морю катились невысокие волны с белыми гребешками.

Агапов внимательно осмотрел водолазный костюм и стал одеваться.

Задание, полученное водолазом, само по себе было несложным. Осмотреть рули — минутное дело. Исправить — тут уж как обернётся... Если затянется эта работа, можно подняться, отдохнуть, можно всегда потребовать нужный инструмент, можно и помощи попросить сверху.

Но тут, в боевой обстановке, когда каждая секунда грозит бедой, нужно всё обдумать заранее, потому что любая ошибка может стать роковой.

Поэтому и собирался и одевался Агапов особенно тщательно. Он подобрал инструмент на каждый возможный случай, надел две тёплые фуфайки, придирчиво проверил дыхательный аппарат.

А командир, хоть он и знал, что Агапов — опытный водолаз, всё-таки сам проверил исправность костюма, и запас кислорода в баллончике, и набор инструментов. И только убедившись в том, что всё подготовлено так, как нужно, дал команду.

Когда водолаз уже поднимался по трапу, командир на секунду задержал его и сказал в напутствие:

— Экономьте кислород. А в случае чего — не теряться, ясно?

— Есть не теряться, товарищ капитан-лейтенант! Ясно! — ответил водолаз и поднялся на палубу.

Легко ступая по мокрому металлу, он прошёл на нос лодки. Старший матрос Степан Орлик, друг и помощник Агапова, закрепил на поясе товарища сигнальный конец. Агапов обернулся к мостику, куда вышел командир.

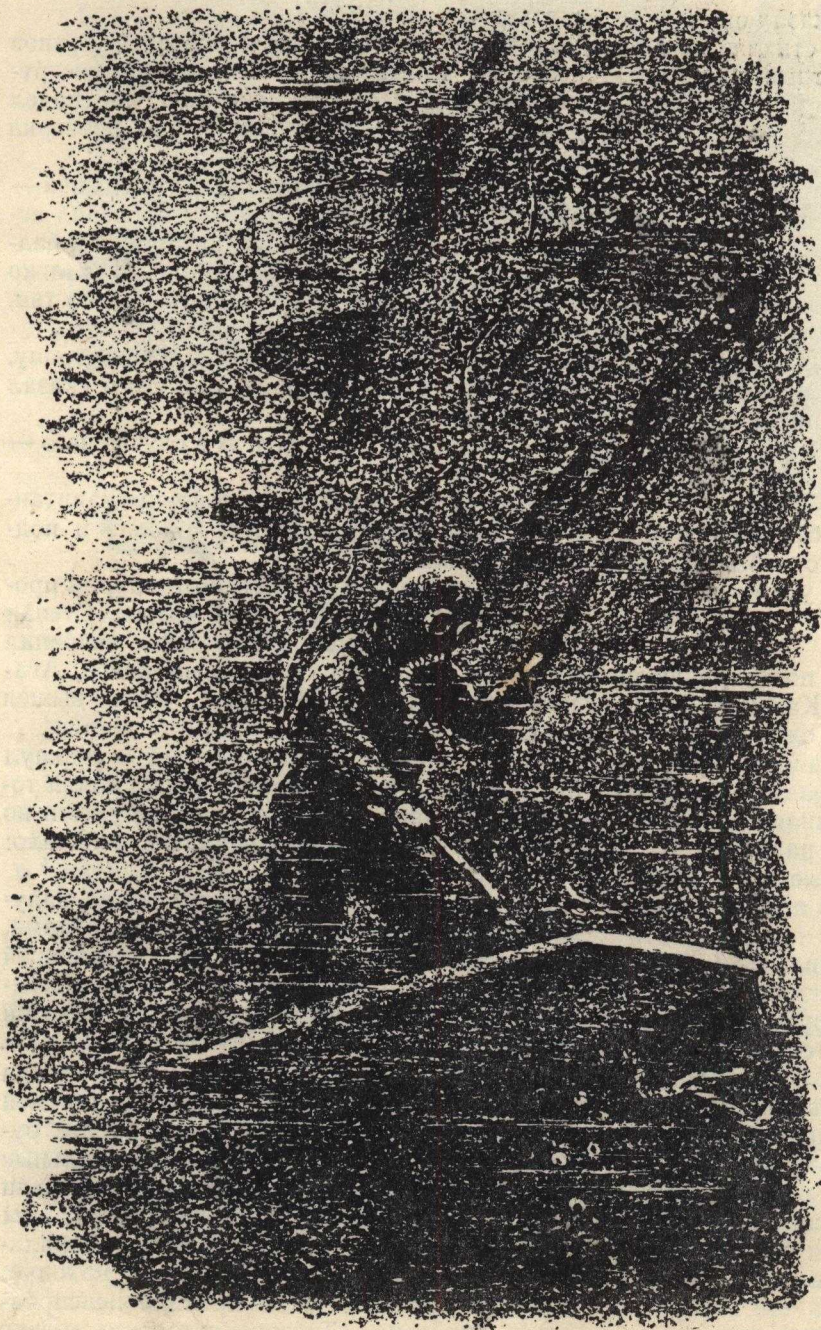
— Всё, Агапов, желаю успеха! — крикнул тот и махнул рукой. Орлик крепко обнял товарища и широкой ладонью шлёпнул его по резиновому шлему скафандра. Это означало: «Пошёл!»

Агапов, спустив ноги в воду, сел на палубу, потом оттолкнулся легонько руками, скользнул вниз и скрылся в набежавшей волне. Теперь с внешним миром его связывала только верёвка, один конец которой был закреплён на поясе, другой — на палубе.

Едва оказавшись в воде, Агапов нащупал ногами плоскость руля. Усевшись на ней поудобней, привычными к такой работе руками он стал быстро ощупывать стальные плавники лодки. Очень скоро в узкой щели между плоскостью руля и его ограждением водолаз нащупал кусок толстого манильского троса и порадовался своей находке: полдела было сделано — причина неисправности найдена. Теперь осталось только устранить её.

Водолаз изо всех сил дёрнул трос за конец, но тот не поддавался: видно, крепко зажало его между двумя кусками стали. Водолаз дёрнул второй раз — трос ни с места.

Тут, на секунду задумавшись, как лучше справиться с этим не к месту оказавшимся тросом, Агапов услышал звонкий шум судовых винтов.

Дело двигалось медленно. Трос затвердел в воде и поддавался туго.

Опытное ухо подводника сразу определило, что к лодке спешат катера-охотники.

«Наши-то слышат ли?» — подумал Агапов, но в то же мгновение почувствовал, как дёрнулся сигнальный конец. Это Орлик предупредил друга об опасности, о том, что лодка срочно идёт на погружение.

«Порядок, — подумал Агапов, — услышали во-время». И тут только, когда прошла привычная, годами выработанная тревога за корабль, он со всей ясностью представил своё положение.

А положение, что и говорить, было неважным.

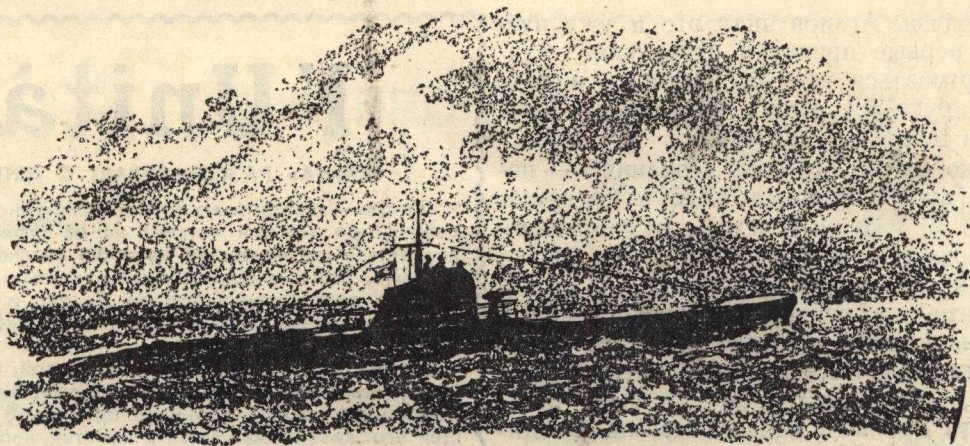
Спасая лодку, командир принял единственно правильное решение немедленно ложиться на грунт... Иного выхода не было.

Но от этого ему, Агапову, было не легче. Сколько придётся болтаться одному на тридцатиметровой глубине, будут ли катера бомбить, хватит ли кислорода? Пока об том рано было гадать. Сейчас важно было одно: покрепче держаться за плоскость руля, чтобы не оторваться от лодки во время погружения.

Обхватив руками и ногами плоскость, Агапов весь отдался этой простой, но важной задаче.

Здесь, за бортом, он ясно представил себе, как встали по местам люди; он слышал, как захлопнулись люки, как зашумела вода, заполняя цистерны. Потом он почувствовал, как вода со всех сторон навалилась на него страшным грузом. В ушах зазвенело, на миг перехватило дыхание, перед глазами, обгоняя друг друга, замелькали цветные круги.

Но он недаром слыл опытным водолазом. Осторожно освободив правую руку, он нажал кнопку пушкателя кислорода. Сжа-

Ночью лодка всплыла.

тый газ из стального баллончика, шипя, ворвался в дыхательный мешок. Дышать стало легче. Круги перед глазами погасли, шум в ушах замолк, и, когда лодка с лёгким толчком легла на грунт, Агапов уже дышал так, как может дышать на тридцатиметровой глубине здоровый, привычный, хорошо тренированный человек.

Погружение закончилось благополучно. Проревев моторами, катера удалились, не обнаружив лодку. И когда оттуда, из лодки, условным стуком спросили водолаза о его самочувствии, он, ни на мгновение не задумавшись, отстукал в ответ: «Все в порядке» — и принялся за работу.

Вырвать трос из щели целиком не удастся. В этом Агапов убедился ещё там, наверху. Оставалось одно: острым крючком прядь за прядью, волокно за волокном выдирать трос по частям.

Дело двигалось медленно. Трос затвердел в воде, как дерево, и поддавался туго. Но другого выхода не было, и Агапов терпеливо, клочок за клочком выдирал волокна, все время сознавая, что от его успеха зависит жизнь боевого корабля, товарищей и его самого.

Минуты решали успех дела. Хватит ли сил, выдержки, хватит ли кислорода? От этого теперь зависела общая судьба.

Агапов понимал это и старался не думать о времени. А там, в стальной коробке лодки, не знали о том, что думает водолаз, и, чтобы подбодрить его, каждые три минуты запрашивали о самочувствии.

Он каждый раз неизменно отвечал: «Все в порядке», — а сам невольно вёл счёт этим стукам, каждый из которых напоминал ему, что драгоценное время идёт.

Прошло шесть... девять... двенадцать минут...

Катера давно ушли. Лодка готовилась к всплытию. А он клочок за клочком дёргал волокна троса и пока что не видел конца этой утомительной и скучной работе. И вдруг снова, нарастая, послышался звук винтов. Катера возвращались. Вот они ближе... ближе... Может быть, минуточку спустя взорвутся сброшенные с них глубинные бомбы. Даже если промахнутся, водолазу не сдобровать: стальной корпус лодки ещё может выдержать гидравлический удар, а водолаз погибнет наверняка... Значит, нужно спешить...

Чтобы ускорить работу, Агапов лёг на плоскость руля и принялся выдирать трос с другой стороны. Так дело пошло быстрее. Но и время не стояло на месте: уже пятнадцать минут работал он здесь, на глубине. И вдруг он почувствовал, как по ноге змейкой выше и выше поползли ледяные струйки воды. Агапов понял, что где-то острая ракушка проколола резиновый комбинезон. Как это случилось, теперь уже было всё равно: он ничего не мог тут поделать.

Плотно стиснув зубами загубник кислородного аппарата, он упорно продолжал работать, стараясь сохранить самое главное для легководолаза — ритм дыхания. Но и это было нелегко. Холод давал себя знать. Вступив в борьбу с этим новым врагом, организм так быстро расходовал кислород, что автомат не успевал подавать его в дыхательный мешок. Приходилось вручную добавлять газ из баллона. Так легче было дышать, но появилась новая опасность: на большой глубине кислород становится ядом

для водолаза. Агапов знал это и уже чувствовал первые признаки отравления. Стали подёргиваться веки, судорога то и дело сводила руки. А время неумолимо шло. Ещё три минуты... ещё три...

«Только бы не потерять сознания!» — подумал Агапов и отстучал: «Всё в порядке».

Теперь он уже ни о чём не думал, кроме этого троса. Он понимал, что уже близка победа, но силы оставляли его. Это он тоже понимал и решил отдохнуть немного. Сел, прислушался. В море стало тихо. Он не заметил, значит, как ушли катера. «Это хорошо», — подумал он, но тут снова цветные круги поплыли перед глазами. Уходило самое главное — сознание. На секунду мелькнула мысль: «Всплыть», — но он отказался от этой мысли и тут же услышал ставший уже привычным вопрос: «Как самочувствие?»

Собрав остатки сил, собрав всю волю, сведённой судорогой, закоченевшей от холода рукой он просигналил: «Всё в порядке» — и, бросив крючок, рывком выдернул остатки троса. Дело было сделано. Теперь нужно было подумать о себе, но на это уже не хватило сил.

Точно во сне, Агапов услышал три удара — сигнал подъёма. Окоченевшей рукой он перекрыл клапан и выключился из дыхательного аппарата, потом последним усилием вцепился в руль и потерял сознание.

Когда открыли люки, рядом с лодкой всплыло неподвижное тело водолаза. Казалось, что он мёртв, но из клапанов скафандра, тихоноcko шумя и пеня воду, вырвались воздушные пузырьки. Значит, Агапов дышал.

Его подняли, раздели, уложили на койку. Несколько минут он пролежал неподвижно, потом открыл глаза, поднял большой палец, повертел кистью руки и, не сказав ни слова, снова потерял сознание.

Но и без слов все поняли: рули исправны. Корабль погрузился и под перископом пошёл вперёд выполнять боевое задание.

А неделю спустя, когда «Малютка» возвратилась на базу, Агапова вызвали в штаб. Вернулся он радостно взволнованный: на его груди сверкал боевой орден Красного Знамени.

Это было на Чёрном море в конце Великой Отечественной войны.

I' Unità

«УНИТА» РАЗГОВАРИВАЕТ С ДЕТЬМИ

«Унита» — газета итальянских коммунистов. С недавних пор каждый четверг на её страницах стал появляться заголовок «Il libro dei perché» — «Книга почему». Это пионерский уголок газеты «Унита», ведёт его поэт Джанни Родари. Весело и остроумно отвечает он на самые разнообразные вопросы ребят.

Ответы Родари, написанные то прозой, то стихами, иногда серьёзные, а чаще шуточные, говорят маленькому читателю большую правду об окружающей его жизни, учат любить простой народ, верить в его силы.

Вот Джанни Родари отвечает на вопрос Марны Аннови, почему газета итальянской компартии называется «Унита»:

— Потому что «Унита» — значит «единство», а наша партия хочет объединить всех рабочих, всех трудящихся, чтобы перестроить жизнь в Италии по-новому.

— Почему сахар сладкий? — спрашивает Адрианна Черрани.

— Сахар сладок по двум причинам, — отвечает Родари. — Во-первых, потому, что он содержит такое сладкое вещество — глюкозу. А во-вторых, потому, что пока у нас повышен налог только на соль, а не на сахар. Держу пари, что, если бы повысили налог и на сахар, сахар стал бы солёным.

— Почему на Северном полюсе всегда холодно? — спрашивает Массимо Мартини.

— Потому что полюсы нашей Земли слабо обогреваются солнцем: на них попадают лишь косые солнечные лучи. Климат зависит ещё от многих причин, но некоторые климатические условия могут быть изменены творческим трудом людей. Можно образовать моря в пустынях или преградить доступ холодным водам из одного моря в другое. Всё это и ещё многое можно будет сделать, когда энергия людей будет обращена только на дело мира.

Пусть Мир планету нашу озарит,
Как солнце землю озаряет ныне, —
Тогда фиалки человек взрастит
На месте дикой ледяной пустыни.
Тогда на самом полюсе пингвин,
Зажмурившись, понюхает жасмин,
И северных цветов букеты целые
Нарвут для мамы медвежата белые.

Ринальдо Капитони спрашивает, почему есть ещё на свете короли.

— Короли царствуют до тех пор, пока народ их терпит. Как только народ поймёт, что король — такой же человек, как все, и почувствует себя достаточно сильным, он так или иначе отделяется от короля и провозглашает республику, — отвечает ему Джанни Родари и тут же попутно рассказывает древнегреческий миф о царе Мидасе: — Всё, к чему прикасался Мидас, в тот же миг превращалось в золото. Так боги наказали царя за его безмерную жадность.

Рассказ о жадном Мидасе Родари кончает шуточным стихотворением. Это и два других стихотворения Джанни Родари, напечатанные в газете «Унита», вы здесь прочтёте.

Б. Шлейфер

IL LIBRO DEI PERCHÉ

Джанни Родари

Перевёл Я. Аким.

КОРОЛЬ И Я

Не хочешь ли
Сказку послушать!
Изволь.
...В древности жил
Разнесчастный король.

Бывало, как только
Он утром проснётся,
Возьмётся за хлеб
И к вину прикоснётся,
Звякнет лопоть
О застывшее дно:
Золотом сделались
Хлеб и вино.

Конфеток откусает —
Выплюнет слитки...
Нет, не придумать
Ужаснее пытки!
Плачет король,
Царедворцев кляня...

Иначе дела обстоят у меня.
«Чертовски богатым»,
Как пишут в романе,
Являюсь я в лавку
С получкой в кармане.

Куплена, в сущности,
Вовсе безделица,
Но тотчас
Получка
На части разделится.

Тысячи лир
Превращаются в сотни,
Денежки тают,
Как снег прошлогодний...

Едва подержал я
Монеты в руках,
И снова — о чудо! —
Сижу я в долгах!

ДЕНЬ БЕЗ ГОЛОДА

Эх, если бы стать
Хлебопёком-волшебником
Да выпечь бы хлеб —
Вопреки всем учебникам —
Такого огромного роста,
Что люди наелись бы досыта:
Ведь бедного люда
На свете не честь,
Которому нечего есть!

Он солнце закрыл бы,
Мой хлеб золотистый —
Огромный,
Поджаристый,
Тёплый,
Душистый.

Отведать его бы пришли
Голодные целой Земли.

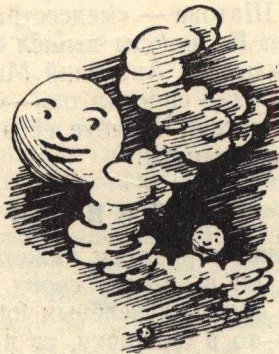
Приедут малайцы
С далёкого берега,
Из Африки негры,
Из Южной Америки.
Детишки съедят понемножку,
А птицам достанутся крошки.

То будет счастливая,
Светлая дата,
Которую в школах
Заучат ребята:
ДЕНЬ БЕЗ ГОЛОДА.

СТИХИ О ЛУНЕ

Ты слышал, быть может,
Что скоро Луна,
Которая по небу
Бродит одна,
Обзаведётся сестрою:
Ей люди сестрёнку
Построят.

И эту игрушечную
Луну,
Как мячик,
С Земли зашвырнут
В вышину:
Пускай днём и ночью

С подругой
Гуляет по звёздному кругу.

Так, значит, Луна
Не вечно юна,
Старее небесная страница.
Глядишь, и объявятся
Дочка-Луна,
Внучка-Луна
И племянница!

...Ты вырастешь, мальчик,
И верится мне,
Каникулы ты проведёшь
На Луне!

БЕЛАЯ КНИГА

Ю. Новикова

Рисунки Л. Тараканова.

В ПУТЬ, СЛЕДОПЫТЫ!

С вечера повалил снег, да такой сильный, что Володя Громов не на шутку забеспокоился. Если этак будет всю ночь, не миновать «мёртвой» пороши. Снег прикроет толстым одеялом все звериные нарыски, и поход следопытов, назначенный на завтра, придётся отменить.

От огорчения Володя даже решил лечь спать, хотя время было совсем «детское».

Среди ночи он проснулся. Все спали в доме, огни были потушены. Комнату освещал голубоватый луч. Володя вскочил, подбежал к окну и отдернул занавеску.

В тёмном небе стояла круглая блестящая луна; ветви старой берёзы вырисовывались в окне, точно рога огромного лося. Снегопада как не бывало. Облегчённо вздохнув, Володя лёг, укрылся и тотчас же снова заснул.

...Пробило восемь часов, когда Володя в полном походном снаряжении, с тулкой за плечами подходил к воротам Восьегонской средней школы № 1. Ещё у ворот он услышал звонкий голос Эдика Бредина. Эдик рассказывал, что судак нынче идёт по Рене навалом...

— А-а, охотник! — приветствовал он Володю. — И зачем мы только еду берём?.. Жареные зайцы и куропатки обеспечены...

Один за другим сходились участники похода. Прибежали Женя Турбанов и Таня Шатова — «медсестра». Пришла учительница географии Галина Ивановна. Из школы вышел «самый главный следопыт» — преподаватель физкультуры Анатолий Михайлович Андрианов.

— Все в сборе? — спросил он. — Отлично!.. Снег-то сегодня, а? Настоящая «белая книга»! Читайте её внимательней, бывают любопытные записи... В путь, следопыты!

ПЕРВЫЙ СЛЕД

Скользят лыжи, и ребятам кажется, будто лес сам выходит им на встречу. Сначала он высылает своих малышей; рядком сидят на снегу крошки-ёлочки в широких зелёных юбках. Следом за ними идут сосны и ели постарше — то в одиночку, то в хороводе берёз и осин. Всё выше сосны, всё теснее прижимаются они друг к другу.

По-разному оборачивается лыжникам лес. Первым идёт Эдик Бредин. Крепкий, плечистый, он легко прокладывает путь по чистому, блестящему снегу. Но, хотя он и не сводит глаз с дороги, мысли его далеко...

Спору нет, в лесу хорошо, а ещё лучше сейчас на реке. В воображении Эдика рисуется соблазнительная картина: леска спущена в тёмную воду, на конце её подёргивается, пляшет, как живая рыбёшка, блесна; потом леска натянулась, словно струна... И вот на льду уже бьётся тяжёлый серебристо-серый судак... Для Эдика лес — только путь к реке.

Таня Шатова прислушивается к лесу с живым, весёлым любопытством. Лёгкий сухой стук... Это дятел, как врач, выстукивает дерево. Что-то шевельнулось в ветвях, пушистый комочек кухты — снежного убора ветвей — упал на дорогу. Может быть, там белочка? Ой, как хочется Тане взглянуть на белочку или посмотреть, как играет на снегу рыжая лисица! Ещё ей очень хотелось бы первой заметить звериный след... Пусть ребята увидят, что и девочка может быть следопытом!

А Галина Ивановна мало думает о следах. Она просто наслаждается красотой снежного леса. Хорош он сейчас, в январе! Старые сосны покачивают серебряными головами, голубые тени залегли в оврагах. Всё кругом голубое и белое, но едва сквозь стволы пробьётся солнечный луч, снег вспыхивает красными, синими, оранжевыми искорками.

Володя — прежде всего охотник, а охотника тянет не только смотреть — он должен действовать. Выбежал бы сейчас на просеку какой-нибудь зверёк, уж Володя не стал бы зевать. Эх, пролетел бы тетерев, заяц бы проскакал!

— Ребята! — внезапно раздаётся голос Эдика. — Ребята, след!

Идущие в конце колонны прибавляют ходу: всем хочется поскорее взглянуть на первый след. Таня Шатова пробивается вперёд, вглядывается и вдруг говорит разочарованно:

— Знаешь, Эдик, по-моему, это просто корова...

След и правда похож на коровий. Только, видать, это была очень большая корова, и копыта у неё почему-то заострённые, а позади следа какие-то две точки.

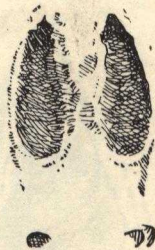
Володя быстро наклоняется над следом.

— Эх, ты! — говорит он Тане. — Какая же это корова? Это — сохатый.

В ЧЁМ РАСПИСАЛАСЬ ЛИСА

След лося оказался старым; на дне его, или, как говорят, «в стакане», уже выросла ледяная корочка. К тому же он был единственным: другие следы сохатого, видимо, замело снегом. Но странная вещь: тотчас же за следом лося так и начали попадаться ребятам «звериные записи». Точно лесной волшебник приоткрыл перед следопытами «белую книгу».

Многие из записей были совсем понятны. Вот следы зайца-беляка с широко расставленными пальцами, с подошвой, заросшей густой, длинной шерстью... А там по снежному насту протянулась длинная цепочка следов, ровная, точно её прострочили на машинке. Хитро двигался зверь, ставя задние лапы аккуратно в след передних. Но зверь даже и в хитрости

След лося. Задняя нога полностью покрывает след передней.

Следы передних и задней лап зайца-беляка.

своей простодушен: где ему понять, что самой своей осторожностью он выдаёт себя людям! Кто по этому ровному следу не догадается, что здесь пробежала Лиса Патрикеевна?

Ребята разбирают «запись».

Лиса пробежала по просеке всего несколько часов назад: следы совсем ещё свежие. Сначала она трусила ровной рысцой, никакие запахи и шорохи не смущали её. Но вот лиса заторопилась, пошла прыжками: испугалась чего-нибудь или вдруг почувяла добычу.

А вот и разгадка. Лисий след приводит к высокой разрытой кочке. Кочка — мышинный городок. Лиса занималась здесь любимым своим делом — «мышкованием». Крошечное пятно крови краснеет на снегу: лисица прихватила полёвку зубами. Чаше она глотает мышей целиком. Кочка вся разрыта лисьими лапами...

Ребята спускаются в низину, к ручью, заросшему ивняком и тальником. Отсюда их путь лежит к Высокой горе. Володя отстаёт от других. Внимательно осматривает он кустарники, не ободрана ли где кора.

Сохатый не идёт у него из ума... И Володя не замечает, что в «белой книге» прямо у него под ногами появилась новая запись. Из-под веток тальника бегут по снегу две тонкие бороздки птичьих следов.

«Вглядиись, вчитайся, Володя!» — выстукивает дятел. Но Володя не слышит. Он думает о лосе...

Вдруг что-то зашумело в кустах, и оттуда вспорхнули вверх белые птицы. Мелькают чёрные кончики крыльев... Володя схватился за ружьё, но поздно: белые куропатки скрылись... Позор, позор для охотника! Ладно ещё, что не видел никто, что нет поблизости насмешника Вани.

Но только Володя подумал о Ване, как тот появился.

— Ты где же это застрял? Галина Ивановна беспокоится.

— Да вот упустил куропаток, — неожиданно для себя признаётся Володя и покорно ожидает колкой насмешки.

Но Ваня обезоружен прямой признания.

— Ну, упустил, так упустил, — говорит он спокойно. — Идём... Наши на Высокой горе... Там, понимаешь, одна интересная загадка.

Следы кунницы-белодушки.

След передней лапы волка.

След задней лапы волка.

ЛЕСНАЯ ЗАГАДКА

С загадкой, о которой говорил Ваня, ребята встретились у подножия старой раскидистой ели. Всё здесь свидетельствовало о короткой лесной драме: пятна свежей крови и клочья шерсти, вмятые в снег.

— Белчиьи волосики, серенькие... — чуть не со слезами говорит Таня, положив клочок шерсти на ладонь. — Здесь белочка была... Кто же её убил?

В самом деле, кто убил белку? Вместе со всеми Володя и Ваня тщательно осматривают полянку возле ели.

— Понятно! — кричит Вова Видонов. — Это охотник белку подстрелил. Видите, лыжня? А вот и собачьи следы.

— Очень возможно, — подтверждает Женя Турбанов. — А потом белку подхватила собака. Снег примят... Значит, здесь происходила какая-то борьба.

— По-твоему, белка с собакой боролась? — ядовито спрашивает Ваня.

— Смотрите внимательнее,— говорит Анатолий Михайлович.— Это старые следы. Верно?.. Охотник с собакой проходил здесь дня три назад. А кровь на снегу совсем свежая... Нет, охотник здесь ни при чём.

Ещё и ещё раз обследуют ребята место происшествия, а всё не могут напасть на разгадку. Некоторые даже предлагают уйти, но Таня не согласна. Ей хочется во что бы то ни стало узнать, кто же убийца белочки.

Чуть ли не в пятый раз осматривает она корявый ствол ели и наконец объявляет с торжеством:

— Глядите! Здесь следы каких-то когтей!

— Молодец Таня! — говорит Анатолий Михайлович. — Молодец, что нашла причину, и молодец вдвойне, что не хотела уходить, не разгадав загадки... Я думаю, ребята, это работа какого-нибудь лесного хищника. И скорее всего — куницы.

Постепенно следопыты выясняют все подробности ночного происшествия. Куница гналась за белкой по ветвям. Об этом говорит осыпавшаяся хвоя. И всё же белочке удалось укрыться в своём гнезде... Но белка не усидела на месте... Что выгнало её из гнезда? Страх ли или непобедимое беличье любопытство? Так или иначе, она снова выскочила на ветку, а там спустилась вниз по стволу... Тут-то и схватила её притаившаяся куница.

Ребята идут дальше. Володя снова отстаёт. Однако на этот раз его удерживают не мечты о встрече с сохатым. Затаив дыхание, крадётся он к большому сухому дереву.

Шаг, ещё шаг... Подойти бы поближе! Серая сова там, наверху, уставилась на Володю своими круглыми глазами, но она сейчас всё равно ничего не видит... Гремит выстрел — и, сбивая с ветвей снег и сухие листья, тяжело падает в сугроб серая сова...

— Есть! — восторженно кричит Ваня, всё время наблюдавший за Володей. — Ребята, сюда! Володя сову убил!

Ребята бегут, окружают Володю. Каждому хочется потрогать убитую птицу, и никому из них невдомёк, что нечему радоваться. Сова — полезная птица, враг полевых мышей.

ПОГОНЯ

Тропинка ведёт по склону вниз, к берегам реки Рени. Близок конец пути. Но при спуске с горы происходит небольшая заминка: у Тани оборвался ремень.

— погоди! — говорит Володя, берёт у Тани лыжу и, присев на пенёк, приделывает ремень. Куст мешает ему, он отодвигает ветки, всматривается... и вдруг говорит странно тихим голосом: — Ребята! Следы!

Нет, нет, он не ошибся!.. На снегу отпечаток удлинённых раздвоенных копыт. След точно такой же, какой попался им в самом начале похода. Только на этот раз след совсем свежий, и он не один — их много. Сохатый, должно быть, проходил здесь сегодня ночью. Ярко голубея, бегут следы вниз по склону, неудержимо привлекая Володю.

— Можно, Анатолий Михайлович?.. — спрашивает он. — Можно я пойду по этому следу?

Анатолий Михайлович не возражает. Конечно, можно! Он думает даже, что всем следопытам будет очень интересно проследить путь лося. И ребята устремляются вниз по глубоким голубоватым следам.

Сохатый, должно быть, пришёл сюда на «жировку»: на многих де-

Следы
горностая.

ревях обглодана кора, сучья поломаны огромным, тяжёлым телом и ветвистыми рогами... Но вот погрызы на коре совсем перестали попадаться, а лось, судя по следам, побежал размашистой иноходью.

— Похоже, он уходил от кого-то,— заметил Анатолий Михайлович.— А ну, поглядите по сторонам, нет ли чего любопытного!

Следопыты рассыпались в разные стороны, и не прошло и пяти минут, как справа донёлся возбуждённый голос:

— Собачий след! Нет, не собачий — волчий!

И почти одновременно послышались голоса из мелкого ельника слева:

— И у нас тут тоже волчьи следы!

Так вот как оно обстояло, это ночное дело! Лось бежал. С двух сторон, справа и слева, за кустами и ёлками, неотступно гнались за ним два матёрых волка.

Сохатый с иноходи перешёл на махи — прыжки. Громадный, с запрокинутой рогатой головой, мчался он, ломая ветви, вниз по склону. Может быть, он и не видел врагов, только чувал, что за кустами гонится за ним серая смерть... Володя на минуту представил себе всё это и помчался вниз так, точно за ним самим была погоня.

— Есть ещё волчий след, ребята? — спросил он, задыхаясь.

— Есть! — отвечали справа.

И слева тоже ответили:

— Есть!

Куда они гнали лося? Там, внизу, болото, дальше — река. Володя вспомнил, что волки любят загонять лосей и оленей в такие места. Тонкая наледь не выдержит тяжести огромного тела, лось провалится в ледяную воду... Совсем недавно Володя читал, как волки гоняли оленя через поляню до тех пор, пока тело его не покрылось толстой ледяной коркой...

— Есть ли волчий след, ребята?

— Есть!

— Есть!

Прыжки невероятно длинны: лось, как видно, мчался во всю свою мочь. И все же его преследователи шли почти что вровень с ним. Нет, не совсем вровень: лось всё-таки чуть-чуть впереди... Напрягая все силы, мчался он. Но к чему это отчаянное напряжение, эта неравная борьба? Всё равно ты обречён, всё равно никуда тебе не уйти!..

Володя тормозит палкой и с трудом останавливается.

Он видит проезжую дорогу, следы лося, пересекая ее, бегут вниз, к реке. Так и есть: волки погнали свою жертву к реке. Там, внизу, настигла сохатого лютая серая смерть... Володя даже зажмуривается от ужаса. И вдруг он слышит возбуждённые голоса ребят:

— Ушёл! Ушёл серый!.. В сторону свернул!

— И наш тоже!.. Ушёл обратно в лес!

Неужели сохатый спасся?

— Всё ясно,— говорит Анатолий Михайлович, осматривая следы.— Что-то напугало волков. Вернее всего, проходила машина, ослепила их фарами, и они кинулись назад. А лось успел проскочить раньше и убежал от преследователей. Ведь он всё-таки шёл впереди!

...Внизу белеет замёрзшая Реня. У чёрных прорубей, склонившись, сидят рыбаки, и первым к реке, конечно, съезжает Эдик. За ним Володя.

— Хорошо! — кричит он.

И этот возглас относится не только к весёлому ощущению полёта. Хорошо, что день прошёл интересно. Хорошо, что он нашёл след лося. И хорошо, что лось всё-таки ушёл от волков.

Прыжок белки.
Следы задних
лап впереди.

След рыжей
лесной полёвки.

ДЖЕК ЛОНДОН

[1876—1916]

— Как тебя зовут? — спросила у него учительница, когда он впервые в жизни пришёл в школу.

— Джек Лондон, — ответил мальчик.

— Ты хочешь сказать: Джон Лондон? — поправила она, заглянув в список.

Его действительно звали Джон. Но ему больше нравилось имя Джек.

— Нет, — ответил он вежливо, но твёрдо, — меня зовут Джек Лондон.

Так, когда ему было восемь лет, он сам выбрал себе имя, и оно осталось за ним на всю жизнь.

Джек Лондон был человеком, который с полным правом мог бы сказать: «Всем, что во мне есть, я обязан только себе самому».

Когда ему было десять лет, он уже продавал газеты на улицах. Четырнадцатилетним подростком он поступил рабочим на консервную фабрику. В пятнадцать лет он стал «устричным пиратом» — так называли тех, кто занимался запрещённой ловлей устриц в бухте Сан-Франциско. А вскоре, нанявшись матросом на промысловую шхуну, он уходит в плавание к берегам Японии.

Вернувшись из плавания, он работал чернорабочим на джутовой фабрике и кочегаром, в прачечных и на огородах. Подневольный труд опротивел ему, и он стал бродягой.

Путешествуя то пешком, то в товарных вагонах, ночью под открытым небом, он пересек всю Америку от Тихого до Атлантического океана. Наконец он возвращается домой, в Калифорнию, одержимый одним стремлением — поступить в университет. Он снова не брезгает никакой работой: выбивает ковры, моет окна богатых домов, подметает сады и парки, — а ночами сидит над книгами. Науки, которые полагалось пройти за три года, он решил одолеть в четыре месяца. И вот он уже блестяще сдал экзамены. Он пишет свои первые рассказы и начинает печататься в студенческом журнале.

В это время по всей Америке прошла волна «золотой лихорадки». В Калифорнию тоже проникли слухи о богатейших золотых россыпях, найденных на Аляске в Клондайке. Из уст в уста передавались легенды о необычайной стране полярной ночи и вечного льда. Рассказывали, что смелые и предприимчивые люди в Клондайке в течение нескольких недель становились богачами.

Махнув рукой на университет, Джек Лондон отправляется в Клондайк золотоискателем.

В Клондайке он прожил год.

Никакого золота оттуда он, конечно, не привёз. У него даже не оказалось денег на обратную дорогу. Он проплыл в лодке по Юкону несколько тысяч миль до Берингова моря и поступил кочегаром на парход, отправлявшийся в Калифорнию.

* * *

«...Вошёл молодой парень, который при этом невольно сдёрнул кепку с головы. На нём была простая, грубая одежда, пахнувшая морем; в просторном холле он как-то сразу оказался не на месте». Как недавно это было!

Когда он, матрос и бродяга, впервые переступил порог этого дома, ему казалось, что блестящий паркетный пол раскачивается под ним, как палуба корабля. Он шёл осторожно, боясь зацепить плечом или смахнуть ненароком какую-нибудь безделушку с каминна.

И вот он входит сюда как равный.

Сколько упорства, сколько нечеловеческих усилий затратил он на то, чтобы иметь право сидеть в этом кресле и непринуждённо беседовать о законе эволюции, об искусстве!

Но вот он узнаёт, что невольно нарушил обычай этого общества, разговорившись с собеседником о его профессии. Оказывается, здесь это не принято. Сначала он недоумевает: почему говорить о том, что составляет дело твоей жизни, неприлично?

И тут словно пелена упала с его глаз. В этой мелкой условности он увидел глубокое равновоздушие ко всему, ради чего он проделал своё головокружительное восхождение. Так вот он каков, мир этих безукоризненно воспитанных, тонко образованных людей, мир, ещё недавно казавшийся ему недостижимым!

Теперь для него в этом мире существует только один человек — женщина, которую он любит. Ей одной открыл он своё призвание писателя.

В холодной, пустой комнате, взяв напрокат пишущую машинку, он работает над своими рассказами. Пройдёт время, и эти рассказы переведут на все языки мира. А теперь один за другим

возвращаются они из редакций, непринятые, отвергнутые.

Так проходит год, другой...

Женщина, которая, как он думал, понимает его лучше всех людей на свете, уговаривает его бросить писать и устроиться на работу — почтовым чиновником или репортёром в газету. Там по крайней мере ему будут платить. Он отказывается, и она порывает с ним.

Но вот его рассказы, которые раньше отвергались, разбираются всеми журналами нарасхват. Газеты печатают его портреты и статьи о нём. Многочисленные издательства спешат заработать на «модном» писателе. И те, кто не смотрел в его сторону, когда он голодал, теперь наперебой приглашают его обедать. И женщина, которая советовала ему стать почтовым чиновником, приходит к нему сказать, что только теперь она поняла, что не может жить без него.

Его мозг сверлит одна мысль: ведь он остался таким же, каким был. Все эти книги, из-за которых он стал знаменит, — они были написаны раньше. Он не стал лучше, умнее, талантливее с тех пор, как у него появились деньги.

Так он сделал ещё одно открытие: в мире, в котором он живёт, человек, его талант, ум ничего не стоят, если за них не платят деньги. Сами по себе они не имеют никакой цены. И когда он понял это, для него всё потеряло цену: труд, любовь, жизнь. Он утратил вкус к жизни и без сожаления расстался с нею.

Человека, с которым всё это произошло, звали Мартин Иден. Мартин Иден — герой одноимённой книги Джека Лондона, одной из самых прекрасных и самых трагических книг американской литературы. И хотя в действительности человека с таким именем никогда не существовало, история эта не выдумана, потому что судьба Мартина Идена — это судьба самого Джека Лондона.

* * *

В Клондайке Джек Лондон нашёл то, что для него было ценней золота. Он открыл здесь для себя целый мир, совсем непохожий на тот, который он знал прежде.

Это мир сильных и мужественных людей. Не страхась мороза, от которого лопаются градусники, они идут среди белого безмолвия снежной пустыни, где на тысячи миль вокруг нет человеческого жилья. Одетые в звериные шкуры, они переплывают бурные реки на челноках из берёзовой коры. И чем грозней опасность, тем сильнее неугаемая жажда жизни охватывает их, тем ожесточённей становится борьба.

Законы этого мира просты, жестоки. Но насколько они человечнее законодательства и установлений так называемого цивилизованного общества! Всё, что там было главным — имя, богатство, — здесь не имеет цены. Здесь, где картофелина может быть дороже мешка с золотым песком, в человеке ценят его самого — его мужество, верность слову, зоркость глаз, силу мускулов.

После Клондайка Джек Лондон прожил недолгую, но большую и бурную жизнь. Он снова пересекает Соединённые Штаты с запада на восток — теперь уже не бродягой, а революционным пропагандистом и агитатором, останавливаясь во всех больших городах и выступая с речами и лекциями о социализме. Он пишет статьи, полные ненависти к угнетателям и горячей веры в близкое торжество революции. Переодетый в нищенские лохмотья, он бродит по лондонским трущобам, чтобы

описать их потом в книге очерков. Он снаряжает небольшое парусное судёнышко и отправляется на нём в кругосветное плавание. Проведя около двух лет в тропиках, на островах Тихого океана, он пишет свои знаменитые «южные» рассказы. Но о чём бы ни писал Джек Лондон, Клондайк навсегда остаётся для него мерилем всех человеческих ценностей. Вглядываясь в человека, он всегда словно прикидывает: «Да, он умен и образован. Он всё понимает и про живопись и про литературу. А пополз бы ты с ним по отвесному склону ледника, связанный одной верёвкой?»

О ком бы ни писал Джек Лондон, он всегда ставит своего героя в такие обстоятельства, в которых тот неизбежно должен проявить свои подлинно человеческие качества. Писатель словно говорит ему: «Сейчас мы посмотрим, что ты за человек».

Любимый герой Джека Лондона — кто бы он ни был — это прежде всего человек, который сумел, сжав зубы, до последней степени напрягая волю, одержать самую большую и самую трудную победу — победу над собой.

Вот герой рассказа «Маленький Карсон» — худенький, щуплый человек. Он висит над пропастью, зацепившись в небольшом углублении ледника, и из последних сил старается удержать верёвку, на которой повис его товарищ по несчастью. У него стучат зубы, голова кружится: он всегда боялся высоты. Человека, висящего внизу, он почти не знает: они только полчаса тому назад впервые увидели друг друга. Но сейчас жизнь этого человека зависит от него. И он берёт себя в руки. Он рубит лёд перочинным ножом. Он подбадривает товарища, кричит ему обнадеживающие слова. А когда тот хочет пожертвовать собой, перерезав верёвку, потому что лучше спастись одному, чем погибнуть двоим, голос его звучит непреклонно: «Не смейте! Спаситесь обоим — или никому!»

Вот восемнадцатилетний боксёр Фелипе Ривера (рассказ «Мексиканец»). Совсем ещё юноша, почти мальчик, он выходит на ринг против прославленного чемпиона. Зал ревет и свистит, предсказывая ему поражение. Судья, секунданты, даже его тренер — все на стороне врага. Но Ривера знает: он должен победить, это нужно для революции. Если он победит, организация сможет купить винтовки и вооружить рабочих! Когда, нокаутировав своего противника, он уходит с ринга, колени у него дрожат, он всхлипывает в изнеможении. Он помнит только одно: винтовки принадлежат ему. Революция будет продолжаться!

Джек Лондон написал много прекрасных, мужественных книг. Но если прочесть все книги, написанные им, они расскажут не только о трудной судьбе его героев. Эти книги расскажут горькую повесть о судьбе писателя, которого мир наживы сломал, увёл не на ту дорогу.

В последние годы своей жизни Джек Лондон стал писать наспех, для денег. Он заключил договор с крупнейшим издательством, которому обязался поставлять развлекательную литературу.

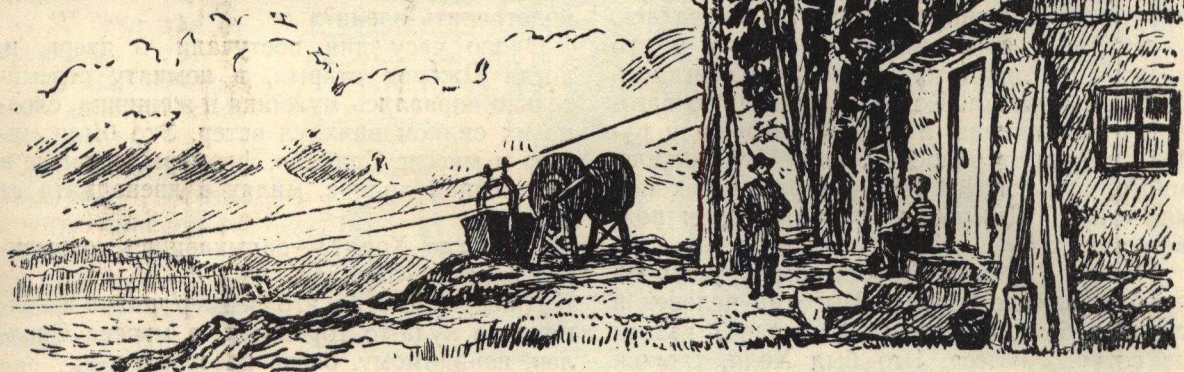
Джек Лондон однажды сказал о себе: «Так и знайте, я случайный гость, залётная птица, с пропахшими солью крыльями, на короткий миг врывающаяся в вашу жизнь, — дикая птица, привыкшая к вольному воздуху и широким просторам, чуждая уловкам тех, кто живёт взаперти».

Всё сильное, смелое в творчестве Джека Лондона было создано им в ту пору его жизни, когда он был вольной птицей и ещё не пытался перенять «уловки тех, кто живёт взаперти».

Б. Сарнов

Джеск Лондон

НА БЕРЕГАХ САКРАМЕНТО

Рисунки В. Цельмера.

Ветер мчится — хо-хо-хью! —
Прямо в Калифорнию.
Сакраменто — край богатый:
Золото гребут лопатой!

Худенький мальчик тонким пронзительным голосом распевал эту морскую песню, которую во всех частях света горланят матросы, когда крутят лебёдку, снимаясь с якоря, чтобы двинуться в порт Фриско. Это был обыкновенный мальчуган, который никогда и моря-то в глаза не видел, но всего в двухстах футах от него — только спуститься с утёса — бурлила река Сакраменто. Малыш Джерри — так звали его, потому что был ещё старый Джерри, его отец; от него-то и слышал Малыш эту песню и от него же унаследовал яркорыжие вихры, задорные голубые глаза и очень белую, усыпанную веснушками кожу.

Старый Джерри был моряк, он добрую половину своей жизни плывал по морям, а песня матросу сама просится на язык. Но однажды, в каком-то азиатском порту, когда он вместе с двадцатью другими матросами пел, выбиваясь из сил над проклятой лебёдкой, слова этой песни впервые заставили его призадуматься всерьёз. Очутившись в Сан-Франциско, он распрощался со своим кораб-

лём и с морем и отправился поглядеть собственными глазами на берега Сакраменто.

Тут-то он и увидел золото. Он нанялся работать на рудник «Золотая грёза» и оказался в высшей степени полезным человеком при устройстве подвесной дороги на высоте двухсот футов над рекой.

Затем эта дорога осталась под его надзором. Он следил за тросами, держал их в исправности, любил их и вскоре стал незаменимым работником на руднике «Золотая грёза». А потом он полюбил хорошенькую Маргарет Келли, но она очень скоро покинула его и малютку Джерри, который только-только начинал ходить, и уснула непробудным сном на маленьком кладбище, среди больших суровых сосен.

Старый Джерри так и не вернулся на морскую службу. Он жил возле своей подвесной дороги и всю любовь, на какую способна была его душа, отдал толстым стальным тросам и малышу Джерри. Для рудника «Золотая грёза» наступили чёрные дни, но и тогда старик остался на службе у Компании — сторожить заброшенное предприятие.

Однако сегодня утром его что-то не было видно. Один только малыш Джерри сидел на крыльчке и распевал старую матросскую

песню. Он сам приготовил себе завтрак и уже успел управиться с ним, а теперь вышел поглядеть на белый свет. Неподдалёку, шагах в двадцати от него, возвышался громадный стальной барабан, на который наматывался бесконечный металлический трос. Рядом с барабаном стояла тщательно закреплённая вагонетка для руды. Проследив взглядом головокругительный полёт стальных тросов, перекинутых высоко над рекой, малыш Джерри различил далеко на том берегу другой барабан и другую вагонетку.

Сооружение это приводилось в действие просто силой тяжести: вагонетка двигалась, увлекаемая собственным весом, а в это время с противоположного берега двигалась пустая вагонетка. Когда нагружённую вагонетку опорожняли, а пустую нагружали рудой, всё повторялось снова, повторялось много, много сотен и тысяч раз, с тех пор как старый Джерри стал зрителем подвесной дороги.

Малыш Джерри перестал петь, услышав приближающиеся шаги. Высокий человек в синей рубашке, с винтовкой на плече вышел из соснового леса. Это был Холл, сторож на руднике «Жёлтый дракон», расположенном примерно в миле отсюда вверх по течению Сакраменто, где тоже была перекинута дорога на тот берег.

— Здорово, Малыш! — крикнул он. — Что ты тут делаешь один-одинёшенек?

— А я здесь теперь за хозяина, — ответил малыш Джерри как нельзя более небрежным тоном, словно ему не впервой было оставаться одному. — Отец, знаете, уехал.

— Куда уехал? — спросил Холл.

— В Сан-Франциско. Он ещё вчера вечером уехал. Брат у него умер, где-то в Старом Свете. Вот он и поехал с адвокатом потолковать. Завтра вечером вернётся.

Всё это Джерри выложил с гордым сознанием, что на него возложена большая ответственность — самолично сторожить рудник «Золотая грёза». Видно было в то же время, что он страшно рад замечательному приключению — возможности пожить совсем одному на этом утёсе над рекой и самому готовить себе завтрак, обед и ужин.

— Ну, смотри, будь поосторожней, — посоветовал ему Холл, — не вздумай баловать с тросами. А я вот иду посмотреть, не удастся ли подстрелить оленя в каньоне «Колченогой коровы».

— Как бы дождя не было, — степенно промолвил Джерри.

— А мне что! Промокнуть, что ли, страш-

но? — засмеялся Холл и, повернувшись, скрылся между деревьями.

Предсказание Джерри насчёт дождя сбылось. Часам к десяти сосны закрипели, закачались, застонали, стёкла в окнах задрезжали, дождь захлестал длинными косыми струями. В половине двенадцатого Джерри развёл огонь в очаге и, едва пробило двенадцать, уселся обедать.

«Сегодня уж, конечно, гулять не придётся», — решил он, тщательно вымыв и убрав посуду после еды. И ещё подумал: «Как, должно быть, вымок Холл! И удалось ли ему подстрелить оленя?»

Около часу дня постучали в дверь, и, когда Джерри открыл, в комнату стремительно ворвались мужчина и женщина, словно их силком впахнул ветер. Это были мистер и миссис Спиллен, фермеры, жившие в уединённой долине, милях в двенадцати от реки.

— А где Холл? — запыхавшись, отрывисто спросил Спиллен.

Джерри заметил, что фермер чем-то взволнован и куда-то торопится, а миссис Спиллен, повидимому, очень расстроена.

Это была худая, совсем уже поблёкшая женщина, много поработавшая на своём веку; унылый, беспросветный труд наложил на её лицо тяжёлую печать. Та же тяжкая жизнь согнула спину её мужа, искорёжила его руки и покрыла волосы сухим пеплом ранней седины.

— Он на охоту пошёл, в каньон «Колченогой коровы». А вам что — на ту сторону, что ли, надо?

Женщина стала тихонько всхлипывать, а у Спиллена вырвался возглас, выразивший крайнюю досаду. Он подошёл к окну. Джерри стал с ним рядом и тоже поглядел в окно, в сторону подвесной дороги; тросов почти не было видно за густой пеленой дождя.

Обычно жители окрестных селений переправлялись через Сакраменто по канатной дороге «Жёлтого дракона». За переправу полагалась небольшая плата, из которой Компания «Жёлтого дракона» платила жалованье Холлу.

— Нам надо на тот берег, Джерри, — сказал Спиллен. — Отца у неё, — он ткнул пальцем в сторону плачущей жены, — задавило на руднике, в шахте «Клеверного листа». Там взрыв был. Говорят, не выживет. А нам только что дали знать.

Джерри почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Он понял, что Спиллен хочет переправиться по тросам «Золотой грёзы», но без

старого Джерри он не мог решиться на такой шаг, потому что по их дороге не возили пассажиров и она уже давно находилась в бездействии.

— А может быть, Холл скоро придёт, — промолвил мальчик.

Спиллен покачал головой.

— А отец где? — спросил он.

— В Сан-Франциско, — коротко ответил Джерри.

С хриплым стоном Спиллен яростно хлопнул кулаком по ладони. Жена его всхлипывала всё громче, и Джерри слышал, как она причитала: «Ах, не поспеем, не поспеем, умрёт...»

Мальчик чувствовал, что и сам вот-вот заплачет; он стоял в нерешимости, не зная, что предпринять. Но Спиллен решил за него.

— Послушай, Малыш, — сказал он тоном, не допускающим возражений, — нам с женой надо переправиться во что бы то ни стало по твоей дороге. Можешь ты нам помочь в этом деле — запустить эту штуку?

Джерри невольно попятился, точно ему предложили коснуться чего-то недозволенного.

— Я лучше пойду посмотрю, не вернулся ли Холл, — робко сказал он.

— А если нет?

Джерри снова замялся.

— Если случится что, я за всё отвечаю. Видишь ли, Малыш, нам дозарезу надо на ту сторону. — Джерри нерешительно кивнул. — А дожидаться Холла нет никакого смысла, — продолжал Спиллен, — ты сам понимаешь, что из каньона «Колченогой коровы» он не скоро вернётся. Так что идём-ка, запусти барабан.

«Не удивительно, что у миссис Спиллен был такой испуганный вид, когда мы помогли ей забираться в вагонетку», — так невольно подумал Джерри, глянув вниз, в пропасть, которая сейчас казалась бездной. Дальнего берега, находившегося на расстоя-

нии семисот футов, вовсе не было видно сквозь ливень, гонимые неистовым ветром клячья облаков, яростную пену и брызги. А утёс, на котором они стояли, уходил отвесной стеной прямо в бурлящую мглу, и казалось, что от стальных тросов туда, вниз, не двести футов, а по крайней мере миля.

— Ну, готово? — спросил Джерри.

— Давай! — во всю глотку заорал Спиллен, чтобы перекричать вой ветра.

Он уселся в вагонетку рядом с женой и взял её за руку.

Джерри не понравилось это.

— Вам придётся держаться обеими руками: ветер сильно швыряет! — крикнул он.

Муж с женой тотчас же розняли руки и крепко ухватились за края вагонетки, а Джерри осторожно отпустил тормозной рычаг. Барабан не спеша завертелся, бесконечный трос стал разматываться, и вагонетка медленно двинулась в воздушную пропасть, цепляясь ходовыми колёсами за неподвижный рельсовый трос, протянутый вверх.

Джерри уже не в первый раз пускал в ход вагонетку. Но до сих пор ему приходилось это делать только под наблюдением отца. Он осторожно регулировал скорость движения при помощи тормозного рычага. Тор-

мозить было необходимо, потому что от бешеных порывов ветра вагонетка сильно раскачивалась, а перед тем, как совсем скрыться за стеной дождя, она так накренилась, что чуть не вывернула в пропасть свой живой груз.

После этого Джерри мог судить о движении вагонетки только по движению троса. Он очень внимательно следил, как трос разматывается с барабана.

— Триста футов... — шептал он, по мере того как проходили отметки на кабеле, — триста пятьдесят... четыреста... четыреста...

Трос остановился. Джерри дёрнул рычаг тормоза, но трос не двигался. Мальчик обеими руками схватился за трос и потянул его на себя, стараясь сдвинуть его с места. Нет! Где-то явно застопорило. Но где именно, он не мог догадаться, и вагонетки не было видно. Он поднял глаза вверх и с трудом различил в воздухе пустую вагонетку, которая должна была двигаться к нему с такой же скоростью, с какой вагонетка с грузом удалялась. Она была от него примерно в двухстах пятидесяти футах. Это означало, что где-то в серой мгле, на высоте двухсот футов над кипящей рекой и на расстоянии двухсот пятидесяти футов от другого берега, висят в воздухе застрявшие в пути Спиллен с женой.

Три раза Джерри окликал их во всю силу своих лёгких, но голос его тонул в неистовом рёве непогоды. В то время как он лихорадочно перебирал в уме, что бы такое сделать, быстро бегущие облака над рекой вдруг поредели и разорвались, и он на мгновение увидел вздувшуюся Сакраменто внизу и висящую в воздухе вагонетку с людьми. Затем облака снова сошлись, и над рекой стало ещё темнее, чем раньше.

Мальчик тщательно осмотрел барабан, но не обнаружил в нём никаких неполадок. Повидимому, что-то неисправно в барабане на том берегу. Страшно было представить себе, как эти двое висят над пропастью среди ревущей бури, раскачиваясь в углой вагонетке, и не знают, почему она вдруг

остановилась. И подумать только, что им придётся так и висеть до тех пор, пока он не переправится на тот берег по тросам «Жёлтого дракона» и не доберётся до злополучного барабана, из-за которого всё это случилось!

Но тут Джерри вспомнил, что в чулане, где хранятся инструменты, есть блок и верёвки, и со всех ног бросился за ними. Он быстро прикрепил блок к тросу и стал тянуть — тянул изо всех сил, так что руки прямо отрывались от плеч, а мускулы, казалось, вот-вот лопнут. Однако трос не сдвинулся с места. Теперь уж ничего другого не оставалось, как перебраться на тот берег.

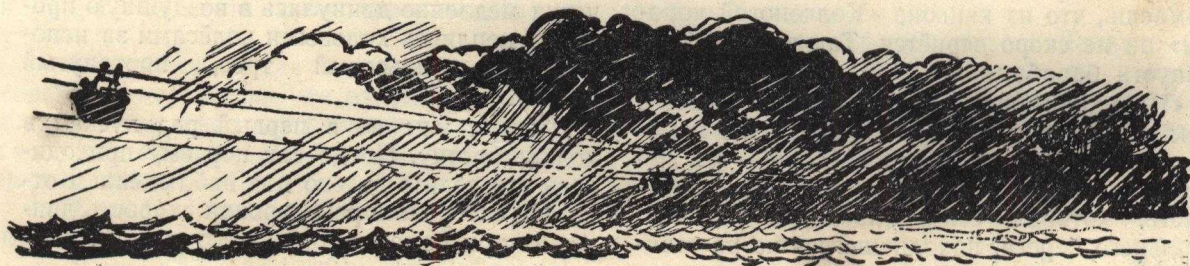
Джерри уже успел промокнуть до костей, так что теперь сломя голову бежал к «Жёлтому дракону», даже не замечая дождя. Ветер подгонял его, и бежать было легко, хоть и беспокоила мысль, что придётся обойтись без помощи Холла и некому будет тормозить вагонетку.

Он сам соорудил себе тормоз из крепкой верёвки, которую накинул петлёй на неподвижный трос.

Ветер с бешеной силой налетел на него, засвистел, заревел ему в уши, раскачивая и подбрасывая вагонетку, и малыш Джерри ещё яснее представил себе, каково сейчас тем двоим — Спиллену и его жене. Это придало ему мужества. Благополучно переправившись, он вскарабкался по откосу и, с трудом удерживаясь на ногах от порывов ветра, но всё же пытаясь бежать, направился к барабану «Золотой грёзы».

Осмотрев его, Малыш с ужасом обнаружил, что барабан в полном порядке. И на этом и на другом конце всё в исправности. Где же в таком случае застопорило? Не иначе, как посредине!

Вагонетка с четой Спилленов находилась от него всего на расстоянии двухсот пятидесяти футов. Сквозь движущуюся дождевую завесу Джерри мог различить мужчину и женщину, скорчившихся на дне вагонетки и словно отдаленных на растерзание разъярённым стихиям. В промежутке между

двумя шквалами он крикнул Спиллену, чтобы тот проверил, в порядке ли ходовые колёсики.

Спиллен, повидимому, услышал его, потому что Джерри видел, как он, приподнявшись на колени, ощупал оба колёсика вагонетки, затем повернулся лицом к берегу:

— Здесь всё в порядке, Малыш!

Джерри едва расслышал эти слова, но смысл их дошёл до него. Так что же всё-таки случилось? Теперь уже можно было не сомневаться, что всё дело в пустой вагонетке; её не было видно отсюда, но он знал, что она висит там, в этой ужасной бездне, за двести футов от вагонетки Спиллена.

Он, не задумываясь, решил, что надо делать. Ему было всего четырнадцать лет, этому худощавому, подвижному мальчугану, но он вырос в горах, отец посвятил его в разные тайны матросского искусства, и он совсем не боялся высоты.

В ящике с инструментами около барабана он разыскал старый гаечный ключ, небольшой железный прут и целую связку почти нового манильского шпагата. Он безуспешно пытался найти какую-нибудь дощечку, чтобы смастерить себе некое подобие матросской люльки, но под рукой не оказалось ничего, кроме громадных тесин; распилить их было нечем, и он вынужден был обойтись без удобного седла.

Седло, которое Джерри себе устроил, было проще простого: он перекинул канат через неподвижный трос, на котором висела пустая вагонетка, и, затянув его узлом, сделал большую петлю; сидя в этой петле, он без труда мог достать руками до троса и держаться за него. А вверху, где петля должна была тереться о металлический трос, он подложил свою куртку, потому что, как ни искал, нигде не мог найти тряпки или старого мешка.

Наскоро закончив все эти приготовления, Джерри повис в своей петле и двинулся прямо в бездну, перебирая руками трос. Он взял с собой гаечный ключ, небольшой железный прут и несколько футов верёвки. Путь его лежал не горизонтально, а несколько вверх, но не подъём затруднял его, а страшный ветер. Когда бешеные порывы ветра швыряли Джерри то туда, то сюда и чуть не переворачивали кругом, он чувствовал, что сердце у него замирает от страха. Ведь трос совсем старый... А вдруг он не выдержит его тяжести и этих бешеных натисков ветра — не выдержит и оборвётся?

Это был самый откровенный страх. Джерри чувствовал, как у него сосёт под ложечкой, а колени дрожат мелкой дрожью, которую он не в силах был сдержать.

Но Малыш мужественно продолжал свой путь. Трос был ветхий, раздёрганный, острые концы оборванных проволок, торчавшие во все стороны, в кровь раздирали руки. Джерри заметил это, только когда решил сделать первую остановку, и попытался докричаться до Спилленов. Их вагонетка висела теперь прямо над ним, на расстоянии всего нескольких футов, так что он уже мог объяснить им,

что случилось и зачем он пустился в это путешествие.

— Рад бы помочь тебе,— крикнул Спиллен,— да жена у меня совсем не в себе! Смотри, Малыш, будь осторожнее! Сам я напросился на это, но теперь, кроме тебя, нас некому вызволить.

— Да уж так я вас не оставлю! — крикнул ему в ответ Джерри.— Скажите миссис Спиллен, что не пройдёт минуты, как она будет на той стороне.

Под слепящим проливным дождём, болтаясь из стороны в сторону, как соскочивший маятник, чувствуя нестерпимую боль в изодранных ладонях, задыхаясь от усилий и от врывающейся в лёгкие стремительной массы воздуха, Джерри, наконец, добрался до пустой вагонетки.

С первого же взгляда мальчик убедился, что не напрасно совершил это страшное путешествие. Вагонетка висела на двух колёсиках; одно из них сильно поистерлось за время долгой службы и соскочило с троса, который был теперь намертво зажат между самим колёсиком и его обоймой.

Ясно было, что прежде всего надо освободить колёсико из обоймы, а на время этой работы вагонетку необходимо крепко привязать верёвкой к неподвижному тросу.

Через четверть часа Джерри, наконец, удалось привязать вагонетку,— это было всё, чего он добился. Чека, державшая колёсико на оси, совсем заржавела и стала намертво. Джерри изо всей силы колотил по ней одной рукой, а другой держался, как мог, но ветер непрерывно налетал и раскачивал его, и он очень часто промахивался и не попадал по чеке. Девять десятых всех его усилий уходило на то, чтобы удержаться на месте; опасаясь уронить ключ, он привязал его к руке носовым платком.

Прошло уже полчаса. Джерри сдвинул чеку с места, но вытащить её ему не удалось. Десятки раз он готов был отчаяться, всё казалось напрасным — и опасность, которой он себя подвергал, и все его старания. Но внезапно его словно осенило. С лихорадочной поспешностью он стал рыться в карманах. И нашёл то, что ему было нужно,— длинный толстый гвоздь.

Если бы не этот гвоздь, который неведомо когда и как попал к нему в карман, Джерри пришлось бы снова возвращаться на берег. Прodef гвоздь в отверстие чеки, он, наконец, схватил её, и через минуту чека выскочила из оси.

Затем началась возня с железным прутом, которым он старался освободить колёсико, застрявшее между тросом и обоймой. Когда это было сделано, Джерри поставил колёсико на старое место и, с помощью верёвки подтянув выгонетку, посадил, наконец, колёсико на металлический трос.

Однако на всё это потребовалось немало времени. Часа полтора прошло с тех пор, как Джерри сюда добрался. И вот теперь он, наконец, решился вылезти из своего «седла» и прыгнуть в вагонетку.

Он отвязал верёвку, которая её держала, и колёсики медленно заскользили по тросу. Вагонетка двинулась. И мальчик знал, что где-то там внизу — хотя ему это и не было видно — вагонетка со Спилленами тоже двинулась, только в обратном направлении.

Теперь ему уже не нужен был тормоз, потому что вес его тела достаточно уравновешивал тяжесть другой вагонетки. И скоро из мглы облаков показался высокий утёс и старый, знакомый, уверенно вращавшийся барабан.

Джерри соскочил на землю и закрепил свою вагонетку.

Он проделал это спокойно и тщательно. А потом вдруг — совсем уже не героически — бросился на землю у самого барабана, невзирая на бурю и ливень, и громко расплакался.

Причин для этого было немало: нестерпимая боль в изодранных руках, страшная усталость и сознание, что он, наконец, освободился от ужасного нервного напряжения, не отпускавшего его несколько часов, и ещё — горячее, захватывающее чувство радости оттого, что Спиллен с женой теперь в безопасности.

Они были далеко и, понятно, не могли его поблагодарить, но он знал, что где-то там, за разъярённой, беснующейся рекой, они сейчас спешат по тропинке к шахте «Клеверного листа».

Джерри, пошатываясь, побрёл к дому. Белая ручка двери окрасилась кровью, когда он взялся за неё, но он даже не заметил этого.

Мальчик был горд и доволен собой, ибо твёрдо знал, что поступил правильно; а так как он ещё не умел хитрить, то не боялся признаться самому себе, что сделал хорошее дело. Одно только маленькое сожаление копошилось у него в сердце: ах, если бы отец был здесь и видел его!

ПОСЛЕ УРОКОВ.

Д. Пускин.

ОХОТНИКИ НА ВОЛКОВ.

В. Борисенков.

По следу

Рассказ М. Зверева

Зимой в открытой степи среди одиноко торчащих полынок можно встретить крошечные следы какой-то мышки, которые невольно заставят пойти по ним: зверёк шёл по снегу, а не бежал и не прыгал. Мышь, идущая шагом,— это выглядит занятно! На плотном снегу отчётливо отпечатались все четыре лапки. Куда же могла брести эта шагающая мышь? Конечно, от одного нырка в снег до другого. Морозной ночью, при ветре, маленькие полёвки и полевые мыши могут пробежать по снегу не более десяти метров и скорее под снег, к земле, где нет леденящего ветра. Снег — это та же шуба: чем он толще, тем под ним теплее. Разница в температуре на поверхности глубокого снега и у земли доходит до пятнадцати градусов!

Крошечные лапки прошагали своё критическое расстояние и уже вдвое превысили его. Вот-вот на снегу покажется замёрзший трупик мышки-рекордистки. Однако следы идут всё дальше и дальше. В одном месте зверёк даже объел семена какой-то сухой травки. Значит, он переносит мороз неплохо! Ведь сейчас двенадцать градусов ниже нуля, а ночью было около двадцати.

Больше километра уже прошагала мышка по степи. Это становится настолько интересным, что хочется внимательно рассмотреть и зарисовать след мышки-героя. И сразу же первое открытие: оказывается, следы не ночные, а совсем свежие, они ещё не успели затвердеть на морозе. Значит, мышка совсем близко.

Кругом далеко всё видно, но нигде на снегу не заметно ни одной чёрной точки, только одни следы.

Но вот и конец. И конец печальный: следы оборвались, исчезли. Наверно, мышка не успела нырнуть в снег, и хищная птица «слизнула» загадочное крошечное создание и унесла или проглотила его на лету. Это так досадно, что невольно ищешь доказательств. Но на снегу в конце следа не осталось ни бороздки от крыла, ни капельки крови или клочка шерсти.

Вдруг впереди покатился маленький снежный комочек. Но это только показалось в первое мгновение, что катится снежный комочек. На самом

деле это торопливо бежит крошечный пушистый зверёк. Скорей за ним!

Несколько торопливых шагов, и уже видно, как он сидит на снегу, злобно вереща, широко раскрыв рот и угрожающе подняв по бокам головы малюсенькие растопыренные лапки. Крошка так мала и красива, что невольно улыбаешься. Да ведь это джунгарский хомячок!

Несмотря на комически-грозный вид, джунгарский хомячок безобиден. Вот он бережно взят, посажен на ладонь. И внезапно поведение его резко меняется. Хомячок садится на задние лапки и начинает умываться передними. Вот он вынул заднюю лапку, лизнул подошву и почесал за ухом. Хомячок получает изрядную крошку хлеба. Он хватает её передними лапками, садится «колышком» и с жадностью ест, поглядывая на вас своими чёрными глазками. Если бы все дикие животные вели себя так же!

Зверёк настолько мил и безобиден, что хочется вернуть его обратно, «домой», и кстати узнать, откуда он вылез на снег. В кармане он ведёт себя как хозяин, громко грызя сухарь. Затем засыпает, убаюканный ходьбой.

Долго приходится идти обратно по следу, но наконец у небольшого берёзово-осинового колка видно выходное отверстие в бугорке под крайней берёзкой.

И снова приходится удивляться: норка джунгарского хомячка устроена в муравейнике! Выкопать норку в рыхлой постройке муравьёв, конечно, легко даже маленькими, слабыми лапками. Но как хомячок умудряется жить в муравейнике весной, когда муравьи просыпаются,— это до сих пор не разгадано. А мы нередко ловили джунгарских хомячков в муравейниках и среди лета.

Вынутый из кармана хомячок забавно зевает на ладони, щурится, потягивается и принимается опять за умывание. Он как бы нехотя, вперевалочку, уходит вглубь муравейника досматривать сны, которые ему приснились в кармане.

Приятных сновидений, сказочный зверёк!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИКОЛЕНКО

Рассказ Н. Богданова.

Рисунки Ф. Лемкуля.

Наш командир любил пошутить. Когда на фронт прибыли лётчики, недавно окончившие военную школу, он представился им, рассказал, в какой боевой полк они прибыли, и вдруг спросил:

— А летать вы умеете?

Молодые авиаторы почувствовали себя неловко. Как ответить на такой вопрос? Ведь они только и делали, что учились летать. И научились. Поэтому их и прислали сюда бить фашистов. Вдруг один лётчик громко сказал:

— Я умею!

Командир поднял брови: «Ишь ты какой, не сказал: «Мы умеем!»»

— Два шага вперёд! Ваша фамилия?

— Младший лейтенант Николенко! — представился молодой лётчик уверенным баском.

Стоит чётко, подтянуто, в глаза смотрит открыто, не робея.

— Ну, раз летать умеете — покажите своё умение, — сказал с усмешкой старый воин, пристально оглядев молодого, задорного бойца. — Обязанности ведомого в воздухе знаете?

— Следовать за ведущим, прикрывая его сзади.

— Точно. Вот вы и следуйте за мной. Я ведущий, вы ведомый.

И с этими словами они направились по самолётам.

Старый лётчик шёл и всё усмехался: не так это просто — следовать за ним, мастером высшего пилотажа, если он захочет уйти от ведомого и его оконфузить.

— Я буду вести примерный бой, а вы дер-

житесь за мой хвост, — сказал командир, как бы предупреждая: держи, мол, ухо остро.

И вот два ястребка в воздухе. Десятки глаз наблюдают за ними с аэродрома. Волнуется молодёжь: ведь это испытание не одному Николенко.

Старый истребитель, сбивший немало фашистских ассов, вначале дал свечку; набрав высоту, свалился в штопор; выйдя из штопора, сделал бочку. Снова взлёт, крутое пикирование, мёртвая петля, на выводе крутой вираж. Ещё на высоту, и ещё каскад стремительных фигур высшего пилотажа, на которые смотреть — и то голова кружится!

Но сколько ни старался наш командир, никак не мог «стрясти с хвоста» этого самого Николенко.

Молодой ведомый носился за ним, как привязанный. Словно действительно держался за хвост или какая-то неведомая сила магнитом притягивала его самолёт к самолёту командира.

Когда совершили посадку, командир наш вылез из машины, вытер пот, выступивший под шлемом, и, широко улыбнувшись, сказал:

— Летать умеете, точно!

А Николенко принял это как должное:

— Рад стараться, товарищ полковник!

Ещё раз оглядел его командир. С головы до ног. Хорош орлик, только слишком уж самонадеян...

Николенко был назначен ведомым к опытному, спокойному лётчику, старшему лейтенанту Кузнецову. И в первом же полёте совершил проступок.

Когда восьмёрка наших истребителей сопровождала на бомбёжку группу штурмовиков в район выгрузки вражеских эшелонов, Николенко заметил внизу фашистский связной самолёт, кравшийся куда-то над самым лесом, спикировал на него и сбил с первой же очереди. При этом он потерял строй и нагнал своих, только когда они уже возвращались с боевого задания.

— Вы что же это вздумали? Бросать ведомого? Разрушать строй? — разносил его командир эскадрильи.

— Но я сбил самолёт, — пытался оправдаться Николенко.

— Хоть два! Из-за вашего самовольства мог погибнуть ваш ведущий. Нарушился строй. В образовавшуюся брешь могли ударить фашистские истребители, навязать нам невыгодный бой... Мы могли не выполнить задания по охране штурмовиков и сами понести потери!

Словом, досталось Николенко.

Но привычки своей — волчком отскакивать от строя в погоне за успехом — он не оставил. Правда, благодаря лихости и сноровке на его счету появилось несколько сбитых вражеских самолётов. И на упреки своих товарищей по лётной школе он насмешливо отвечал:

— Дисциплина, дисциплина... Что мы в школе, что ли? Вот вы, первые ученики, с пятёрками по дисциплине... А где у вас личные счета? Пусты.

Как-то раз командир полка по-дружески обнял его за плечи, уловив минуту, когда они были одни, и сказал:

— Смотрите, Николенко, убьётесь...

— Меня сбить нельзя! — задорно тряхнул головой Николенко.

— Вот я и говорю: сами убьётесь.

— Подставлю себя под удар? Нет. У меня и на затылке глаза.

И с этими словами Николенко так удивительно покрутил головой, что казалось, она и впрямь вертится у него вокруг своей оси.

— Шею натрёте, — усмехнулся командир.

— Не натру: вот мне из дому прислали чудесный шарфик из гладкого шёлка.

И показал красивый шарф нежноглубого цвета.

— Ну-ну, смотрите, да не прозевайте. Уж очень вы на одного себя полагаетесь. А знаете, что мой отец, сибирский мужик, говаривал: «Один сын — ещё не сын, два сына — пол сына, три сына — вот это сын!» Так и в авиации: один самолёт ещё не боевая единица, пара — вот это боец, четыре пары — крепкая семья, полк — непобедимое братство!

Усмехнулся Николенко в ответ на предупреждение командира, а сам задумался. Ещё в школе упрекали его, что он плохой товарищ, ни с кем не дружит, всегда сам по себе. Зачем ему друзья? Он и так первый ученик. А когда трудновато, родители репетитора наймут. И опять получается, что он лучше всех. У родителей был он единственным сыном, и они хотели, чтоб он везде был самым первым. Чтoб и костюмчик у него был лучше всех и отметки. Учителя им гордились, в пример другим ставили. А ребята не любили. Так и прозвали «гордец-одиночка».

Неужели прав командир?

До сих пор он жил отлично. Лучше всех, пожалуй. Да и на войне вот, разве он не лучше всех себя чувствует? Кто из молодых лётчиков больше всех самолётов сбил? Лейтенант Николенко... Так-то оно так. А вот нет в полку человека, который порадовался бы этому вместе с ним!

Да, командир знал, что говорил...

Наши гонялись за фашистскими машинами, сбивая их.

Через несколько дней получено было до-несение разведки, что на тайный аэродром, устроенный фашистами недалеко от наших позиций, прилетел новый истребительный полк. Самолёты все свеженькие, как новые монеты с чеканки. Заправились фашисты горючим и полетели штурмовать наши войска. Летают над позициями, над дорогами, обстреливают каждую машину, резвятся.

Не боятся, что у них бензину мало осталось: тайный аэродром рядом. Только скользнут над густым лесом — тут тебе и стол и дом. Для пилотов — тёплые землянки, горячий завтрак, а для самолётов — бензин, смазка и дежурные мотористы наготове.

Хорошо устроились. Да наши партизаны выследили и по радио сообщили.

Восьмёрка наших истребителей поднялась, чтобы подловить фашистов в момент их возвращения домой. Бензин у них будет на исходе, в полную силу драться они не смогут. Хочешь не хочешь, а без горючего садись. А на посадке самолёты беспомощны; их можно сбивать, как диких уток...

Конечно, аэродром — это не озеро, на которое прилетают утки. Его охраняют зенитные пушки. Его прикрывает «шапка» дежурных истребителей.

Всё это наши знали. Подошли скрытно, со стороны солнца, и стали делать круг, разбившись на пары, идущие на разной высоте.

Фашистские лётчики, охранявшие аэродром, вначале заметили пару наших самолётов, затем ещё два, повыше. А потом разглядели и ещё. И смекнули, что советские истребители явились в строю, который называется «кубанская этажерка», потому что впервые применили его советские лётчики в сражениях над Кубанью. Неуязвимый это строй: нападёшь на нижнюю пару, тебя на выходе из пикирования верхняя собьёт, нападёшь на верхнюю — тебя во время скольжения нижняя подхватит. А в центр такого строя и соваться не стоит... И немецкие дежурные истребители отошли в сторону, поднялись повыше.

Одна у фашистов была надежда: вот сейчас их зенитки дадут огонь, глядишь, заставят «этажерку» рассыпаться, растреплют строй. И тогда...

Но не тут-то было. У нашего полковника на этот случай свой манёвр был. Лишь только ударили пушки, он приказал всей восьмёрке, не нарушая строя, скользить вправо, влево, выше, ниже.

Не так легко пристреляться к таким, словно танцующим в воздухе, крылатым парам...

Да и недолго осталось стрелять фашистским зенитчикам. Вот сейчас, через какие-то минуты, должны вернуться фашистские самолёты, и тогда, хочешь не хочешь, убирай огонь, а то своих подшибёшь.

Наш командир усмехнулся, посмотрел на часы: сейчас явятся истребители и начнётся главная охота!

Вся «этажерка», совершая круг, работает точно, как вот эти часы с секундомером. Он оглядел строй счастливыми глазами.

— Немного терпения, мальчики! — сказал он по радио.

И вдруг чёрная тень пробежала по его лицу. Один самолёт вышел из круга и скользнул в сторону, за высокие ели, туда, где не было разрывов зенитных снарядов.

«Николенко!» — так и ударило в сердце.

И командир не ошибся. Это был Николенко. Не желая прогуливаться под зенитным огнём и напрасно подвергаться риску, он решил схитрить: уйти из зоны огня и прогуляться в сторонке, пока не появятся немецкие истребители... Вот тогда он и включится в бой... И набьёт больше всех!

Вслед за Николенко по обязанности защищать командира пошёл и его ведомый.

Увидел этот манёвр не только наш командир, тут же заметили его и фашисты.

— Вот наконец трус! — обрадовались они. — Лёгкая добыча!

Как бы возмутился Николенко, если бы узнал, что фашисты сочли его трусом! Ведь он-то знал, что он вовсе не трус.

Он знал, да враги этого не знали и решительно напали на него, как на слабого...

И не успел до него дойти предупреждающий окрик командира, как два залпа обрушились сверху на его самолёт.

Наблюдая за огнём снизу, Николенко прозевал атаку сверху.

Один, затем второй красноезвёздный самолёт, охваченные пламенем и дымом, рухнули на вершины елей.

А в это время возвратились восвояси фашистские истребители.

Они явились всем полком и пошли на посадку густо. Зенитки сразу замолкли. Всё небо покрылось машинами. Одни планировали на аэродром, другие, дожидаясь очереди, летали по кругу, а наши гонялись за ними, сбивая одну за другой. Подбитые валились и в лес и на лётное поле. Тут костёр, там обломки. На них натыкались идущие на посадку, разбивались. Два фашиста в панике столкнулись в воздухе. Некоторые попытались броситься наутёк, но без горючего далеко не улетели.

Победа была бы более полной, если бы не лейтенант Николенко. Двоим нашим истребителям пришлось связать боем фашистских дежурных, которые его сбили. Только четверо истребителей из восьми действовали в полную силу.

Наутро партизаны вывезли из тыла выбросившегося с парашютом, опалённого, поцарапанного еловыми ветками молодого лётчика Иванова — ведомого Николенко. Они сообщили, что второй лётчик сгорел вместе с самолётом.

Сняли шлемы лётчики, обнажили головы.

— Сообщить родителям Николенко, что сын их погиб смертью героя... — приказал командир, а потом добавил: — Тяжко будет отцу с матерью, а ведь сами виноваты: и смелым воспитали его и умелым, да вот недружным!

Видно, всё-таки полюбился старому лётчику молодой самонадеянный паренёк, которого он не мог «стряхнуть с хвоста» при первой встрече, как ни старался. Принимая в полк молодых бойцов, командир всегда рассказывал им о том, что случилось с Николенко. И темнел лицом и некоторое время был сердит и неразговорчив. Так разбалчивалась в его командирском сердце старая рана, которую нанёс ему молодой лейтенант своей бессмысленной гибелью.

Абсолютный чемпион

Рассказ
Н. Горбунова.

Рисунки
Б. Винокурова.

1

Подняла Петьку, закружила и понесла на своих лёгких крыльях шумная слава: он поставил блестящий рекорд и сразу стал знаменитым.

Дело было вчера вечером. На стадионе «Спартак» проводились соревнования на первенство урало-сибирской зоны по скоростному бегу на коньках. Одну за другой Петька выиграл две дистанции многоборья. А на третьей оплошал: занял только четвертое место. И вот осталась последняя дистанция — пять тысяч метров. Она решала, быть или не быть ему абсолютным чемпионом. Что пережил в эти минуты Петька, может понять только тот, кто сам хоть раз выходил на старт...

Над катком клубился морозный туман. Покрытые инеем провода стали толстыми, как буксирные канаты, а берёзы в роще за беговой дорожкой склонили до самой земли отяжелевшие ветки.

Стадион притих. Слышался только глухой, тревожный гул трибун да лёгкое потрескивание свежесполитого льда.

— Заключительный забег! — объявил судья-информатор.

У Петьки ёкнуло сердце.

Оба противника почти одновременно подошли к синевшей на льду стартовой черте и повернулись, чиркнув коньками нетронутый лёд. Теперь их разделял маленький снежный валик бровки. Петьке по жребию досталась большая дорожка, а сопернику его, тонкому голенастому свердловчанину, — малая.

Петька метнул на свердловчанина насто-рожённый взгляд. Беспечно посмеиваясь, тот поправлял шапочку. Глаза их встретились.

«Держись, друг, задам я тебе жару!» — говорила Петьке улыбка соперника.

«Ну, это ещё как сказать!» — тоже улыбкой, вызывающе ответил Петька и демонстративно разглядел на груди белые буквы «НС» — спортивную эмблему Новосибирска.

Свердловчанин хоть и храбрился, а тоже порядком побаивался Петьки. Шутка ли, уже две дистанции прошёл с результатом первого разряда!

Перед стартом мало радости любоваться противником. Петька нагнул и проверил шнуровку ботинок. В это время кто-то легонько стукнул его снежком по спине. Петька вздрогнул, оглянулся.

— Ты что, оглох, что ли?

Сзади, стараясь держаться на почтитель-

ном расстоянии от милиционеров, топтался капитан школьной хоккейной команды Димка Сорокин, или попросту Сорока, как звали его ребята.

— Не дозовёшься тебя! Иди сюда скорее! — сердито махнул он Петьке. — Дело есть.

Сорока был в длинном пальто, про которое говорят «с чужого плеча», и рыжей потрёпанной шапке, похожей на копну сена. Шапка тоже великовата и поминутно сползает ему на глаза. Старший брат Димки растёт настолько быстро, что не успевает изнашивать свою одежду, и весь его гардероб по наследству переходит к младшему брату.

— У этого бурный финиш, — кивнув в сторону свердловчанина, торопливо затараторил Димка на ухо Петьке. В 7-м «А» нет человека, который разбирался бы в спорте лучше, чем Сорока. — Смотри не горячись, а то обставит тебя, как миленького. Береги силы для финишной прямой, — сыпал Сорока скороговоркой. — В Алма-Ате говорят...

Но что говорят в Алма-Ате, Петьке не довелось узнать. Усатый милиционер в чёрном полушубке с погонами молча взял Сороку за рукав и выводил за ворота.

Визит Сороки, несмотря на его неблагоприятный конец, прибавил Петьке бодрости. Приятно было чувствовать заботу друзей. Он увереннее подошёл к противнику и занял своё место на беговой дорожке.

Хронометристы уже вынули секундомеры и не сводили глаз со стартера. Судья на старте поднял свой клетчатый, как шахматная доска, флажок.

— Внимание!

Чуть пригнувшись, конькобежцы напряжились, устремив взгляд вперёд.

— Старт!

Гулко прогремел выстрел в морозном воздухе.

Ну, теперь кто кого!

Набирая скорость, они пошли рядом, размахивая руками, нога в ногу, конёк в конёк. На вираже свердловчанин первый заложил одну руку за спину и опять улыбнулся. Всё равно, дескать, мой верх будет!

Петька даже зубами закрипел: «Подожди, я тебя измочалю до твоего бурного финиша!»

И на ходу перестроил свой тщательно разработанный график.

Новая тактика была проста, но очень опасна: Петька резко увеличил скорость.

«Будь что будет!»

Он задумал измотать свердловчанина,

не дать ему возможности использовать своё преимущество в конце дистанции.

Это было очень рискованно. Ведь Петька может и сам не выдержать! Что, если у него не хватит сил и он «распишется» где-нибудь на последнем круге?

...Хоккейная команда 7-го «А», затаив дыхание, следила за поединком. Ребята расположились на самом верху трибуны. Стадион — это не театр; здесь в первых рядах сидит только тот, кто ничего не смыслит в спорте, а искушённые болельщики всегда забираются повыше. Сверху всё ледяное поле, как на ладони.

Безрассудное поведение Петьки не могло остаться незамеченным.

— Что делает, ну что он делает? — трагическим голосом твердил капитан, облизывая потрескавшиеся губы. Димка целыми днями пропадает на катке, и поэтому губы у него всегда обветренные.

— Выдохнется! — со вздохом поддакнул Димке лобастый синеглазый толстяк Федя Горячев и мрачно сунул в карман цигейковой куртки будильник. Ни о каком графике не может быть и речи — всё перепутал Петька!

А Петька то летел сломя голову, то резко сбавлял скорость. Свердловчанин принял вызов — это был стреляный воробей. Разгадав петькин замысел, он не лез вперёд, а прочно висел у него на пятках.

Ребята замерли. Все поняли, чем это пахнет. Нет, не имеет права Петька рисковать в таком ответственном соревновании! Какое право он имеет ломать график!

Один круг, второй, третий... Ничего не меняется. Бегут, как в догоняшки играют, рывками. Инициатива попрежнему у Петьки.

А время идёт.

Вот судья-контролёр вытянул перед петькиным носом руку с одним оттопыренным пальцем. Это означает, что конькобежцы пошли уже на последний круг.

Свердловчанина будто кто-то подстегнул. Он взмахнул руками, рванулся и сразу обогнал Петьку. Просвет между конькобежцами начал увеличиваться с катастрофической быстротой.

— Я говорил, не надо горячиться! — с досадой сказал Сорока. — Всё пропало!

По трибунам пронёсся шквал. Болельщики неистово предупреждали Петьку об опасности, молили, грозили, требовали:

— Давай, давай!

— Жми!

Все новосибирцы, конечно, желали ему удачи.

— Работай! — побагровев, изо всей мочи завопил Федя, будто Петька мог услышать его на другом конце стадиона.

— Работай! — подхватил Димка, сердито потрясая кулаками.

И покатилося из края в край по трибунам:

— Работай! Работай! Работай!

До финиша уже оставалось метров сто, не больше. Но каждый метр теперь стоил свердловчанину большого труда. Силы у него иссякли. Петька тоже сдал, но бежал отчаянно, напрягая всю свою волю. Он выжимал всё, что ещё сохранилось в его усталых мускулах.

— Достаёт, достаёт! — не то спрашивая, не то утверждая, вопил Сорока.

А Петька уже ничего не слышал и не видел. Перед ним мелькали только коньки соперника да снежные бровки, разделяющие дорожки. Всё ближе, ближе белая от инея шапочка свердловчанина.

В вечернем сумраке ослепительно вспыхнули огни юпитеров, заиграл оркестр. Вокруг Петьки засуетились кинооператоры, фоторепортёры и корреспонденты. Подбежал с микрофоном спортивный комментатор. Но Петька так ошалел от радости, что долго не мог произнести ни слова. Жмурясь от ярких лучей, он только улыбался и смущённо озирался по сторонам. Натруженные ноги его подкашивались, щёки горели, перед глазами плыли красные круги, в ушах всё ещё не утихал многоголосый гул: «Работай! Работай!»

Торопливо накручивая пружины своих тяжёлых фотоаппаратов, отхлынули операторы, спрятав блокноты, исчезли корреспонденты, и Петька попал в объятия друзей.

Не раздумывая, Сорока снял своё широченное пальто и, оставшись в одной рубашке, набросил его на заиндевшие плечи чемпиона.

— Эх, нам бы теперь ещё «партизан» обставить! — мечтательно сказал он, выбивая зубами дробь. — Сразу бы в школе две победы прибавилось.

«Партизаны» — это хоккеисты соседней школы, что на Партизанской улице. А димкина команда в отличие от них называлась «мукомольной». Не очень звучное название, да что поделаешь: построили рядом со школой мельничный комбинат, вот отсюда и пошло.

В прошлом году в розыгрыше кубка района «мукомолы» потерпели жестокое поражение. Финальная встреча окончилась с разгромным счётом: 4 : 0! Сухая! Нынче «мукомолы» решили взять реванш. Долго и упорно готовились они к этой встрече. Но и

«партизаны» не сидели сложа руки. И вот скоро опять противники должны скрестить клюшки. Кто кого?

Домой чемпион вернулся в одиннадцатом часу. Не раздеваясь, он прошёл к столу и положил перед матерью, склонившейся над машинкой, маленькую сиреневую коробочку — приз и свёрнутый трубкой диплом первой степени.

В коробочке были часы с тоненькой, как волосок, красной секундной стрелкой, прыгающей по циферблату.

— А почему так поздно? — спросила мать, удивлённо рассматривая петькины спортивные трофеи.

— Да так, — с деланным равнодушием бросил он, не поворачивая головы, — интервью давал.

2

Эх, до чего же интересная жизнь началась у Петьки! События следовали одно за другим, одно лучше другого.

Утром за чаем отец по обыкновению развернул газету. С фотографии ему улыбалась чья-то очень знакомая курносая физиономия.

— Гм, да это же наш Петька, — хмыкнул он, изумлённо вскинув брови, — чемпион!

Петька бросил ложку, выскочил из-за стола и, не одеваясь, помчался на улицу. Прямо у подъезда был киоск «Союзпечати». Без сожаления чемпион ухлопал на газеты весь свой наличный капитал, предназначавшийся для покупки ножа.

А вскоре произошло ещё одно, не менее важное событие.

Передавали «Пионерскую зорьку». Петька был занят: вырезал из газет свои портреты. Углубившись в работу, он не прислушивался к тому, что говорили дикторы: что-то про отметки, что-то про экскурсию... И вдруг объявляют:

«Вчера в Новосибирске закончились зональные соревнования конькобежцев Сибири и Урала. Слушайте репортаж нашего корреспондента».

Чемпиона будто взрывом швырнуло с дивана.

— Мама! — не своим голосом закричал он и прилип к репродуктору.

Из кухни с тарелкой в руках прибежала перепуганная мать.

— Что с тобой?

— Тише, тише, — зашипел на неё Петька, — слушай!

Из репродуктора доносились громкие крики, свист, аплодисменты.

— Меня приветствуют! — пояснил он матери. — Сейчас я говорить буду.

Но корреспондент обо всём рассказал сам, а Петьке дал только две фразы сказать.

«Какую ты теперь задачу поставишь перед собой?»—спросил он, поздравив чемпиона с победой.

«Хорошо бы мастером спорта стать!—выпалил Петька, шумно вздохнув. Он ещё не успел отдышаться после трудной дистанции.—И значок мастерский получить».

Репортаж окончился. На всякий случай подождав ещё немного, Петька внимательно прослушал сводку погоды, но в этой сводке интересного было разве только то, что в Но-

нун узелок зубами. То и дело он прикладывал их к уху. Время будто зацепилось за что-то, еле ползло. Впервые за свою жизнь он пожалел о том, что учится во второй смене.

Томясь от безделья, чемпион слонялся из угла в угол. Воображение его рисовало изумительные картины: он бил мировые рекорды, яростно штурмовал ворота сильнейших команд класса «А», первым уносил на груди финишную ленточку под восхищённые возгласы болельщиков.

«Кто это?»—изумлённо спрашивали зрители.

Вокруг Петьки засуетились кинооператоры, фоторепортёры и корреспонденты.

восибирске сегодня опять лишь на один градус теплее, чем на станции «Северный полюс-4».

Петька начал собираться в школу; ему не терпелось похвастаться часами и узнать, что о нём говорят ребята.

Выпросив у матери новую комбинированную куртку с серыми плечами, которую он надевал только по праздникам, Петька долго прихорашивался у зеркала. Чтобы волосы на макушке не стояли торчком, он обильно смочил голову водой и остался вполне доволен своим видом.

— Абсолютный чемпион!—веско произнёс он, оглядывая себя со всех сторон.— Аб-со-лют-ный!

Часы, за неимением ремешка, Петька привязал на руку ленточкой, туго-натуго затя-

«А вы разве не знаете? Пётр Стручков, заслуженный мастер спорта!»

К действительности его вернул гудок автомашины и резкий звонок, тотчас раздавшийся в прихожей.

— К нам.

Он выглянул. Вошёл незнакомый мужчина в кожаном пальто.

— Мне надо видеть товарища Струčkова,—сказал он, поздоровавшись.

— Его сейчас нет дома,—ответила мать.

— Я из студии кинохроники...

— Так это же за мной! Поехали!

Не дав мужчине договорить, Петька сгрёб в охапку пальто и вылетел на улицу.

Когда шофёр вышел, чемпион уже восседал на переднем сиденье «Победы».

Машина выехала на Красный проспект,

пристроилась за сверкающим, как зеркало, чёрным «ЗИМом» и покатила к берегу Оби. Петька глядел во все глаза: вот бы кто-нибудь из ребят сейчас увидел его в «Победе»!

Но, как назло, мальчишки и девчонки попадались незнакомые.

В студии Петька пробыл минут сорок, но если бы кто-нибудь из петькиных друзей видел, как он возвращался из студии, то наверняка заметил бы, что походка его изменилась. Прежний Петька обязательно сбежал бы с крыльца, прыгая через две ступеньки, а теперешний спускался степенно, с озабоченным выражением лица.

Рядом с ним шёл режиссёр, высокий, как дядя Стёпа, в белых скрипучих бурках. На прощание он, как большому, пожал Петьке руку, велел шофёру доставить его домой, пождать, пока он пообедает, и, чтобы не опоздал на занятия, отвезти прямо в школу.

О, это была внушительная картина! «Победа», мягко шурша колёсами по отшлифованному до блеска, плотному, как бетон, снегу, подкатила к самому крыльцу. У школы толпились ребята. Все они, притихнув, наблюдали за машиной. И вдруг из кабины

показался стриженный белобрысый петькин затылок. Это было так неожиданно и здорово!

А Петька, как будто он каждый день разъезжал на «Победе», не торопясь, вылез из кабины, небрежно кивнул шофёру и, взглянув на часы, направился к двери.

— Стручков приехал! — звонко крикнул кто-то в коридоре.

За чемпионом потянулся длинный хвост поклонников конькобежного спорта.

В 7-й «А» хлынули физкультурники со всей школы. Чемпиона засыпали вопросами.

Усевшись на стул учителя, Петька положил ногу на ногу и, не торопясь, обстоятельно рассказывал о своей победе. Потом, как будто случайно, задрал рукав куртки. Блеснули часы с коричневым циферблатом.

— Наградили? — восторженно спросили поражённые ребята.

— Ага! — зарделся Петька, вытянув руку. — Амортизационные, — значительно поведал он, довольный произведённым эффектом. — Нисколько ударов не боятся!

Чемпион, не торопясь, развязал зубами узелок, снял часы и подал их Феде, за кото-

Петька небрежно кивнул шофёру и, взглянув на часы, направился к двери.

рым в школе прочно укоренилась слава инженера-изобретателя.

— Правильно, амортизационные,— с видом знатока засвидетельствовал тот.

— Вот не могу в паспорте разобраться,— пожаловался Петька,— часы непромокаемые, а почему-то написано: «Во избежание повреждений механизма не рекомендуется погружать в воду»,— недоуменно развёл он руками.

Изучая паспорт, чемпион успел заучить этот путаный параграф наизусть.

Федя почесал затылок.

— Да, дилемма!

— Ты скажи, можно всё-таки купаться, не снимая их, или нет? — допытывался Петька.

Достав из кармана большую лупу, с которой он никогда не расставался, Федя поднёс её к глазам и низко склонился над часами.

— Ну? — нетерпеливо толкнул его в бок чемпион.— Можно?

Федя молча порылся в глубоких карманах, где у него всегда что-то звякало, и, не говоря ни слова, вооружился длинной отвёрткой с жёлтой полированной ручкой.

— Очумел? — испуганно поймал его за руку Петька.— Дай сюда! — сердито вырвал он часы.

Федя обиделся.

— Я машину хотел узнать,— надул он губы.— Какой ход? Анкерный?

— Почём я знаю! — буркнул Петька, надевая часы.— Хорошо идут, и ладно.

Вытянув шею, все восхищённо следили за чемпионом.

— Точные?

— Секунда в секунду шпарят,— не моргнув глазом, врал Петька (он ещё не успел проверить часы).— И заводятся на двое суток с лишним.

— А ночью светятся?

— Должны...— на этот раз не совсем уверенно ответил Петька: тут уж надо держать ухо остро, а то попадёшь впросак — Федя живо разоблачит.

— Фосфор,— ткнул Федя своим коротким, жёлтым от проявителя пальцем в белые цифры. И снисходительно проинструктировал: — Имей в виду: подзарядка требуется. Днём на солнце надо несколько минут подержать.

3

Последним в этот день был урок физкультуры. Нетерпеливо ёрзая на парте, Петька поглядывал на дверь.

Не успел ещё прозвенеть звонок, как в класс вошёл учитель, грузный, седеющий человек в темносинем тренерском костюме с белой каёмкой на шее.

Опередив дежурного, Петька метнулся к нему навстречу.

— Виктор Фёдорович,— торжественно и громко начал он.— Спасибо вам...— и запнулся. Петька знал, что после одержанной победы чемпионы благодарят своих тренеров.— Я скажу... я хотел сказать,— беспомощно заморгал он глазами и, собравшись с мыслями, наконец выпалил: — Спасибо вам, что я стал чемпионом!

Улыбаясь, Виктор Фёдорович положил ему на плечо тяжёлую ладонь — он был сильнейшим в городе штангистом.

— Твой успех, Петя,— сказал учитель,— это успех всей нашей школы, всех твоих друзей, помогавших тебе расти. Никогда не забывай об этом. Посмотри, сколько физкультурников у нас, сколько мы ещё рекордов побьём! Верно, ребята?

— Верно! — дружно ответил класс.

Петька ликовал, Петька блаженствовал, наслаждаясь своей славой. Теперь в школе не было более популярного человека, чем он. Да что школа, когда имя его гремело по всей стране! По радио про него говорили? Говорили. В «Советском спорте» писали? Писали. Да ещё в кино показывали!

Где бы только ни бывал Петька, опережая его, летела слава. Чудодейственная сила была у этой чародейки-славы: она избавила его от необходимости толкаться в очереди в раздевалку, в мастерской на стадионе у него немедленно брали точить коньки...

Стоило ему показаться на катке, как за его спиной тотчас слышались восторженные голоса:

— Чемпион, смотрите, чемпион!

У Петьки в такие минуты сладко замирало сердце. Что там ни говори, а приятно чувствовать себя известным человеком!

Известность чемпиона росла с каждым днём.

Однажды в школу пришёл почтальон, сухонький бодрый старичок в поношенной форменной фуражке с гербом и с красной молнией на рукаве. Обычно он, постукивая тоненькой чёрной тросточкой и роясь в своей пудровой сумке, торопливо проходил к учительской. Но на этот раз почтальон пошёл не в учительскую, а прямо к 7-му «А» и постучал тросточкой в дверь.

— Эй, озорники!

В коридоре сразу наступила мёртвая тишина.

— Есть у вас Стручков П.?

— Есть, есть! — послышалось несколько голосов. — Петька, тебя!

Чемпион за последнее время перестал чему-либо удивляться.

— Я Стручков, — не без достоинства отрекомендовался он, приближаясь.

— Получи-ка, сынок, корреспонденцию.

Старичок вручил ему объёмистую пачку писем.

— От кого?

— Ого, сколько много!

— Кто это пишет? — затормозили Петьку ребята.

— Читай вслух!

Петька поломался немного, но здесь же, в коридоре, распечатал первый конверт и медленно стал читать, плохо разбирая незнакомый почерк:

— «Уважаемый Петя! По радио передавали, что ты всех обогнал, в том числе и прошлогоднего чемпиона. У нас в школе многие умеют кататься на коньках, но на соревнованиях нам почему-то не везёт — всё время наша школа на последнем месте. Напиши, как ты тренируешься, в общем, расскажи подробнее о своей системе тренировок.

По поручению конькобежной секции 107-й школы Толя Ковтун. Город Киев».

Писали ребята из Барнаула, Иркутска, Челябинска, Одессы и даже с Дальнего Востока, из бухты Находка.

— Вот это да-а-а, — прищёлкнул Петька языком, — сколько народу меня знает!

Чемпион шёл в гору. На всех собраниях и заседаниях его выбирали в президиум. Теперь ему никак нельзя было приходить в школу, не выполнив домашних заданий. Петька старался изо всех сил, чтобы не опозорить своё почётное звание. В дневнике у него всё чаще красовались самодовольные, румяные толстухи-пятёрки. По этому случаю спортивная стенгазета «Внимание, на старт!» поместила дружеский шарж. Художник изобразил чемпиона в жокейском картузе и с плёткой в руке. Петька пересаживался из коляски, которую тянула тройка усталых, взмыленных лошадей, в другую, где в упряжке плясали пять тонконогих вороных рысаков. Подпись под рисунком гласила: «Стручкову надоело тащиться на тройках. В ученье чемпион тоже поставил рекорд. Физкульт-ура!»

На переменах чемпион чинно разгуливал по коридору и, если ребята затевали возню, старался держаться подальше.

И мало-помалу он начал испытывать примерно такое же ощущение, какое бывает у заядлого купальщика, когда тот в знойный летний день дорвётся наконец до воды и чаньряется вволю. Вылезет на берег — в голове туман, уши заложило, кругом галдят, смеются, играют, а он ничего не слышит и не видит.

5

Приближался розыгрыш кубка. Хоккеисты ходили серьёзные.

Димка почернел, лицо у него задубело на морозе, осунулось, и ещё больше обветрились губы. Теперь «партизаны» ни на минуту не выходили у него из головы. Как они построят игру в нынешнем году? Какой сюрприз приготовят его команде?

Атмосфера накалялась. Тренировались с повышенной нагрузкой — ни холод, ни буран не принимались в расчёт. Ключки на площадке стучали до позднего вечера.

Вспомнив, что в школе у «партизан» учится его хороший приятель, Федя отправился на разведку.

Приятель, оказывается, ведал школьной фотолабораторией. Федя посидел у него немного, пожаловался, что в магазинах редко бывают химикаты, и, чтобы избежать подозрений, попросил в долг маленько закрепителя, будто он за этим и пришёл. Потом Федя потащил дружка на улицу, и словно невзначай, они оказались на хоккейной площадке, где в это время тренировались «партизаны».

Возвратился Федя невесёлый.

— Классно играют, — коротко доложил он капитану, — в темпе, и пасовочка что надо! Прорывы практикуют попережнему, но больше всего пятёркой действуют. Главное — защита всё время нападение поддерживает.

Разговор происходил в раздевалке — команда собиралась на лёд. Сообщение Феде задело хоккеистов. Все невольно заторопились. Капитан, как всегда, первым привёл себя в боевую готовность.

Взяв свою самодельную клюшку со следами красных букв на планке, — вероятно, в дело пошла какая-то реклама, — он встал и посмотрел на хоккеистов.

Ребята склонились над ботинками. Только один Петька беспечно сидел на столе.

— Я бегаю — будь здоров! — заявил хвастливо Петька.

— Вообще-то на прорывах они далеко не уедут, — заявил он хвастливо Феде. — Я бегаю тоже будь здоров!

— Тебя что, не касается? — строго оборвал его Димка. — Обувайся!

Петька огрызнулся:

— Отстань! — И с ехидцей спросил: — Сколько ты вчера шайб забросил?

Димка насторожился:

— Две, а что?

— А я шесть!

— Ну и что?

— На площадке надо себя показывать, вот что! Тоже мне капитан! — Петька презрительно скривил губы. — Горе луковое, а не капитан!

Димка шагнул к нему, злобно сверкнув глазами.

— Ты у меня получишь, — пригрозил он, показав кулак, — я тебе покажу, как дисциплину разлагать!

Ребята молчали. Но эта тишина не сулила Петьке ничего хорошего.

— Айда на лёд! — Махнув рукой, капитан засеменил к выходу.

Сегодня обычная товарищеская встреча: 7-й «А» играет с 7-м «Б». Но тренерский совет во главе с Виктором Фёдоровичем должен окончательно решить, кто войдёт в сборную команду школы. Две пятёрки будут взяты из димкиной команды — это уже точно известно; а вот кому посчастливится

защищать спортивную честь школы из 7-го «Б»? Для них эта встреча имела очень большое значение.

Игра, как говорится, сразу приняла острый характер. Хоккеисты 7-го «Б» из кожи лезли, чтобы отличиться. Петька увлёкся и забыл о стычке с Димкой. Но в третьем периоде Виктора Фёдоровича позвали в школу, противник ослабил натиск, и червь самолюбия опять зашевелился. Петька начал срывать одну комбинацию за другой.

Атака 7-го «Б» захлебнулась. Перехватив у нападающих шайбу, Димка по левому краю помчался к воротам противника. Петька пулей летел к центру, выставив клюшку вперёд.

— Прорыв! Защита в смятении!

Димку встретили двое, пытаясь отобрать шайбу. Щёлк! Шайба уже у Петьки. Петька проходит к самым воротам. Но бить нельзя: защитники 7-го «Б» бросились наперерез. А Димка остался неприкрытым.

«Дай! — молит он глазами, барабана клюшкой о лёд. — Ну, дай же, дай!»

— Пасуй Сороке!

— Сороке, Сороке! — зашумели болельщики.

Петька усмехнулся. «Из такого положения дурак забьёт, а ты вот поучись, как трудовые вкатываются!» — злорадно подумал он и метнулся в угол.

Однако момент был упущен: Петьку

взяли в клещи подоспевшие нападающие 7-го «Б», завладели шайбой и, используя выгодное положение, легко прошли за центр и пробили по незащищённым воротам. Вратарь не сумел парировать удар. Гол!

Этого капитан уже не мог вынести. По багровев, он, как коршун, набросился на Петьку.

— Понюхай, чем пахнет! — Схватив чемпиона за грудки, Димка сунул ему под нос огромный кулак в ребристой хоккейной перчатке.

— Отвяжись! — попятился Петька.

Он порядком струхнул. Димка живо бока намёт, если подвернёшься под горячую руку, — он все приёмы самбо изучил...

— Пусть не задаётся! — возмущённо загалдели ребята.

— Всю игру сковывает!

Вокруг Петьки образовалось плотное кольцо хоккеистов.

— Самолюбие у него распухло, — спокойно подытожил невозмутимый Федя.

— По местам! — пронзительно засвистел судья, вспомнив наконец о своих обязанностях.

Капитан отошёл, злое ще пообещав:

— Подожди, я из тебя дурь выбью!

«Ну, чего он рыпается? — думал Петька. — Всё равно без меня им труба!»

На другой день опять такая же история.

Димка вытащил из кармана помятый блокнот, полистал его и спросил:

— Последний раз кто каток заливал, Рожковы?

— Мы, — ответил плотный, коренастый крепыш.

Рожковых два брата, но они несколько не похожи друг на друга. Один белый, другой смуглый, черноволосый, как жук. Их так и зовут: Рожков Белый и Рожков Чёрный.

— Значит, сегодня ваша очередь, — сказал капитан, обращаясь к Феде и Петьке.

Только что закончилась тренировка. Федя тяжело вздохнул, смахнул рукавом пот с лица и устало привалился спинкой к борту площадки.

— Ладно, — уныло согласился он.

А Петька заартачился.

— Без меня обойдётесь, — высокомерно посмотрел он на капитана. — Мне вон ещё на письма надо отвечать.

В разгар сезона Димке не хотелось терять лучшего нападающего первой пятёрки, и он сказал миролюбиво:

— Завтра, Петя, ответишь.

Но, почувствовав, что капитан сдаётся, Петька полез напролом:

— Не буду, и basta!

Повернулся, закинул за плечо клюшку и зашагал, переваливаясь с боку на бок.

— Стой! — крикнул Димка.

— Да иди ты! — не оглядываясь, отмахнулся Петька.

Димка в два прыжка настиг его и схватил за ворот.

— Не останешься?

— Нет!

— Значит, нет?

— Нет! — отрезал Петька.

Димка в два прыжка настиг Петьку и схватил его за ворот.

Димка размахнулся и ударил его по уху. Позор! При всех так унижить чемпиона!

— Ладно! — процедил сквозь зубы Петька и изо всех сил трахнул о барьер свою новенькую фабричную клюшку. Хряснув, она разлетелась на три части, крючок, или перо, как называют его хоккеисты, далеко отлетел на лёд и завертелся юлой.

— Вот вам, играйте, как хотите!

Ошеломлённые ребята молчали.

Петька побежал в школу. Он думал, что все кинутся за ним, станут уговаривать. Как-никак, он всё-таки чемпион Сибири и Урала, самый быстрый нападающий в команде. Но никто не тронулся с места.

* * *

На другой день по дороге в школу чемпион купил кедровых орехов и, набрав полную горсть, похвалился в классе:

— Калёные!

Но никто из ребят не протянул руки. И на уроке никто не поинтересовался, как прежде, сколько минут осталось до звонка.

«Сговорились»,— подумал Петька, бросив на Димку взгляд, полный ненависти.

На перемене Петька заметил, что все украдкой поглядывают в его сторону. Услышав про «Колючку», он понял, что его продаёрнули в стенгазете, и с безразличным видом пошёл посмотреть.

Карикатура на Петьку была в самом центре газеты. Чемпион шёл по бугристой дороге, задрав вверх нос, а впереди зияла глубокая яма. Ещё шаг, и он споткнётся и рухнет в неё.

«Стручков стал на опасный путь,— предостерегала газета.— Неправильный!!!»

Но это были только цветочки. Перед концом уроков в спортзале рядом с графиком тренировок вывесили список сборной команды. Петькиной фамилии в нём не было. Чего-чего, а этого Петька никак не ожидал!

Хоккеисты начали тренироваться без чемпиона. Но Стручков не терял надежды: «Поклонятся ещё!»

Прошла неделя. Вечером, накануне игры с «партизанами», Сорока, отдавая последние распоряжения, даже не взглянул на Петьку, когда тот несколько раз, как будто ненароком, прошёл мимо.

Домой чемпион приплёлся с таким чувством, какое испытывает хоккеист после поражения, которое потерпела его команда из-за того, что он забросил решающую шайбу в собственные ворота.

— Так завтра ты нас поведёшь на хоккей? — увидев его, сказал отец.

Петька швырнул на диван портфель

— Отменили.

Весь выходной день чемпион провалялся в постели с книгой в руках. Однако сегодня ничего не шло на ум. Он то и дело поглядывал на часы.

Игру назначили на вечер. Петька твёрдо решил просидеть весь день дома. Но, когда время стало приближаться к началу сорев-

нований, не вытерпел, снял с вешалки пальто.

— Пойду подышу свежим воздухом,— сказал он матери.

Петька уныло брёл по ярко освещённой улице, останавливаясь у витрин магазинов.

С неба стала сыпаться мелкая крупа.

«Помешает нашим,— подумал он, смахивая снег с воротника пальто.— Часто площадку подметать придётся.— И сразу же оборвал себя: — А тебе-то какое дело?»

Петька старался не думать об игре, и, чтобы заглушить навязчивые мысли, он принялся сосредоточенно считать шаги.

Когда он насчитал до двух тысяч, до слуха его долетел знакомый мелодичный перезвон колокольчиков. Петька остановился... Где-то неподалёку грянул бурный футбольный марш, и тотчас раздались крики, свист...

«Так это же у нас!» — догадался он, оглядываясь по сторонам.

Оказывается, ноги сами привели его к школе.

«Пойти взглянуть, что ли?» — заколебался Петька.

Игра была уже в полном разгаре. Площадку плотным кольцом окружили ребята. Заметив за воротами в тёмном углу ёлку, воткнутую хоккеистами в снег для украшения, чемпион, крадучись, пробрался к ней.

Правую сторону площадки облепили «партизаны», левую — «мукомолы».

По каким-то неуловимым признакам Петька понял, что шайба не успела ещё побывать в воротах. Игра развёртывалась драматически. Гости ошеломили хозяев бешеным натиском. «Мукомолы» прижаты к воротам и плотно закрыты в своей зоне. Как заяц, мечется вратарь Рожков Белый. «Партизаны» ведут осаду всей командой.

— Наседай! Наседай! — ликует правая сторона, торжествуя победу.

Левая тревожно молчит.

Трещат клюшки, со звоном режут лёд коньки. Ворота «мукомолов» под непрерывным обстрелом.

— Сделай! Сделай! — кричит правая сторона

— Не теряйся!

— Спокойно, спокойно! — советует своим левая сторона.

«Плохо!» — безучастно подумал Петька.

Уверенные в победе «партизаны» лезут напролом, не беспокоясь о своих воротах. Кажется, ещё миг, и они сомнут, опрокинут противника и начнут швырять шайбу за шайбой. Даже удивительно, как это «муко-

молы» ещё противостоят такому яростному штурму.

Вот оно, начинается. Гол!

Рожков Белый самоотверженно бросился под ноги капитану «партизан», упал, но шайба высочила у него из рук и закатилась в ворота.

— Штука! — торжествуя, неистово завопила правая сторона.

Поморщившись, Рожков Белый загрёб шайбу своей широкой вратарской клюшкой и сёрдито швырнул её на середину площадки.

Игра делается ещё напряжённее.

Опять атака! «Партизаны» лавиной несутся к воротам «мукомолов». Рожков Чёрный ринулся в самую гущу игроков противника, перехватил шайбу и бросил Димке.

Димка кинулся вперёд и вывел на удар Федю. Федя с силой метнул шайбу верхом в ворота. Стукнувшись о щитки вратаря, она отскочила прямо под клюшку подоспевшему Рожкову Чёрному. Рожков с хода толкнул её снова в ворота. Гол!

Теперь ликует левая сторона.

Не умолкая, шумели, волновались болельщики, и никому не было никакого дела до Петьки. Будто он вовсе и не ставил блестящих рекордов, не был грозой вратарей на хоккейных площадках!

Продрогнув, чемпион стоял в своей засаде и стучал зубами от холода. На глаза у него навернулись слёзы.

Но о нём всё-таки вспомнили. Неподдалёку от ёлки, за которой прятался Петька, остановился Виктор Фёдорович и с ним ещё один человек. Кто же это? Петька осторожно раздвинул ветки. Высокий, белые бурки, и голос знакомый. Ах, вот это кто! Режиссёр студии кинохроники! Неужели снимать будут?!

— Замечательно сыграно! — басовито гудел режиссёр, восторгаясь смелой комбинацией «мукомолов». — Напористо играют хлопцы!

— Я доволен, — сказал Виктор Фёдорович. — Из Сорокина и братьев Рожковых вырастут настоящие хоккеисты. И другие ребята неплохо играют.

— А Стручкова почему не видно?

— Заболел.

— Что с ним, серьёзно?

— Да, очень опасная болезнь. Но я думаю, мы не допустим осложнений, вылечим общими силами.

И Петька видел, как, уловив недоуменный взгляд режиссёра, Виктор Фёдорович лукаво улыбнулся.

ИНДИЙСКИЕ КУКЛЫ

Индийская пословица говорит: «Первое, что было даровано человеку, — это земля и солнечные лучи». Уже в глубокой древности женщины Индии лепили из земли фигурки людей и животных и, высушив на солнце, забавляли ими своих малышей. С давних пор сохранились индийские игрушки из дерева, из ярких лоскутков.

И вот что замечательно: эти древние образцы игрушек до сих пор повторяются в работах индийских мастеров. Многие игрушки нынешних ребят Бенгалии, Раджастана, Пенджаба точь-точь похожи на те, которыми забавлялись дети их пра-пра-прадедов больше чем две тысячи лет назад.

Конечно, индийские дети, как и все дети на земном шаре, очень любят свои игрушки. Любовь к игрушкам, этим весёлым спутникам детства, остаётся у них на всю жизнь. В жилищах индийцев всегда можно встретить различных кукол, изображающих людей и животных. Эти игрушки, вылепленные из глины, вырезанные из дерева и кости, отлитые из металла, служат предметами комнатного убранства.

Любовь к игрушкам так велика, что каждый год осенью в городах и селениях устраиваются праздники кукол, которые длятся десять дней. В каждом доме на специальных полочках выставляются самые лучшие, самые любимые игрушки, а в праздничных церемониях вместе с женщинами и детьми участвуют куклы.

Большие заводные куклы в красивых народных костюмах участвуют в процессиях, в танцах, в весёлых и торжественных кукольных свадьбах.

На этих цветных картинках художник нарисовал игрушки, которые он видел в Москве, на выставке кустарных изделий Индии. 1. Торжественный выезд раджи на слоне. 2. Рыжая кошка. 3. Кукла с качающейся головой. 4. Различные глиняные куклы: заклинатель змей, продавец молока, студент, женщина с кувшином, музыканты. 5. Вырезанная из дерева корова с телёнком. 6. Музыкант, играющий на вйне. 7. Тигр. 8. Кукла, изображающая горожанку из Бомбея (эта кукла, так же, как и слон, везущий раджу, сделана из материи). 9. Крестьянская хижина. 10. Деревянная кукла (точно такие куклы делались больше двух тысяч лет назад). 11. Сборщики кокосовых орехов.

И. Малевинская,
научный сотрудник Музея
Восточных Культур.

3

2

1

4

5

6

8

7

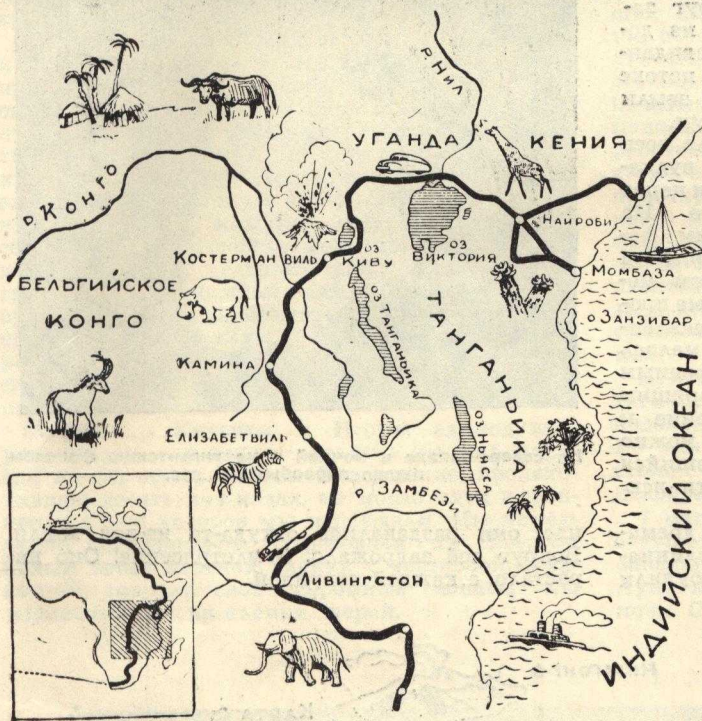
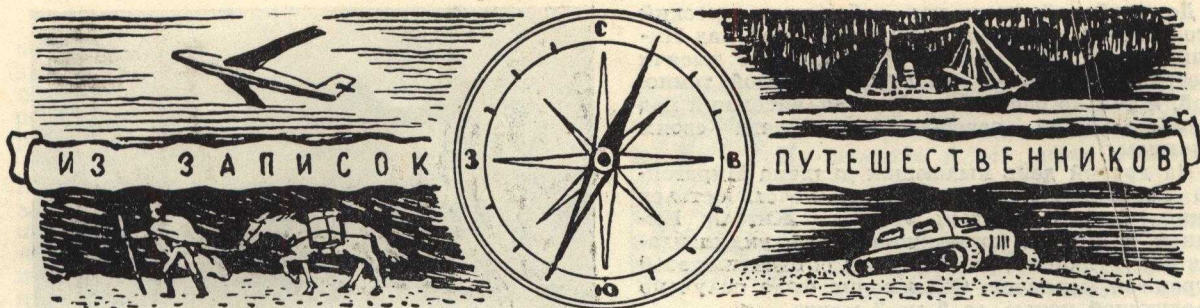
10

11

9

ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ НА КИВУ

Главы из книги «Африка грёз и действительности»

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд

СТРАНА ВУЛКАНОВ

На языке племени банту, живущего в Восточном Конго, слово «Киву» означает «озеро». Следовательно, когда вы читаете на картах Африки рядом с голубым пятнышком надпись «озеро Киву», то это, собственно говоря, означает «озеро Озеро». И всё же озеро Киву, несомненно, — самое прекрасное

из африканских озёр, уже хотя бы потому, что в нём нет ни одного крокодила, а все прочие озёра

Центральной Африки ими кишмя кишат.

Расположенное на высоте 1 400 метров над уровнем моря, оно окружено чудесными лесами, кофейными и чайными плантациями, покрывающими крутые склоны гор; северо-восточные берега его покрыты лавой. Куда ни помотришь, везде лава: и среди непроходимых лесных зарослей и в дорожном щелье. Когда спускаешься к озеру возле Нгомы, Кисеньи или Саке, то ноги скользят по вулканической лаве, поросшей водорослями.

Это озеро было когда-то одним из истоков Белого Нила. Сейчас озеро Киву закрыто, потому что лавовые потоки прервали водную систему.

Если посмотреть на подробную геологическую карту этой области, то прежде всего бросается в глаза несколько рядов вулканов. Потухшие вулканы Мухавура, Магинга и Сабиньо поднимаются до заоблачных высот, выше вулкана Микено, и достигают четырёх с половиной километров над уровнем моря. Между Нирагонго, вершина которого каждую ночь озаряется таинственным красным светом и окружена венцом дыма и сернистых паров, и берегами Киву можно насчитать ещё двадцать вулканов, вытянутых в необычайно прямую цепь. К северо-западу от Нирагонго возвышается вулкан Ньямлагира, извержение которого десять лет назад приковало к себе внимание всего мира.

Окрестности озера Киву являются одним из немногих мест на земном шаре, где у человека иногда бывает возможность получить представление о том, как должна была выглядеть наша планета в эпоху бурных геологических преобразований. Только за последние десятилетия в этом районе было отмечено пять случаев бурной вулканической деятельности.

Мы включили в программу своего путешествия двухнедельное пребывание на побережье спокойного озера Киву, чтобы обработать там собранные материалы для репортажей и закончить другие неотложные дела. Когда в последний день февраля мы прибыли в лагерь Руинди, расположенный в двухстах километрах от Киву, мы увидели на ночном небе розовый сноп света, как будто летней ночью на горизонте, предвещаая грозу, играли зарницы.

На местном языке Ньямлагира означает «Кипящий котёл», но вулкан Нирагонго скорее заслуживает это название.

До глубокой ночи мы наблюдали высокий столб агатового дыма, поднимавшегося над Нирагонго. Крутые склоны вулкана — две тысячи метров высотой — были скрыты ночной темнотой, и только раскалённый венец, висевший над столбом дыма, освещал окрестности своим сиянием.

На другой день пылающая диадема Нирагонго неожиданно погасла. Дым исчез, остался лишь слабый розовый отблеск. Жители Кисеньи и Нгомы, привыкшие всегда видеть пламя над вулканом, не находили объяснения этой странной перемене. Объяснение было получено следующей ночью, со 2 на 3 марта.

Вся северо-западная сторона неба вдруг загорелась красным светом. Выбежавшие из домов люди со страхом наблюдали это невиданное зрелище. Венец Нирагонго исчез в потоке света, залившего горы и леса. Из недр земли почти непрерывно слышался глухой шум.

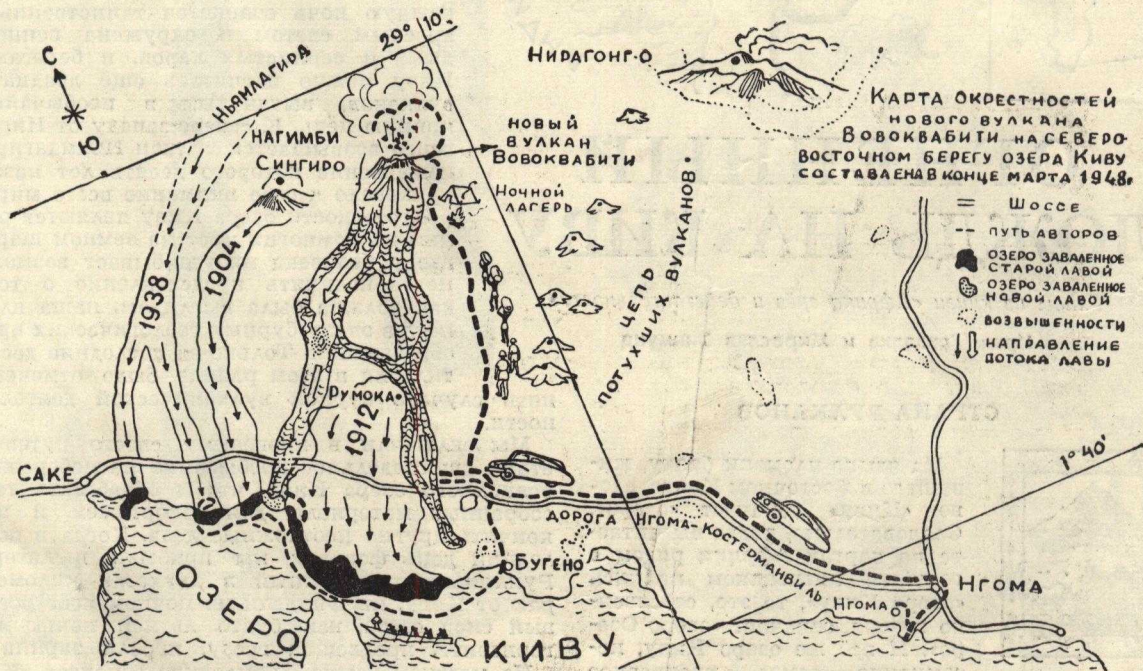
Вечером 4 марта красное сияние залило весь небосклон. Мы поднялись на вершину вулканического холма Нгома у озера Киву, и перед нами открылось потрясающее зрелище. На северо-западе в ночной тьме гигантским факелом пылал первобытный лес. Примерно в двадцати километрах от нас, за силуэтом небольшого холма, из земли через неровные промежутки времени взлетали гейзеры раскалённой лавы. Огромное облако дыма поднималось над кратером и сливалось с залитыми красным светом тучами, пронесившимися над горящим лесом. Когда ветер менял своё направление и разгонял на мгновение дым, в бинокль можно было рассмотреть поток лавы, разливавшийся из кратера и поглощавший на своём пути всю растительность.

Вечером следующего дня мы тревожно дремали в домике на берегу озера. Вдруг в одиннадцатом часу тяжёлые громовые удары разбудили

На северо-западе в ночной тьме гигантским факелом пылал первобытный лес.

нас; они раздавались откуда-то из-под земли. Вокруг всё задрожало. Землетрясение! Оно нарастало с каждой секундой.

На этой карте вы видите направление потоков лавы при извержении нового вулкана Вовокwabити, а также при извержениях других вулканов в 1904, 1912 и 1938 годах.

Мы уже собирались покинуть шаткий домик, пока он не развалился у нас над головой, как вдруг подземные толчки прекратились. Только от озера ещё долго долетал к нам шум разбушевавшихся волн. А потом над всем краем разлилась глухая тишина.

После полуночи мы снова проснулись. Окonné рамы домика с выбитыми стёклами дрожали от сильных сотрясений воздуха. С северо-запада доносился невообразимый грохот, напоминавший удары грома во время сильной грозы, перемежавшиеся с пальбой зенитных батарей и сопровождавшиеся раскатистым громыханием глубоко под землёй. Половина неба пылала красным пламенем.

Мы взбежали на холмик, стоявший над озером, и перед нами разыгралась такая же сцена, как прошлой ночью, но только чудовищных масштабов. Лесные пожары образовали непрерывную цепь огней, высоко взлетавших в ночную тьму. Там, где вчера ещё была равнина, покрытая девственным лесом, среди огней чётко вырисовывался конус вновь образовавшегося вулкана. Через каждые десять — двенадцать секунд вулкан извергал могучие гейзеры лавы, и после каждой красной вспышки раздавался грохот, напоминавший залп тысяч полевых орудий. В бинокль можно было ясно видеть огромные массы лавы, взлетавшие на стометровую высоту и медленно опускавшиеся на землю яркочерными ракетами бенгальских огней...

Старожилы Кисеньи и Нгомы единодушно утверждали, что такого зрелища им ещё никогда не случилось видеть. Извержение, происшедшее десять лет назад, не могло идти в сравнение с тем, которое мы наблюдали. Мы немедленно по телеграфу затребовали из Найроби новый запас цветной плёнки с доставкой авиапочтой, так как свои скромные запасы мы израсходовали на съёмки зверей.

Каждую ночь мы поднимаемся на вершину горы Нгома, чтобы наблюдать за рождением вулкана и всё снова и снова убеждаться в том, что это не фантастический сон. Каждый день мы видим мощные столбы дыма и пепла, взлетающие с земли куда-то в стратосферу, определяем высоту нового вулкана и составляем планы будущих съёмок. Составляем со связанными руками, потому что до сих пор ещё не получили ни кусочка плёнки. Дни бегут, а наши камеры простаивают. Мы не можем сосредоточиться над начатыми страницами репортажей; пишущие машинки поминутно замолкают. Да и можно ли работать, когда за спиной беснуется стихия, когда в нескольких километрах отсюда Земля приоткрывает краешек древнего своего лица, когда у тебя руки, ноги и мысли скованы бесильным ожиданием? Ведь нельзя же допустить, чтобы мы одни остались свидетелями этого поразительного зрелища! Мы обязательно должны запечатлеть извержение вулкана на чувствительной киноленте и привезти её за океан, домой!

Буйствующий вулкан влечёт нас к себе, притягивает, как магнит. Мы непременно должны подойти к нему поближе, хоть на один миг. Во всяком случае, надо подготовить путешествие с караваном (сафари), изучить местность и подобрать себе помощников.

7 марта тёмной ночью мы едем по дороге, ведущей к северо-западу, в Саке и дальше по западному берегу озера Киву в Костерманвиль. Луна на ущербе, появится только после полуночи. Силуэты лесных великанов чёрной тушью

Складчатые нагромождения застывающей лавы вздымались на несколько метров в высоту.

Поток лавы пересек шоссе из Нгомы в Саке, и мы оставляем машину.

вычерчены на фоне огненного неба. Красный отблеск пылающего первобытного леса и извергающегося пламя вулкана только подчёркивает бездонную черноту ночи. Сегодня нам надо разыскать плантаторов и фермеров, живущих в уединённых фермах на побережье озера, побывать у всех, кто может рассказать подробнее о ближайших окрестностях вулкана. Говорят, что каждый вечер народ собирается на вершине холма, который в Нгоме заслоняет нам вид на вулкан.

Нам нужно разузнать, нет ли в первобытном лесу или в саванне какой-нибудь тропки, по которой можно было бы подобраться поближе к месту извержения.

Мы приближаемся к пылающему лесу. Уже слышен гул пожара, треск горящих ветвей и падающих стволов. Едкий дым окутывает дорожку и закрывает от нас окружающее.

Что там такое?

Машины! Остановись!

Несколько легковых автомобилей и лёгких грузовичков, которыми пользуются в Африке сельские хозяева, стоят на шоссе в ряд, друг за другом. Вокруг них суетится кучка людей. Они взволнованно жестикулируют и ловят ртом воздух. К нам доносятся обрывки взволнованных речей.

— Вы с ума сошли! Ведь мы не сумеем вернуться обратно!

— Но ведь лавы течёт медленно. Через полчаса мы вернёмся.

— Делайте, что хотите, а я не поеду! Ведь это же самоубийство!

Почему здесь говорят о лаве? Ведь до вулкана ещё несколько километров.

Когда мы вышли из «Татры», то сразу поняли, в чём дело. В нескольких десятках метров от дороги катится медленно, но неудержимо широкий поток лавы. От него пламя всё дальше и дальше растекается по лесу.

Было бы безумием продолжать путь: лесной пожар может преградить дорогу и через полчаса и через минуту. А через час дорогу наверняка зальёт поток расплавленного камня. Через дорогу валит туча жёлтого дыма. Если она шире

ста метров, то люди, приехавшие на машинах, могут задохнуться.

Оставляем машину и поднимаемся на вершину холма, слева у дороги.

В пяти, а может быть, в десяти километрах от нас по склонам вулкана непрерывно стекает поток пылающей лавы и ползёт от подножия по равнине почти до самой дороги, где мы стоим. А с обеих сторон потока — пылающий лес. Невооружённым глазом мы следим за падающими каменными глыбами, ярко светящимися в темноте. Они покрывают южный склон вновь рождающегося вулкана.

Интервалы между отдельными взрывами сократились до нескольких секунд, а гул извержения с такого близкого расстояния слышится гораздо ясней, чем в Нгоме.

Трудно оторваться от этого грозного и чарующего зрелища.

Вдруг кто-то тронул нас за плечи.

— Простите, господа, я помешаю вам. Моя фамилия — Де Мунк. Вы чехословацкие журналисты, приехавшие из Нгомы?

— Да. Ганзелка...

— Зикмунд.

Симпатичный молодой бельгиец пожимает нам руки.

— У меня здесь на берегу озера маленькая ферма. Называется Бугено. Вам, может быть, покажется это смешным, но мне хочется подобраться поближе к самому вулкану. Никто здесь и слышать об этом не хочет, а вы как журналисты, возможно...

— Конечно, мы как раз готовим сафари. Нам хочется заснять документальный фильм, но мы не знаем местности.

— Так пойдёмте вместе. Я знаю здесь каждую тропинку. Я достану носильщиков. И жена пошла бы с нами, она привыкла к длительным походам по первобытному лесу. Подождите, я её позову. Алиэтта, Алиэтта!..

Через час наш план готов. Молодые супруги всё готовят и будут ждать нас в Бугено, пока прибудет плёнка. Через час после нашего прибытия в Бугено мы сможем выступить в поход.

На следующий день в Нгоме было опубликовано краткое официальное извещение о закрытии движения по западному берегу озера Киву по направлению к Костерманвилю. Могучий поток лавы шириной в несколько сот метров перекатился через дорогу недалеко от того места, где мы стояли вчера вечером. Деревни Нгома и Кисеньи были отрезаны. С югом их связывала теперь только заброшенная горная дорога, которой можно пользоваться в сухое время года.

АВТОМОБИЛЬ В ПЫЛАЮЩЕЙ ЗАПАДНЕ

Дни летели с быстротой лавины. Каждый вечер, окончив работу, мы поднимались на вершину Нгомы и наблюдали за деятельностью вулкана. К концу недели извержение как будто стало затихать. В субботу, 13 марта, вулкан почти совсем успокоился. В воскресенье вечером он уже не извергал лавы. Только розовые облака ды-

ма и пара временами поднимались из кратера, сотрясая воздух. Края кратера утратили своё характерное красное окаймление, вулкан перестал расти. Лишь далеко на юго-западе всё ещё горел лес, и над землёй нависали неподвижные огромные тучи дыма.

Но в среду, во второй половине дня, снова раздались сильные взрывы. С наступлением темноты за вершинами Нгомы появилось красное зарево. Мы обошли вокруг залива у пристани и, завернув за последнюю скалу, остановились, поражённые неожиданно открывшимся чудесным видом как бы из другого, фантастического мира. Огромная дождевая туча нависла над всем краем. Слева она опиралась на столб воды, гигантским водопадом низвергавшийся с неба, справа её поддерживал могучий сталагмит раскалённого гейзера, который опять с силой вырывался из земли. Снизу дождевая завеса была как бы залита кровью.

На горизонте мерцали затухающие огни лесных пожаров. Огонь, бушевавший непрерывно

в течение четырнадцати дней, поглотил всю растительность на огромной площади. Даже дожди, лившие несколько дней, не смогли полностью потушить пожары.

Откладывать далее сафари к вулкану было невозможно.

Мы сходили ещё раз на почту в Нгому и в Кисеньи, но нигде не было даже намёка на цветную плёнку. Тогда мы решили, не тратя больше времени, завтра же отправиться к вулкану. Супруги Де Мунк в Бугено, наверно, нас заждались...

Последние приготовления. Укладываем в «Татру» свою походную канцелярию.

Только в Йоганнесбурге, почти два месяца спустя, мы вместе с другой корреспонденцией получили письмо нашего кенийского приятеля, альпиниста и радиолюбителя Робсона. Приложенная к письму накладная авиационной компании, испещрённая почтовыми штемпелями, всё нам объяснила. На почте в Найроби исковеркали не только наши фамилии, но и обратный адрес. Пять катушек цветной плёнки «кодакром», которые мы ждали с таким отчаянным нетерпением, побывали на нескольких аэродромах Бельгийского Конго и даже Танганьики и возвратились за ненахождением адресата. На одном из штампов стояли название Кисеньи и дата, свидетельствующая, что посылка прибыла четырьмя днями позднее нашего отъезда отсюда.

Утром 18 марта мы выехали прибрежной дорогой в Бугено. Там нас ждал ещё один чрезвычайно полезный спутник, молодой бельгийский вулканолог и геолог Тазев, которому брусельское правительство поручило вести наблюдения за вулканом и проводить научные исследования. В нескольких километрах от Бугено путь был закрыт на огромном пространстве дымящейся массой. Складчатые нагромождения застывающей лавы, сдавленные гигантской силой, вздымались в высоту на много метров. Обгорелые пни окаймляли пожарище, а над лавой висел тяжёлый запах серы и чада. Мы попробовали ступить на край затвердевшей лавы, но после нескольких шагов вынуждены были возвратиться, потому что она была ещё слишком горяча.

У северо-восточного берега озера Киву. Весь он покрыт лавой, спускающейся в самое озеро.

Далеко вправо протянулся широкий поток лавы с уже затвердевшей поверхностью. Под тонким верхним слоем раскалённая масса всё ещё медленно, но неудержимо катилась к озеру. Это был второй поток шириной в километр, стекавший к берегам озера. Он примчался так неожиданно, что застал врасплох Тазева, наблюдавшего с дороги за первым потоком. Тазев остановил свою машину у первого потока и остался там с группой помощников. Во время работы он заметил, что новый поток лавы, который, когда он приехал, находился справа от него, пришёл в движение, и сейчас его головная часть находилась в нескольких сотнях метров от дороги.

Тазев со своими помощниками пробрался до самого потока, чтобы получить подробные данные о составе, температуре и количестве лавы. Неожиданно скорость течения лавы увеличилась, и экспедиции пришлось отступить. Всё быстрее и быстрее текла лава, скорость её достигала четырёхсот пятидесяти метров в час. Лава покрыла дорогу, проложенную экспедицией. Тазев и его помощники несколько минут отчаянно боролись с зарослями первобытного леса, а поток лавы преследовал их по пятам. Люди задыхались в дыму приближающегося пожара. Когда они наконец пробрались к дороге, лава уже достигала их. Спастись бегством на машине они не успели. Огненное море прокатилось через дорогу, а автомобиль со всеми членами экспедиции очутился в клещах между двумя потоками лавы.

К счастью, как раз от того места, где застряла машина Тазева, к берегу озера вела дорога. Она была проложена в 1912 году для тех, кто очутился в таком же положении на фермах, окружённых реками лавы. Тазев оставил машину на берегу озера и возвратился со своими помощниками в Бугено в рыбацких челнах.

ДАНТОВ АД

Мы сидим в маленькой моторной лодке и вот уже целый час плывём по разбушевавшимся волнам озера вдоль высоких изрезанных берегов, покрытых лесом и кустарником. Белая пена прибора разбивается о глыбы старой застывшей лавы. Берега озера окаймлены небольшими крутыми конусами холмов — потухшими вулканами. Минуем низенький круглый островок с озерком посредине. Это одна из вершин старых вулканов, поднявшихся много столетий назад со дна озера.

Мы плывём вдоль обширных полей лавы, изверженной в 1912 году. Леса на побережье исчезли, но на чёрной окаменевшей лаве выросли густые кустарники.

Узким ущельем среди скал проплываем в широкий залив, извивающийся между холмами более чем на тридцать километров вглубь гористой суши. На берегах залива видны обширные лавовые поля, образовавшиеся в 1912 году. Вода быстро меняет цвет. Сначала на чистой сине-зелёной воде появляется серый налёт; но вскоре мы уже плывём по огромному бурлящему котлу, наполненному грязножёлтой злобной жидкостью, температура которой всё по-

вышается. В двухстах метрах от нас у берега озера бьют столбы белого пара, и к нам в лодку долетают звуки, напоминающие шум паровозного депо большой железнодорожной станции.

Мотор лодки «охлаждается» озёрной водой. До сих пор мы с опаской непрерывно проверяли её температуру на ощупь, но теперь этого уже нельзя делать: можно обварить руку.

— Адриан, послушай мотор!

Мотор работает с перебоями, захлёбывается. Надо приставать к берегу, да побыстрее!

Запах гнили ударил нам в лицо, когда мы отыскали на изрезанном берегу место, где можно было высадиться. Здесь ручьи застывшей лавы, скрученные, как верёвки, — следы старого извержения вулкана Румока — спускаются под воду. Масса мелкой рыбы гниёт в маленьких заливах вдоль всего побережья, и над прибрежной частью озера повисло невыносимое зловоние.

Вытаскиваем лодку из воды по дну расщелины в скалистом берегу. Как раз в этом месте в 1912 году текла раскалённая лава. А теперь здесь буйно зеленеют тропические растения, укрепившиеся корнями в трещинах выветрившейся лавы.

Мы пробираемся сквозь густые кустарники по застывшей лаве, напоминающей гигантскую пашню. С каждым шагом становится всё жарче. Полуденное тропическое солнце жжёт немилосердно, а ветер приносит сюда горячий воздух и пар, от которых мы задыхаемся. Наконец мы стоим в десяти метрах от потрясающего зрелища, в котором нашла воплощение строка из «Божественной комедии» Данте:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий...»

Хаос окаменевших лавовых глыб с шипением обрушивается в воду. Сквозь трещины в остывающей каменной оболочке видна огненная жидкая лава; местами она выбивается наружу и неудержимо стремится к воде. Мощным напором лава взламывает застывающую каменную поверхность потока. Даже на расстоянии пятнадцати — двадцати метров обнажённое нутро потока пышет невыносимым жаром. Временами мы вынуждены на несколько минут отступать в кусты, чтобы глотнуть более прохладного воздуха.

От головной части потока отделилась плита тонны в две весом и сорвалась в воду. Вокруг неё взвился столб пара, взметнулись брызги кипящей воды.

— Осторожно! Убеймай!

— Ещё дальше! Будет страшный взрыв!

Пробиваемся сквозь кустарник как можно дальше от берега. Мы изорвали рубашки о кусты, исцарапали кожу на руках и на обнажённых ногах. За нами раздался громовой удар, как будто одновременно открыли предохранительные клапаны в тысяче перегретых паровозных топков. На сто метров взметнулся над берегами озера гейзер горячего пара и кипящей воды. Это обнажённый лавовый поток, от которого на наших глазах оторвалась затвердевшая плита, коснувшись поверхности озера.

Около часа мы наблюдали гигантскую схватку двух стихий и наконец, изнемогая от жары и серных испарений, были вынуждены вернуться к лодке. За время нашего отсутствия шестиметровый заливчик был сужен лавой до двух метров. Бросаем последний взгляд на бурлящую, вспененную воду, прорываемся сквозь завесу

Из Бугено в первобытный лес выступил наш караван.

страшного зловония, исходящего от разлагающейся у берега рыбы, и мы снова на воде.

На вёслах мы проплываем совсем близко от километрового фронта лавы. Местами вода под лодкой закипает. Из неё вырываются пузыри серного газа. Мы уже настолько привыкли к газу, что почти не ощущаем его едкого запаха, но нас всё больше охватывает вялость. Мы поспешно снимаем гейзеры пара, поднимающиеся на озере.

Почти в пятидесяти метрах от главного фронта текущей лавы мы увидели маленький островок, образовавшийся из раскалённых камней, двигавшихся под водой озера. Между островком и потерявшим свои неподвижные очертания берегом бурно клокотала вода.

Несколько дней спустя мы снова увидели эти места с самолёта. Залив между островком и головной частью лавового потока был весь заполнен плотной массой. На месте озера возникла суша.

За несколько минут мы достигли берега. Достигли в последнюю минуту. В лодку сквозь залитые асфальтом щели стала проникать вода, так как асфальт растаял.

ПО СЛОНОВЬИМ ТРОПИНКАМ

Из Бугено в первобытный лес выступил длинный караван. Впереди два высоких негра с большими ножами (мачетами), за ними двенадцать носильщиков, которые должны были доставить как можно ближе к вулкану палатки, одеяла, фотоаппараты, кинокамеры, запасы фотоматериалов и геодезические инструменты. За носильщиками следовали геолог Тазев, наши бельгийские друзья и, наконец, мы двое.

Первый час пути прошёл легко. Широкая пе-

шеходная тропа перешла в удобную слоновью тропинку. Едва вынырнув из девственного леса, караван исчез в высокой траве. Ещё два часа идём по крутым склонам холма, заросшего старыми банановыми деревьями, и потом по узкой звериной тропе через густой кустарник. Негры, идущие впереди каравана, терпеливо, шаг за шагом вырубаят дорогу. Появляются свежие следы слонов и леопардов, но нам это не грозит никакой опасностью: звери держатся подалее от вулкана.

К концу дня под ногами стали поскрипывать комья лавового пепла. Они часто достигали размеров кулака, но весили всего несколько граммов. Они хрупкие, с бесчисленными пустотами, и крошатся при малейшем прикосновении. Мы находились ещё в трёх — четырёх километрах от вулкана, когда количество лавового пепла стало быстро увеличиваться. Он засыпал все слоновьи тропы и окружающую растительность. Листья больших растений, похожих на чертополох, были исколоты падающим пеплом, а края проколов были обожжены. На многих листьях мы находили воткнувшиеся в них кусочки лавового пепла и шлака.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВЫМ ДНЯМ ЗЕМЛИ

День склонялся к вечеру, когда мы подошли к небольшому озерку метрах в семистах от кратера. Как орудийные залпы, грохотали взрывы газов. С места, где мы разбили лагерь, был виден весь вулкан. За короткое время от 2 марта длина его основания выросла до трехсот метров.

Мы были несколько разочарованы мёртвым покоем, царившим у вулкана. Лишь розовое зарево, отражавшееся на облаке дыма и тонкого мягкого пепла, свидетельствовало о том, что кратер всё ещё на-

полнен жидкой, добела раскалённой лавой. Изредка над сопкой взрывались скопившиеся газы. После каждого взрыва к небу поднимались шаровидные тучи пепла и дыма; набирая высоту, они разрастались и принимали характерную грибовидную форму.

В десятом часу наш лагерь затих. Мы заснули после утомительного дня. Но уже в десять часов нас разбудил глухой гул. Вскоре весь лагерь задрожал от сильного землетрясения. Небо залилось кроваво-красным заревом. Ночную тьму прорезал огненный столб, вырвавшийся из кратера, и огромные раскалённые глыбы разлетелись вокруг. Некоторые из них скатывались по крутым склонам вулкана, оставляя за собой огненный след искр. Камни ещё светились тусклым красным светом, когда вулкан разразился новым взрывом, за ним последовали другие. Интервалы между взрывами сокращались. Земля и воздух непрерывно сотрясались от чудовищных взрывов. Тысячи тонн лавы и раскалённых скал взлетали всё выше. Огненные фонтаны вскоре достигли почти тысячи метров в высоту. Тяжёлые куски лавы выбрасывались из кратера на четыреста метров вверх. Расплавленные горные породы, взлетая, принимали форму огненных змей, извивались в воздухе и светились яркокрасным пламенем; снопы пепла и раскалённого камня застывали на миг на головокругительной высоте, а затем тяжело падали на землю, теряясь в каскадах новых огней.

Вершина вулкана в несколько мгновений была засыпана слоем добела раскалённых глыб, на них громоздились всё новые и новые камни.

Вулкан рос на наших глазах. Тонны пылающей лавы с оглушительным грохотом падали на его склоны, и огромные глыбы катились вниз огненными клубками. Грозное неистовство стихии достигло предела. Небо и земля тонули в кровавом зареве взрывов. Куски раскалённого шлака светились высоко в облаках. В немом ужасе смотрели мы на этот фантастический фейерверк. Перед нами, на наших глазах, рождалась новая гора.

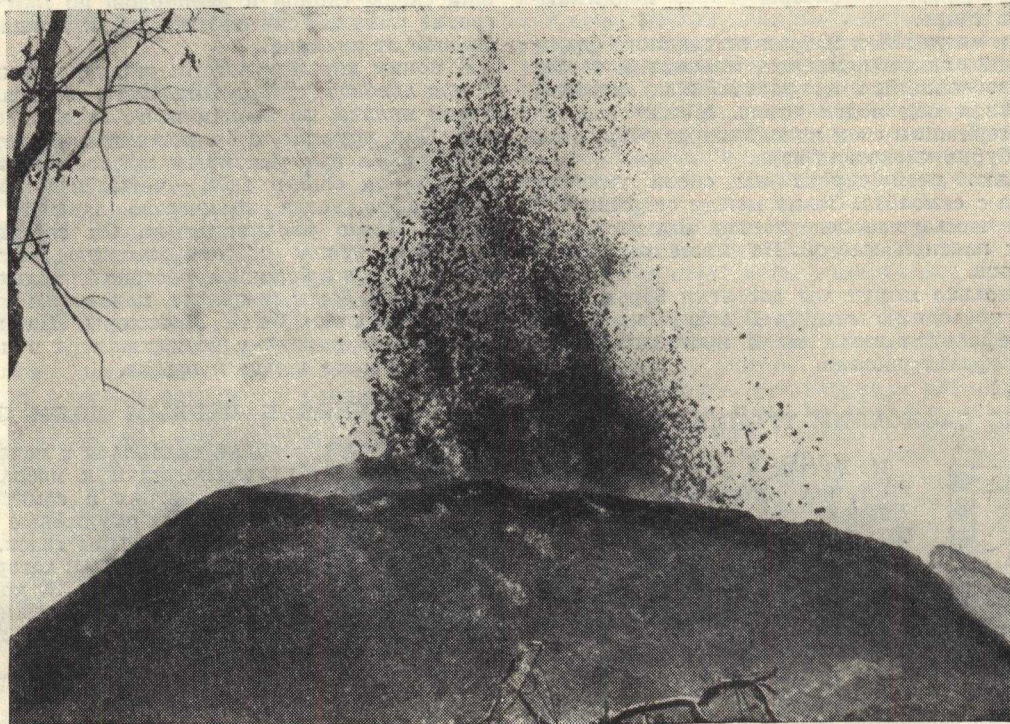
Нам явился образ рождающейся Земли, раскалённой, пустынной.

Долго мы не могли опомниться от оглушительного и потрясшего нас зрелища. Первая наша мысль была о кинокамерах. И вот уже кадр за кадром на плёнку ложатся картины фантастической феерии. Почти непрерывно озаряются красными вспышками блестящие циферблаты часов, секундные стрелки которых отсчитывали сроки открытия и закрытия затворов объективов. Кадр за кадром, минута за минутой, час за часом...

Время перестало существовать...

Наконец зарево над разъярённым вулканом начинает угасать. На востоке занимается утренняя заря, рождается новый день. А у нас такое чувство, будто мы просыпаемся от страшного сна.

Лишь непрерывное грохотание вулкана, его бледнеющие огни и чудовищные тучи, поднимающиеся до стратосферы, убеждают нас в том, что это хоть и неправдоподобная, но бесспорная действительность. Впервые мы ощутили ледяной холод ночи. Но холодно только спине, в лицо нам пышет жаром пылающий вулкан.

Перед нами, на наших глазах, рождалась новая гора.

В ДВУХСТАХ МЕТРАХ ОТ ВУЛКАНА

Нам было известно, что ближайшие окрестности вулкана покрыты сплошь слоем лавы. Несмотря на это, мы хотели как можно ближе подобраться к нему днём, обследовать место первого извержения и сфотографировать кратер с той стороны, с которой до сих пор ещё никто к нему не приближался.

Мы оставили в лагере палатку и большую часть запасов. Сильный ветер отбрасывал на запад тучи пепла и лёгкие горячие куски шлака. Избегая их, мы обогнули восточный край кратера с севера, не подозревая, что это принесёт нам ещё много неожиданных переживаний.

Оказалось, что завершающий драматический эпизод ждал нас впереди. Мы надеялись, что вулканическая деятельность ослабевает после ночи непрерывных извержений. Но она продолжалась с неослабевающей силой, а по временам, казалось, даже нарастала.

Вскоре мы очутились на возвышенности к востоку от вулкана. Отсюда нам впервые открылся вид на кратер, находившийся на несколько десятков метров ниже нашей стоянки. Он извергал непрерывный поток лавы, камня и шлака. Но места истечения лавы нам не было видно: оно было на западном склоне вулкана.

Нам предстояло преодолеть самый трудный отрезок пути. Караван углубился в заросли первобытного леса. Проводники прорубали дорогу мачетами. Мы спотыкались о вывернутые с корнем деревья, заросшие густым мхом, на некоторых из них уже росли молодые, крепкие деревья. Мы продирались через заросли, скользили на влажных корнях и пролезали между сплетениями лиан. У всех нас из многочисленных царапин струилась кровь.

Глухой гул вулкана нарастал, приближаясь, превращался в страшный грохот, заглушавший наши голоса. Наконец мы выбрались из леса, и нам открылась картина полного разрушения.

Мы стоим среди редких обгорелых пней; ноги увязают в толстом слое пепла и шлака. Даже те деревья, которые спаслись от огня, обречены на гибель, потому что кора у них изрезана острыми иглами шлака, а соки до последней капли иссушены страшным жаром, исходящим от потока лавы. Мёртвый лес, над обожжёнными кронами которого бушует неумолимая стихия...

От острого чада и резкого запаха серы всё сильнее щиплет в носу. Последние десятки метров — и вот мы стоим на месте первого извержения. Из отверстий, зияющих в затвердевшем лавовом поле, всё ещё валят столбы зеленоватого дыма. Край отверстий усыпаны лёгкими хлопьями серы, а вокруг них под тонким слоем горячего камня застывает всё ещё жидкое озеро лавы.

Тазев старается перекричать грохот взрывов: — Помогите мне, пожалуйста! Мне необходимо подробно осмотреть первый кратер! Там сера! Подержите меня за ноги!

— Да это безумие! Ты отравишься!

— Попробую. Мне нужны документальные данные для отчёта!

Тазев спускается по наклонному краю трёхметровой воронки, из которой доносится резкий запах серы. Он настраивает объектив зеркального фотоаппарата, но вдруг аппарат зазвенел о скалы, а Тазев обеими руками схватился за глаза. В лицо ему ударила волна жёлто-зелёного дыма из кратера. И у нас жжёт глаза, горло, лёгкие, хочется кашлять. Мы переносим Тазева как можно дальше от кратера. Он задыхается, отчаянно ловит ртом воздух, покрасневшие глаза слезятся.

Не далее трёхсот метров от нас находится подножие вулкана, непрерывно изрыгающего всё новые миллионы тонн магмы. Широкий поток лавы в первые дни извержения пронёсся через первобытный лес прямо к югу, откуда к нам без конца доносятся сотрясающие землю взрывы. Мёртвые ворота бушующего пепла. Мы осторожно выискиваем на застывшей лаве более твёрдые места. Лава внутри ещё раскалена, но поверхность её за три недели, прошедшие после первого извержения, остыла настолько, что можно пройти по ней сто метров до вершины вулкана. Из десятков мелких отверстий вокруг поднимаются облака серных паров, тонкие хлопья серы рассыпаются от малейшего прикосновения. Носильщики остались в обгоревшем лесу: они боялись приблизиться вместе с нами к тем местам, где, по их мнению, гнев божий сеет уничтожение, гибель и смерть.

Наконец перед нами открылась арена гигантского извержения во всём своём страшном величии. Мы стоим как вкопанные. В двухстах метрах от нас вздымается пылающая вершина вулкана, дыша в лицо невыносимым жаром. Огненный фонтан с оглушительным шумом взлетает на высоту до тысячи метров. Вихрь относит лёгкий шлак к западу. Тяжёлые каменные глыбы и тысячи тонн выброшенной из кратера лавы падают обратно и на лету сталкиваются с новыми потоками лавы. Часть камней, падая, ударяется о склоны вулкана. Нас отделяет от него только чёрное озеро застывшей лавы, в котором видны два небольших кратера, в этот момент уже успокоившиеся и наполнину развалившиеся. Из трещины на поверхности лавы бьёт пламя, а с берегов пламенеющего озера продолжают падать стволы горящих деревьев.

Мы стоим лицом к лицу с новым вулканом, наблюдаем за рождением новой африканской горы.

Вулкан днём и ночью выбрасывает миллионы тонн лавы. Специалисты утверждают: сто миллионов кубических метров за неполные четыре недели.

На новых картах Бельгийского Конго к западу от Нирагонго появится на $29^{\circ} 10'$ восточной долготы и $1^{\circ} 35'$ южной широты несколько эллиптических горизонталей, а в их центре отметка высоты с новым названием — Вовоквабити. Так местные жители окрестили новый вулкан с первых же дней его рождения.

Перевод с чешского С. Розовой.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КТО СИЛЬНЕЕ

ПО МОТИВАМ ВЬЕТНАМСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Рисунки А. Брея.

— «Кого все боятся, тот и силён», — так говорили в древности. А раз так говорили, значит, так оно и было, потому что слово народа — не пузыри на воде. А теперь говорят иначе: «Не тот силён, кто страшен, а...»

— А кто?

— Зачем перебиваешь? Зачем спешешь? Если мутную воду тронешь, она ещё темнее станет, а дай ей отстояться, сама очистится. Понял?

— Понял.

— Тогда слушай... Жил в джунглях тигр. Он был так силён, что, когда после дневного сна он потягивался, его жилы звенели, как тетива лука. И был он так страшен, что даже сучок боялся треснуть у него под ногой, когда он пробирался через камыши.

Тигр привык быть властелином зверей; ведь власть — это всего-навсего дурная привычка, впрочем, не более дурная, чем покорность. А звери были настолько покорны, что сами приходили каждый вечер, чтобы господин тигр мог выслушать их привет-

ствия и выбрать себе ужин пожирнее, не отправляясь на охоту.

Но вот однажды весной проснулся господин тигр в окружении своих придворных — лис, гиен и шакалов; известно, что лисы, гиены и шакалы всегда укрываются в тени всякого господина; им не страшны тигриные когти, всю жизнь они едят падаль, поэтому даже мясо их детёнышей несъедобное. Так вот, проснулся тигр и говорит шакалу, который в это время держал хвост своего господина:

— Эй, шакал! Пойди посмотри, кто из зверей самый жирный.

Шакал положил хвост господина на мягкую подушку и вышел на белый свет. Смотрит шакал, нюхает шакал и думает: «Глазами ли смотрю, носом ли нюхаю?.. Никого не вижу, никого не чую». И вправду, не пришли звери!

Побежал шакал, бросился в ноги господину:

— О повелитель! Нет слов, чтобы выразить тебе моё... мою... Ну, нету слов!

— Любовь! — подсказала ему

гиена, которая расчёсывала шерсть господина.

— Почтение! — перебила лиса, которая чистила зубы и точила когти господина.

— Нет слов... выразить... гнев! — вспомнил наконец нужное слово шакал. — Звери не явились сегодня!

— Не явились?! — Тигр так разгневался, что, кольни его в ту минуту ножом, из него не вытекло бы и капли крови. Разгневался тигр, но также почувствовал он страх: ведь вот люди без царя — всё люди, а что царь без людей?! И не человек даже.

Выскочил тигр из логова и увидел, что его ужин не явился к столу, а дерзко разгуливает где-то в джунглях. Крикнул тигр сороке — ведь сорока всегда там, где есть что-нибудь интересное и куда её совсем не звали:

— Эй, сорока! Ты не знаешь...

— Я всё знаю! — отвечала сорока.

— Почему сегодня звери не пришли приветствовать своего господина?

— А зачем? — спросила сорока, и дерзость её была ещё выше ветки, на которой она сидела. — Зачем? Чем больше его приветствовали, тем неприветливее он становился.

— Пусть ветер унесёт твои слова! — крикнул шакал. — Ведь десять лет звери приходили каждый день.

— Десять лет! Каждый день! Вот и надоело! — подмигнула сорока, снимаясь с ветки. И только улетая, она раскрыла секрет:

— В лесу новый повелитель — волшебная птица! Звери ушли слушать её.

Эта сорока, никогда она не утаит того, что знает, иначе кому бы она была интересна? Но она и не расскажет своих секретов сразу: тогда не интересно ей.

Не поверил тигр, что какая-то птица сильнее и страшнее его. Хотел он идти разыскивать зверей и птицу, но тут туча набежала на солнце. Ай-ай, как испугался тигр! «Вот она, волшебная птица! Это тень её крыльев!»

— Это всего лишь грозовая туча, — почтительно сказал шакал.

Грянул гром, ударила молния. Зажмурился тигр:

— Это глаза её блестят так страшно! Это её голос!

— О господин! — шепнула лиса. — Это гром.

— И только молния, — добавила гиена. Повеселел тигр: «Так это не она! Тогда берегись, волшебная птица! Потому что я страшнее низкой тучи, голос мой раскатистее грома, а мои глаза желтее молнии!»

Ринулся тигр по следу и вскоре видит: сидят все звери и кого-то слушают, да так, что не заметили у себя за спиной господина тигра.

— Кого они там слушают? — удивился тигр. — Неужели волшебная птица так мала, что её не видно за спиной мангусты?

А птица?! Неведомо откуда залетела она в тот лес, а из того леса — и в нашу сказку. Только-только вылупился у неё птенец, и она пела ему ласковую песенку, а звери, у которых тоже были малыши, слушали птицу, смеялись и плакали. Правда ли, что была она волшебной? Как знать! Известно только, что умела она петь, что пела она всегда весной, когда даже кроткий олень, если тронуть его детёныша, начинал кусаться. И ещё известно, что была она мала и некрасива. Впрочем, разве можно судить о красоте с первого взгляда?

А между тем тигр уже подступил к птице, и, когда увидел, что она слаба и невелика, его рычание стало страшнее, чем голос проснувшегося вулкана:

— Так это ты, птица?

— Я.

— И это ты новый повелитель джунглей?

— Где жила я, там не было повелителей.

— И это ты сильнее тигра?

— Где жила я, там тигры уже не жили.

— Верно, ты была другой или то были другие тигры, не такие, как я!

Так закончил разговор господин тигр и запел свою грозную песню. А о чём может петь тигр, если уж ему вздумалось петь, а не просто съесть птичку, лишившую его ужина? Конечно, тигр запел о своей силе, и воистину страшна была его песня. Ударил тигр лапой и свалил большую пальму. От страха у придворной лисы разом вылезла вся шерсть, и она убежала голая, сгорая от стыда.

И снова запел тигр; запел о том, что даже один его голос способен убивать и уничтожать. И он зарычал так сильно, что два больших бамбуковых дерева упали, а шакал, несущий хвост господина, от страха испустил дух.

Но тигр ещё не кончил своей песни.

Страшен удар его лапы, ещё ужаснее его рычание, но глаза его ещё страшнее и ужаснее.

Вскочили из его глаз две жёлтые молнии, три дерева упали, а гиена, оказавшаяся перед его глазами, обуглилась. Один лишь запах от неё остался, и то ненадолго.

Кончил тигр свою песню, только разве это была песня! Так бы и я спел, будь у меня голос. А запела птица, и голубок спросил у своей горлицы:

— Откуда она знает, что я люблю тебя?

Запела птица, и фазаночка, сидевшая на яйцах, сказала:

— Что это подо мной шевелится?

— Может быть, уже птенцы! — решил фазан.

— Не учи меня, птенцы вылупятся не раньше чем через неделю, — сказала она, а из-под её крыльев высунулись пуховые головки и восковые клювики.

— Уже! — обрадовался отец.

— Это песня согрела их, — догадалась мать.

Запела птица, и из-под земли показались побеги молодого бамбука. Шурша друг другу головками, запели юные деревца:

Песню услышав,
Мы вышли, мы вышли!
К свету спешим мы,
Всё выше, всё выше!
Слышишь наш шёпот
Под сумраком мглистым?
Шуршим мы, шумим мы
Знамёнами листьев.

А звери? Слушали они и дивились: то ли действительно была песня птицы волшебной, то ли сами они, услышав её, обрели вдруг волшебную силу. Олень пригнул к земле свои рога, а были они, как два ветвистых дерева; а рядом буйвол — крепче кремня его копыта; и дикий кабан — его клыки наточены о кору деревьев; и носорог — все они нацелили своё оружие на господина тигра. И слабые фазаны стали бить тигра крыльями по глазам, обезьяны рвали его рыжую шерсть и кидали в него тяжёлыми орехами. Вот как отозвалась песня в живых сердцах, и не удивительно: ведь живое сердце и есть самое большое чудо на свете.

Отступил тигр. Хоть и был он сильнее каждого из зверей, но сильнее их всех вместе

он не был. Отступил тигр. Ведь песня всегда сильнее, чем рычание.

Так пришёл конец владычеству господина тигра, а на этом и сказке нашей конец.

Но в сказке ищи не конец, а корень: силён тот, кого все боятся, но слаб он, если все его ненавидят.

Р. Кушников

ОБЕЗЬЯНЫ И МЕСЯЦ

ТИБЕТСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

В густом, дремучем лесу жило когда-то большое стадо обезьян. Они весело проводили время, прыгая по веткам, щёлкая орехи и передразнивая друг друга.

Как-то ночью, когда обезьяны беззаботно резвились на деревьях, они вдруг увидели в лесном озере отражение месяца.

— Взгляните! — крикнула одна из обезьян. — Месяц упал в озеро! Надо его вытащить: мир не может оставаться без месяца!

Обезьяны ответили:

— Хорошо! Мы вытащим месяц из озера.

И они стали держать совет, как им спасти месяц. Одна обезьяна сказала:

— Мы должны устроить цепь. Достанем месяц из воды и повесим его снова на небо.

— Правильно! — закричали обезьяны.

Так они и сделали.

Одна из обезьян забралась на ветку большого дерева, склонившегося над озером, и повисла на ней. Вторая повисла тоже, зацепившись за её хвост. Третья зацепилась за хвост второй. И так, зацепившись одна за другую, обезьяны повисли цепью над водой.

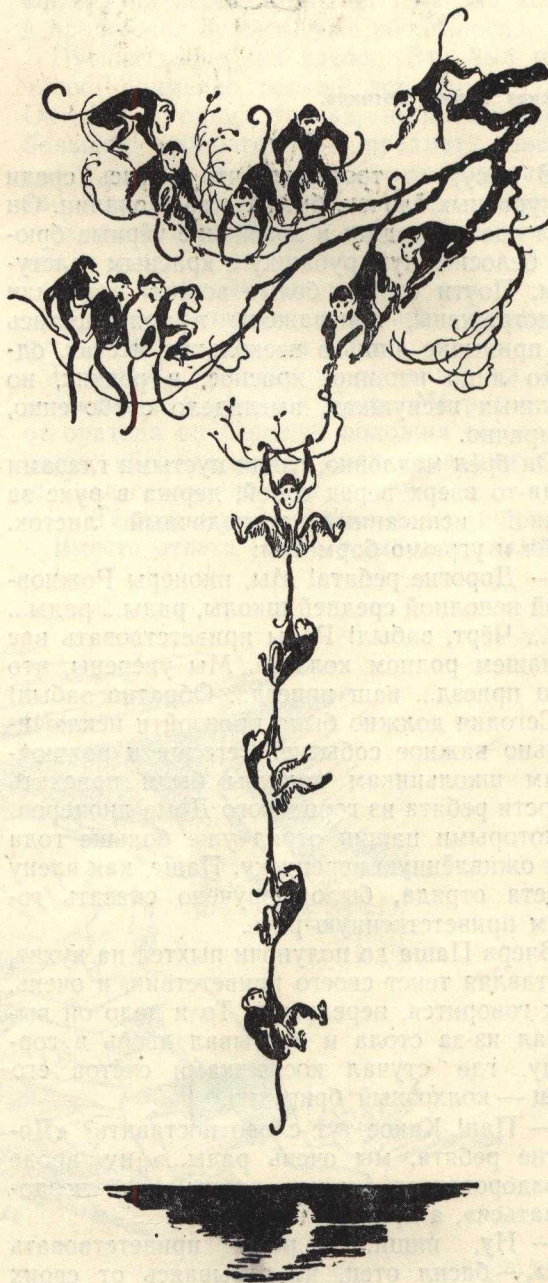
Но ветка, за которую держалась первая обезьяна, не выдержала тяжести. Она стала наклоняться всё ниже и ниже, пока хвост последней обезьяны не коснулся воды. Поверхность озера заволновалась — и отражение месяца исчезло. А ветка с треском обломилась, и все обезьяны упали в воду.

Когда они, мокрые и испуганные, выбрались из озера и снова уселись, дрожа от холода, на деревьях, одна из обезьян посмотрела вверх и увидела месяц.

— Смотрите, друзья! — закричала она. — Месяц вернулся на своё место! Наверно, когда мы устроили цепь, он испугался, что его поймут, и поспешил обратно на небо.

От радости обезьяны забыли все неприятности ночного купания.

— Мы спасли мир! — рассказывали они всем с гордостью. — Только благодаря нам мир не остался без месяца!

Перевод и обработка М. Моисеевой.

Рассказ Юрия Сотника.

Рисунки Е. Ведерникова.

В лесу, по тропинке, что вилась среди аккуратных ёлочек, брёл Паша Мочалин. Он был одет парадно: в новенькие чёрные брюки, белоснежную рубашку с красным галстуком. Почти совсем белые волосы его были подстрижены, приглажены и топорщились по привычке лишь в нескольких местах, однако лицо пашино, красное, в редких, но крупных веснушках, выглядело озабоченно, сумрачно.

Он брёл медленно, глядя пустыми глазами куда-то вверх перед собой, держа в руке за спиной исписанный тетрадочный листок. Брёл и угрюмо бормотал:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады... рады... это... Чёрт, забыл! Рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд... ваш приезд... Обрато забыл!

Сегодня должно было произойти исключительно важное событие. Сегодня к рожновским школьникам должны были приехать в гости ребята из городского Дома пионеров, с которыми пашин отряд уже больше года вёл оживлённую переписку. Паше, как члену совета отряда, было поручено сказать гостям приветственную речь.

Вчера Паша до полуночи пыхтел на кухне, составляя текст своего приветствия, и очень, как говорится, переживал. То и дело он вылезал из-за стола и открывал дверь в горницу, где стучал костяшками счётов его отец — колхозный бригадир.

— Пап! Какое тут слово поставить? «Дорогие ребята, мы очень рады...» ну вроде «поздороваться с вами», только не «поздороваться», а другое слово есть.

— Ну, пиши: «...рады приветствовать вас», — басил отец, не отрываясь от своих бумаг.

— Во! Приветствовать, — удовлетворённо повторял Паша и удалялся, но через минуту его голова снова просовывалась в дверь.

— «Ваш приезд поможет нашей дружбе». Нескладно, да?

— Ну, пиши: «...поможет укрепить нашу дружбу».

— «Укрепить дружбу» — это складней. Только «поможет» нехорошо. Больно обыкновенно. В газетах по-другому пишется.

— Тогда валяй: «...будет способствовать укреплению нашей дружбы».

— Ага! Во! — Паша энергичным движением скидывал большой палец и возвращался к столу.

Наконец приветствие было готово. Паша лёг спать на печку, где была его постель, но и тут не нашёл себе покоя. Поворочавшись минут двадцать, он сполз в потёмках на пол и снова открыл дверь в горницу, где тоже было темно.

— Пап! Спишь?

— Ну, что тебе?

— Как лучше: по бумажке читать или выучить?

— Спи давай! Первый час уже!

— Лучше выучу. А то вдруг они без бумажки, а я — по писаному. Потом, гляди, смеяться будут.

То ли от волнения, то ли оттого, что он не выспался, зубрёжка плохо давалась Паше. С шести часов утра он слонялся по двору и бубнил слова приветствия. Когда проснулись его младшие сестрёнки и стали ему мешать своими криками и бегом, он удалился в лес. На душе у Паши становилось всё тревожней. Оставался какой-нибудь час до приезда гостей, а приветствие всё ещё не было выучено.

Бормоча, часто останавливаясь, чтобы при-

помнить забытую фразу, иногда воровато, краешком глаза взглядывая на текст и снова пряча его за спину, Паша дошёл до узкой речки, через которую был перекинут пешеходный мостик. Слева от мостика тянулся небольшой пляж, покрытый мелким чистым песком. Будущий оратор решил искупаться, чтобы освежить утомлённую голову. Сойдя на пляж, он разделся, аккуратно повесил рубашку и брюки на ракутовый куст и бросился в воду. Тут вдали послышались автомобильный гудок и многоголосое пение. Паша чуть не захлебнулся от испуга, подумав, что это уже едут со станции гости. Но, взглянув туда, где виднелся бревенчатый мост, он успокоился: это пели колхозницы, ехавшие на машине, гружённой сеном.

Выбравшись на пляж, Паша, не одеваясь, достал из штанов листочек с текстом и продолжал свои занятия, но уже по другому методу. Вместо того, чтобы тихо бубнить себе под нос, он оглянулся, убедился, что вокруг нет ни души, и, размахивая руками, заговорил быстро, громко, с воодушевлением, так, словно его слушали человек двести:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд будет способствовать укреплению дружбы, которая завязалась у нас благодаря переписке. Дорогие ребята! Мы с интересом читали ваши письма

и радовались, что у вас... и радовались потому... — Паша сбился, умолк и сердито уставился на противоположный берег реки, поднимавшийся над водой невысоким обрывом.

Там почти вплотную к обрыву жёлтой стеной подступила спелая рожь. По тропинке, скрытой во ржи, кто-то шёл. Сначала среди колосьев мелькала лишь серая кепка, потом показалась голова, потом — голые загорелые плечи.

— Несёт нелёгкая, — проворчал Паша. Он сел на песок, положил текст на колени и продолжал зубрить уже вполголоса.

Путник вышел из хлебов. Это был мальчишка примерно тех же лет, что и Паша. Он шёл в одних трусах, неся подмышкой большой продолговатый предмет, завернутый в газету да ещё в середине обмотанный какой-то белой тканью. Перейдя через мостик, он остановился, в раздумье почёсывая нос.

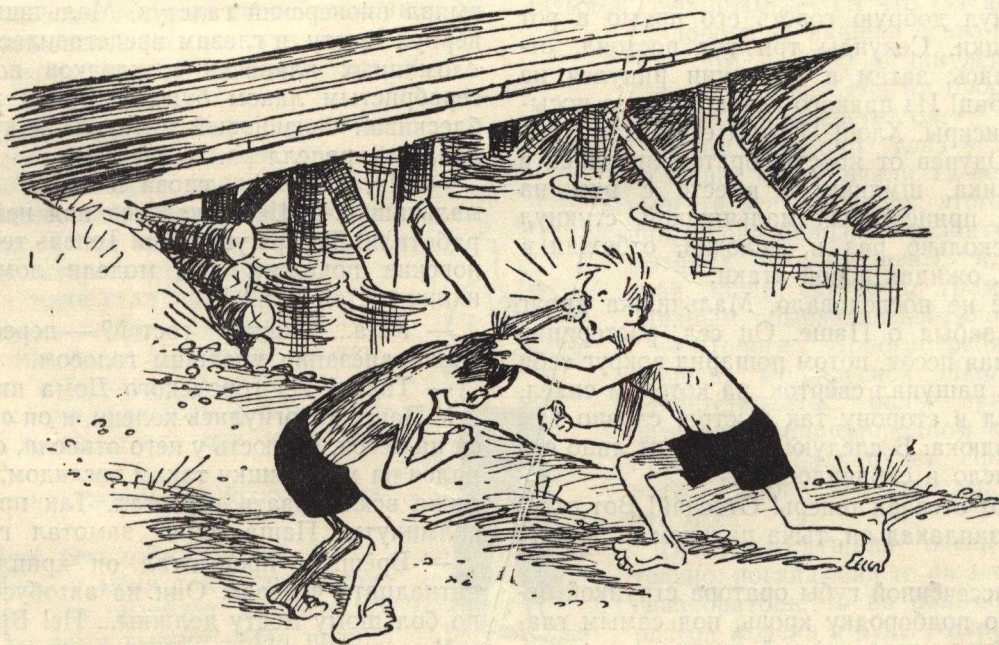
Паша покосился на него.

— Ещё купаться надумает. Занимайся тут! — шепнул он сам себе.

И тут же мальчишка спустился на пляж и направился прямо к Паше. Метрах в двух от оратора он бережно положил свёрток на песок, сбросил кепку, снял сандалии и пошлёпал себя ладонями по груди.

— Тёплая вода? — спросил он громко.

Вместо ответа Паша уставился глазами в

листок с приветствием и усиленно зашевелил губами.

Мальчишка посмотрел на него с высокомерным недоумением и вздёрнул короткий нос.

— Эй! Тёплая вода? — повторил он ещё громче.

Паша и теперь не ответил.

— Ты что, глухой, да?

— Ну и глухой! А тебе что? — проворчал оратор.

— Жалко ответить, да?

Паша медленно повернул к мальчишке голову.

— А вот и жалко. Ну?

— Баранки гну. Виноват, простите, пожалуйста! Я не знал, что тут такой важный барин сидит. Я думал, здесь обыкновенный человек, а тут такая персона, что прямо ужас!

— Давай катись отсюда, — негромко сказал Паша, пристально глядя на мальчишку.

Тот упёрся кулаками в бока.

— Что, что? Это откуда такое «катись»?

Паша медленно поднялся.

— Давай катись, говорю, с пляжа, пока цел!

— А ты его купил, пляж? Да? Купил?

— А вот как дам по шее, тогда будешь знать «купил»!

— Ты? Мне?! — Мальчишка заулыбался и приблизился к Паше. — А хочешь нокаут заработать, хочешь?

Паша сделал шаг назад, загрёб пальцами босой ноги песок и, вскинув ногу, очень удачно метнул добрую горсть его прямо в рот мальчишки. Секунды три тот постоял, отплёвываясь, затем в молчании ринулся на Пашу. Бац! Из правого глаза оратора посыпались искры. Хлоп! И губы его стали солёными. Одурев от ярости, оратор вцепился в противника, шмякнулся вместе с ним на свёрток, принесённый мальчишкой, стукнул того несколько раз и, вскочив, отбежал в сторону, ожидая новой атаки.

Но её не последовало. Мальчишка вдруг словно забыл о Паше. Он сел, растерянно оглядывая песок, потом пошарил вокруг себя руками, нащупал свёрток, на котором сидел, и ёрзнул в сторону так быстро, словно там была гадюка. В следующий момент лицо его покраснело и скривилось.

— Вот отвечай теперь! Отвечай! Вот отвечай! — заплакал он, тыча пальцем в сторону Паши.

С рассечённой губы оратора струйкой бежала по подбородку кровь, под самым глазом набухал здоровенный синяк.

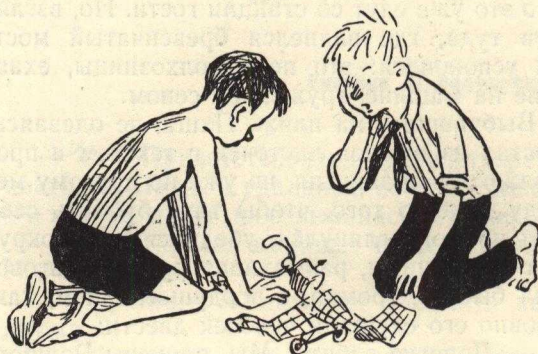
— Чего? — спросил он машинально.

— Вот теперь будешь отвечать, будешь! Теперь ответишь! — сердито плакал мальчишка.

— «Ответишь, ответишь»! — передразнил Пашка. — Сам меня во как раскровянил, а я отвечай?

— И ответишь! Мы рожновским ребятам скажем, тебя всё равно найдут! Они тебе покажут!

При упоминании о рожновских ребятах Паша насторожился.

— Рожновские? А чего они мне сделают, рожновские?

— А того! Гляди, что наделал! — Присев на корточки перед сплюснутым свёртком, мальчишка снял с него белую ткань, которая оказалась рубашкой. При этом из неё выпал пионерский галстук. Мальчишка развернул газету, и глазам представилась кучка сломанных планочек и клочков покрытой серебристым лаком бумаги. Среди них поблескивал бензиновый моторчик и краснела лопасть пропеллера.

— На, смотри! — снова в голос заревел мальчишка. — Шесть человек над ней месяц работали! Теперь увидишь! Теперь тебе рожновские покажут, как модели ломать да ихних гостей бить!

— Ка-а... каких гостей? — переспросил Паша внезапно упавшим голосом.

— Таких! Из городского Дома пионеров. У Паши подогнулись колени, и он опустился на песок. Челюсть у него отвисла, он уставился на мальчишку таким взглядом, что тот даже всхлипывать перестал. Так прошло с полминуты. Паша вдруг замотал головой.

— Врёшь! — прошептал он хрипло. — Их пятнадцать человек. Они на автобусе... Они по большому мосту должны... Не! Врёшь ты всё!

— А вот и не на автобусе! Мы пеший переход решили от станции сделать. Ребята на привал остановились, а меня вперёд послали, чтобы я модель успел собрать. Чтобы рожновским ребятам её на линейке преподнести.

Паша помолчал, размазывая кровь на подбородке тыльной стороной ладони, потом на коленях подполз к мальчишке.

— Слушай... это... Постой! Ты кто будешь? — спросил он чуть слышно.

— Ну, староста авиамodelьного кружка, а тебе что?

— Мне-то? — попрежнему очень тихо сказал Паша. — Тебя, стало быть, Юрием зовут, Самохваловым, а я Паша Мочалин, в совете отряда который... Я здесь приветствие вам учил. Вот, гляди! — Подняв с песка свой листок, Паша протянул его мальчишке.

Стоя на коленях, тот пробежал несколько строк, потом рука его, державшая бумажку, бессильно опустилась. С минуту общественные деятели стояли на коленях, тупо глядя друг на друга. Наконец староста авиамodelьлистов тихо сказал:

— Что же это мы с тобой наделали?

— Вот я ж про то и говорю: что мы наделали?

Мальчишки ещё помолчали, потом Юра поднялся и стал натягивать на себя рубашку.

— Всё! — вздохнул он. — Придётся зайцем теперь добираться.

— Куда добираться? — спросил Паша.

— До города, вот куда. Все деньги у вожакого. У меня даже карманов нет.

Громко сопя, готовый снова расплакаться, Юра стал завязывать галстук.

— А ребята как? Они тебя искать будут, — заметил Паша.

— Ну и пусть ищут! — сквозь слёзы воскликнул Юра. — А как я пойду к этим самым рожновцам, когда я ихнего члена совета отряда так разделал. Ты-то себя не видишь, а на тебя смотреть страшно.

Паша тоже стал одеваться.

— Юр! — вдруг сказал он. — А мы, знаешь чего? Мы давай скажем, будто на тебя какие-то хулиганы напали и сломали модель, а я тебя выручить хотел, и это они меня так. Ладно?

— Безнадёжно! — вздохнул староста.

— Чего безнадёжно?

— Лицо у меня такое проклятое. Сколько раз пытался врать — всё равно по нему узнают. — Он поднял

с земли обломок фюзеляжа с моторчиком и пропеллером. — Проводи меня немножко, а?

— Ладно. Умоюсь вот.

Паша обмыл речной водой разбитые губы, и новые друзья двинулись с пляжа.

— Юр! А из-за чего мы подрались-то? Ты хоть помнишь?

— Из-за характера моего дурацкого. Вот... вот... вот, ну всё бы отдал, чтобы чёртов характер свой переменить! Ну что мне стоило повернуться да отойти! Дурак!

— Вот и у меня... У меня ещё хуже характер. У меня совсем нет этой самой... сдержанности. Мне отец так и говорит: «Тебе с людьми трудно будет жить!» Ну что мне стоило? Ты бы меня спросил: «Тёплая вода?» А я бы тебе ответил: «Да, тёплая, только, будь такой любезный, отойди, пожалуйста, в сторону, я тут занимаюсь». Ты бы не отошёл? Конечно, отошёл бы, когда вежливо. Правда?

Дойдя до середины мостика, Юра приостановился.

— Мы давай берегом пойдём. По дороге не надо идти, а то там наших ребят можем встре...

Он не договорил, потому что где-то совсем рядом грохнул барабан и не очень мелодично взревел горн. Из-за высоких хлебов вышли попарно десятка полтора мальчиков и девочек в белых рубашках с красными галстуками и стали спускаться к мостику, где в ужасе оцепенели староста с оратором.

— Во! Юрка ещё здесь! — Пионеры остановились на мостике, сбившись в кучу перед двумя мальчишками. — Ты что тут делаешь?

Ты дороги не нашёл? А это кто?

— Это? — Юра оглянулся на Пашу. — Это так... Это, ну просто. Это вообще, — пролепетал он.

Пятнадцать пар глаз уставились на Пашу. Все молчали. И, не в силах вынести этих взглядов, этого молчания, Паша облизнул разбитую губу, вытянул руки по швам и, сам не зная, зачем, заговорил громким, отчаянным, срывающимся голосом:

— Дороги... Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской школы, рады приветствовать... рады приветствовать вас в нашем родном колхозе... Мы... Дружба... будет способствовать... Потому что уверены... потому что мы...

Пионеры слушали очень внимательно, поглядывая то на заплывший глаз оратора, то на обломок серебряной модели в руке у Юры.

На зимних квартирах

Зима — самое тяжёлое время для синиц, поползней, королюков, крапивников и других насекомоядных птиц. Ведь зимой им труднее всего добывать корм: все насекомые и личинки попрятались под кору деревьев, забрались в пни, затаились в моховых кочках. Весь день у птиц проходит в поисках корма.

В нашем орнитологическом кружке все ребята любят наблюдать за жизнью птиц.

Один раз к нам в ловушку попала белая синица, очень похожая на обыкновенную синицу-лазоревку. Руфим Зайнутдинов, староста нашего кружка, взял её к себе домой, чтобы наблюдать.

В природе звонкий голос синиц постоянно можно услышать

на берёзах. Присмотришься немного — и увидишь, как они ловко теребят серёжки берёзы и что-то с аппетитом едят. Сначала мы были уверены, что синицы, как чечётки, чижи и королюковые вьюрки, зимой питаются семенами берёзы.

Руфим заметил, что его синица только расшелушивает серёжки берёзы, а ест не семена, а какие-то наросты на стерженьке серёжки. Мы рассмотрели наросты. Оказалось, что это личинки маленьких мушек, заключённые в крепкие оболочки. Этим личинкам не страшны никакие морозы, так как их защищает оболочка, плотный слой семян и кожура серёжки.

После этого мы заинтересовались: где ещё прячутся личинки вредных насекомых. Ответ на наш вопрос решили искать у птиц. В один выходной день мы отправились в горы. Когда про-

ходили по фруктовым садам, услышали писк желтоголового королюка, самой маленькой птицы в нашей стране. Мы страшно удивились, когда увидели, что королёк сидит на колючке репейника и копошится в самой её середине. Не может же быть, чтобы эта крошечная птичка раскалывала своим тоненьким клювом крепкие семена репейника! Но оказалось, что и среди семян репейника прячутся личинки насекомых. Нам удалось определить, что это личинки вредных жуков.

Мы проверили и узнали, что такие личинки есть почти во всех колючках репейника, а личинки мушек — во всех серёжках берёзы.

Так наблюдения в природе помогли нам узнать много нового о жизни птиц и насекомых.

Лев Прыгунов,
член орнитологического кружка
школы № 33, г. Алма-Ата.

З и м а

Снежок кружится в воздухе,
Садится на пальто,
Морозными узорами
Покрыто всё окно.

Сидит на подоконнике
Озябший воробей,
В окно он смотрит, думает,
Что в комнате теплей.

А я б хотел по воздуху
Воробышком летать,
Зимы красу приветствовать,
С снежинками играть.

Лёня Гендель,
ученик 4-го класса.
Литературный кружок
Красногвардейского
дома пионеров г. Москвы.

Пионерские посты

У нас в посёлке есть клуб. Там бывают концерты, лекции, кинокартины. Ребята, конечно, всегда первыми приходят в клуб.

Но было у нас так: соберутся ребята и начинают шуметь, кричать, ругаться, семечки грызть. Картина или лекция начнётся, а разговоры всё не смолкают. Тётя Нюра, заведующая клубом, выгоняет хулиганов из зала, а они сопротивляются, ещё больше шумят и всем мешают.

Зашёл у нас как-то об этом разговор на сборе. И мы придумали организовать пионерские посты-дежурства на детских сеансах.

Мы дежурили первыми. Помогали всем найти свой ряд и место. Но вот пришёл самый большой озорник. Он посмотрел на нас с презрением, сел на чужое место и начал щёлкать семечки. Мы сделали ему замечание — он не послушался. Пришлось доложить тёте Нюре. Она принесла веник и сказала: «Коля, вымети за собой мусор». Коле не хотелось подметать, но пришлось.

В другой раз он вёл себя уже лучше. Дежурные заметили, что Коля сделал замечание первоклассникам, которые слишком расшалились. Потом он остановил мальчика, который чертил карандашом на спинке стула. Мы были очень довольны и попросили тётю Нюру назначить Колю дежурным.

Люся Исакова, Юра Осипов,
ученики Борисо-Лопасненской школы,
Московская область.

Настоящие товарищи

Валя Рогулина, ученица 5-го класса нашей школы, стала пропускать уроки, получила двойку по арифметике, потом по русскому языку. Ребята заволновались: что случилось? Оказалось, что у Вали болеет мать и ей самой приходится выполнять всю домашнюю работу.

Пионеры решили помочь Вале. Каждое утро они стали приходить к подруге и помогать ей по хозяйству. А один раз — это было

осенью — на огород к Рогулиным пришёл сразу весь отряд. Работали дружно, и через несколько часов вся картошка была выкопана и убрана.

Теперь Валя уже не пропускает уроков и неплохо учится.

В. Курдюкова,
старшая пионервожатая
Подовской средней школы,
Хомутовский район, Курская область.

На Кольском полуострове, за Полярным кругом, у окружённого горами озера Большой Вудъявр, стоит северный город Кировск. Там зимой совсем не всходит солнце, а в летнюю пору оно и днем и ночью кружит по небу.

Юра Кузнецов и Валя Баранова — жители этого города. Они учатся в школе, а вечерами ходят в Дом пионеров и занимаются художественной резьбой по дереву.

Видите, как хорошо вырезал Юра оленью упряжку. И олени и охотник саами, который погоняет их, совсем как живые. Юра, конечно, не раз видел быстрых оленей упряжки народа саами, давних обитателей Кольского полуострова. Саами и сейчас живут в Хибинских тундрах по берегам озёр и рек.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Была ли Атлантида?

Здравствуй, дорогая редакция!

Совсем недавно прочитали мы «Аэлиту» Толстого. Очень интересная книга! В «Аэлите» упоминается об Атлантиде. Мы этим заинтересовались и решили попросить вас ответить на наш вопрос: правда ли, что раньше существовал материк Атлантида? Или это красивая выдумка, легенда?

Сергей Невельской, Игорь Орлов, Дима Седых,
ученики 7-го класса, г. Таллин.

Древнегреческий учёный и философ Платон много путешествовал, и обо всём, что он увидел и услышал, он написал в своих многочисленных книгах. В одном из своих сочинений учёный пересказал древнюю легенду об Атлантиде — огромном острове или даже материке, который когда-то, очень давно, после землетрясения опустился в море. Атлантида, по преданию, была населена могущественным и воинственным племенем атлантов.

Что же могло послужить поводом для этой легенды?

На памяти человечества не раз происходили катастрофы и стихийные бедствия: опускалась суша в море, рождались новые острова, возникали вулканы. Поэтому можно предположить, что и Атлантида, о которой рассказывается в древних легендах, тоже могла исчезнуть.

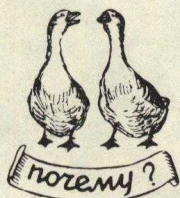
Платон так подробно описал остров Атлантиду, что многие поверили в её существование и стали

искать затонувшую Атлантиду. Одни искали Атлантиду в Средиземном море и острова Сицилию и Кипр принимали за её обломки, другие считали, что Атлантида была в Атлантическом океане, а кое-кто утверждал, что Америка и есть Атлантида.

Пока что Атлантиду не удалось найти.

Но поиски Атлантиды продолжаются. Некоторые советские географы и геологи склонны думать, что в очень давнее геологическое время действительно существовал огромный материк в середине Атлантического океана, преградивший тёплое течение, стремящееся с юга на север. После того, как этот материк опустился на дно океана, началось потепление, которое и заставило растаять весь лёд на европейском материке. Так они объясняют конец великого оледенения.

Б. Беклешов,
действительный член
Географического общества СССР.

Знатные гуси

Дорогая редакция!

Я много раз слышала поговорку: «Наши гуси Рим спасли». Объясните, пожалуйста: откуда взялась эта поговорка?

Наташа Герман,
г. Киев.

Повидимому, ты, Наташа, имеешь в виду поговорку: «Наши предки Рим спасли». Эту поговорку ты действительно могла часто слышать. Пошла она от басни Крылова «Гуси», а Крылов для этой басни использовал предание, по которому гуси, жившие в древнем Риме, своим тревожным криком предупредили римлян о приближении полчищ галлов и этим спасли город от вторжения врага.

Крылов в басне пишет о гусях, которые считали себя потомками прославленных и заслуженных римских гусей и жаловались на то, что крестьянин их «как будто бы простых гусей гоняет».

Услышав жалобы гусей, прохожий обращается к ним с вопросом.

«А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» —
«Знаю,

«Да наши предки Рим спасли!» —
«Всё так, да вы что сделали такое?» —
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть? Оставьте предков вы в покое: Им поделом была и честь; А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Крылов высмеивал дворян, которые кичились своими знатными предками.

Фраза из крыловской басни превратилась в поговорку и живёт до сего дня. Но сейчас ведь нет уже аристократов и дворян, скажешь ты. Да, но «гуси» есть. Не приходилось ли тебе встречать ребят, которые хвастаются заслугами своих родителей — героев, изобретателей, учёных, поэтов — и важничают, как будто они стали от этого лучше других?

Как ты думаешь, не похожи ли такие зазнайки на гусей из басни Крылова?

Е. Владимирова

Ребята остановились у карусельного станка.

ДРУЖБА

Игорь Голосовский

Первое знакомство

На экскурсию на электромеханический завод пришёл почти весь седьмой «А» класс. В цехе было шумно. Пронзительно визжали резцы, гудели моторы станков, то и дело раздавались резкие сигналы подъёмного крана, который скользил по рельсам высоко под потолком.

Сперва ребята робко жались друг к другу, потом немного освоились. С любопытством осматривали они большие и непонятные машины.

Эльдар Сулейманов и Рамис Кязимов остановились возле тисков, где работали слесари.

Девочка маленького роста со светлыми косичками, Рая Невайкина, отстав от под-

руг, долго стояла возле электромонтёра, весёлого вихрастого паренька. Открыв крышку станка, он что-то отыскивал и перекручивал в сложном лабиринте разноцветных проводов.

— Отойди, а то замыкание будет! — и коса взглянув на Раю, сказал паренёк.

Рая поняла, что он шутит, и немного обиделась:

— Что я, маленькая? Я в электричестве тоже разбираюсь!..

Валерик Павленко уже в третий раз со всех сторон осматривал токарный станок.

— За сколько минут вы обрабатываете деталь? А эта рукоятка как называется? — расспрашивал он девушку в комбинезоне. — А пока станок сам работает, отойти можно? Резец очень острый?

Вдруг загудел гудок. Потом сразу стало тихо.

— Ребята, идите сюда! — послышался голос Бориса Фёдоровича.

Рядом с учителем стояли незнакомые люди в синих халатах. Один из них, пожилой, с добрыми, окружёнными морщинками глазами, сказал:

— Давайте познакомимся. Я главный инженер завода. Зовут меня Владимир Наумович Евзлин. Сегодня вы пришли к нам в первый раз. Всё, наверное, кажется вам необычным: цеха, станки, шум... А нам хотелось бы, чтобы вы знали и любили наш завод так же, как свою школу, чтобы вы могли не только отличить токарный станок от фрезерного, но и работать на них умели. Мы хотим организовать в вашей школе механический кружок. Попросим наших лучших токарей, слесарей и столяров приходить к вам в школу и вести занятия в кружках. Кто-нибудь из вас, может быть, уже решил, какую специальность ему хотелось бы изучать в кружке?

— Я слесарем хочу быть, — сказал Эльдар.

— А токарный станок нам тоже дадите? — спросил Валерий.

— Можно мне учиться на электромонтёра? — спросила Рая.

— Электротехнику тебе, пожалуй, ещё рановато изучать! — сказал главный инженер. — Вот подрастёшь немного — тогда!

— Ну, а попробовать можно? — настаивала Рая.

Инженер улыбнулся.

— Но я уже кое-что умею! — упрямо продолжала девочка. — Могу починить плитку или утюг... Можно мне приходить на завод, в электроцех?

— Ну, раз ты такая упорная, приходи. Обратись к инженеру Ниязи Алиеву. Он найдёт для тебя какое-нибудь дело.

«Я рабочий»

В одном из классов сделали цементный пол, вдоль стен поставили маленькие шкафчики и столы, обитые жостью. С завода привезли десять новеньких, сверкающих станков, верстаки для столяров, тиски для слесарей, моток медной проволоки, несколько стальных болванок, коробку с клеем, гвозди. Школьники с любопытством заглядывали в мастерскую, осторожно трогали руками станки. Валерик Павленко со знающим видом объяснял:

— Это вот токарный, а это — шлифовальный, а там...

В кружок сразу записался почти весь седьмой «А».

Организовали три группы: токарную, слесарную и столярную. Раньше всех приступила к занятиям слесарная группа. Ребята работали с увлечением, несмотря на то, что инструктор по слесарному делу Василий Иванович Кириллов оказался на редкость придирчивым человеком. И самое удивительное, что главным он, казалось, считал не то, как ребята работали у тисков, а то, как они одеваются, как вытирают пыль и подметают пол.

«Застегни пуговицу!», «Положи напильник на место!», «Протри станок тряпкой!», «Не бросай стружку на пол!» — то и дело говорил он.

Почти у всех, кто занимался в кружке, руки покрылись царапинами, а кожа была чёрной от въевшейся в неё металлической пыли. Эта грязь на руках, которая плохо отмывалась, стала как бы отличительным признаком будущих слесарей. Ребята даже стали гордиться своими грязными руками и, выходя из мастерской, нарочно не мыли их.

Однажды на уроке математики Борис Фёдорович обратил внимание на то, что тетрадка у Валерия вся в пятнах, а его руки совершенно чёрные от грязи.

— Ты что, не умываешься, что ли? — удивился учитель.

— Не смывается. Это от металла! — с явной гордостью ответил Павленко.

— Надо отмыть!

— Мы работаем, — упрямо возразил Валерий. — У нас и руки стали, как у настоящих рабочих. Мы же не парикмахеры какие-нибудь, а слесари и токари!

— Понятно! — сказал Борис Фёдорович.

веч. — Что ж, будем пока продолжать урок. А руки ты всё-таки пойдй помой.

Прошло несколько дней.

Войдя в мастерскую, Василий Иванович сказал:

— Сегодня идём на завод.

Кириллов привёл своих учеников в раздевалку. Только что окончилась смена. В раздевалке у каждого рабочего был свой шкафчик, куда он вешал одежду, в которой пришёл из дому. Окончив смену, рабочие мылись под душем и снова переодевались.

Потом ребята прошли в инструментальный цех. Рабочие готовились к началу смены.

Каждый из слесарей надевал нарукавники, потом аккуратно раскладывал на столе свои инструменты, протирал тряпкой тиски.

Ребята переглядывались, Валерий слегка покраснел. Все уже догадались, зачем Василий Иванович привёл их сюда.

Мастер показал ребятам и электроцех. Пол там блестел, на столах не было ни пылинки, а монтажеры работали в халатах, как лаборанты.

— Грязные руки — не всегда «рабочие руки», — сказал Василий Иванович. — Не в этом гордость рабочего человека.

Так начинается дружба

Эльдар Сулейманов и Рамис Кязимов сидели на одной парте, но они не были друзьями. Каждый всегда хотел быть первым. Из-за этого они часто ссорились. Случилось так, что и в мастерской Эльдар и Рамис оказались соседями.

Но друзьями мальчики не стали и здесь. Стоило Рамису хорошо обточить угольник или планку, как у Эльдара портилось на строение. Для физического кабинета понадобился паровой котёл. Алексей Михайлович Тарновский, руководитель механического кружка, поручил эту работу Эльдару и Рамису.

Задание было довольно сложное. Нужно было взять лист жести, перенести на него с эскиза чертёж и вырезать ножницами. Эльдар быстро сделал расчёты и взялся за ножницы. А Рамис стоял, потупившись. Он не любил черчение и сейчас никак не мог сообразить, как это делается и с чего надо начать.

— Сулейманов, помоги Рамису, — сказал Тарновский.

— Вот ещё! — фыркнул Эльдар, а Рамис с обидой крикнул:

— Не больно надо, я не нуждаюсь!

Алексей Михайлович внимательно посмотрел на них, но промолчал.

А через несколько дней, когда ребята осматривали на заводе карусельные станки, Тарновский спросил у одного из рабочих:

— Расскажите о вашем соревновании с карусельщиком Эйбатом Асмановым.

— Обогнал меня Эйбат! — улыбнулся станочник. — Несколько дней назад я ему рассказал о своём новом приспособлении. Это приспособление позволяет упростить обработку деталей. Дал ему чертёж, все расчёты... Теперь Асманов норму на двести процентов выполняет!

— Так зачем же вы ему рассказывали? — не утерпел Рамис.

— Чудак человек, мы же соревнуемся! Ты вообще-то понимаешь, что такое социалистическое соревнование? — удивился карусельщик. — Я ему помогаю, а он мне! И мы оба работаем лучше. А разве ты на моём месте только бы о себе заботился? Нет, брат, рабочие люди так не поступают!

Рамис хмуро посмотрел на Эльдара. Оба вдруг покраснели.

Когда ребята вернулись в мастерскую, Алексей Михайлович сказал Сулейманову:

— Я советую тебе вызвать Рамиса на со-

циалистическое соревнование. Кстати, мы все посмотрим, кто из вас лучший слесарь.

— Пожалуйста! — сказал Эльдар. — Я готов. Всё равно никакого слесаря из Кязимова не выйдет!

— Это мы ещё поглядим! — вспыхнул Рамис.

Тарновский дал ребятам сложное задание: Рамису поручил вырезать металлическую пятиконечную звезду, а Эльдару смастерить переходящий кубок для школьных футбольных команд. Мальчики с азартом принялись за дело. Но через несколько дней работа у них застопорилась. Рамис никак не мог добиться, чтобы грани у звезды были равными. У Эльдара не получалась крышка кубка: напильником он владел хуже, чем Рамис...

— Ну что же, Эльдар, — сказал Тарновский. — Разве ты не поможешь Рамису сделать расчёты?

— Я сам справлюсь! — буркнул Рамис. — А крышку, если он хочет, я могу выточить. Давай, я выточу крышку! — обратился он к Эльдару.

Через несколько минут они дружно склонились над тисками. В этом соревновании победителями оказались оба!

Настойчивость

Рая Невайкина воспользовалась разрешением главного инженера и пришла на завод. Ниязи Алиев поручил ей сделать обмотку якоря для электромотора. Это была однообразная и скучная работа. Рая наматывала провод на катушку, стараясь, чтобы витки ложились ровно и тесно друг к другу. Прошёл час, другой. У девочки заболели пальцы. Не вытерпев, она обратилась к инженеру:

— Можно, я буду делать что-нибудь другое?

— Не закончив этого? — удивился Ниязи. — Нет, так нельзя.

Рае стало стыдно; пересилив себя, она взялась за провод. Три вечера работала она. Ей уже смотреть не хотелось на этот якорь! Но инженер, подёргав провод, с сожалением сказал:

— Знаешь, придётся переделать. Брак!

Рая чуть не заплакала. «Это он нарочно!» — подумала она и ушла из цеха. Но на другой день снова взялась за работу...

В механическом цехе испортился подъёмный кран. Ниязи взял чемоданчик с инструментами и сказал:

— Рая, хочешь пойти со мной?

Задание оказалось довольно сложным.

— Давай я помогу тебе выточить крышку,— сказал Рамис.

Они залезли под крышу. Сверху станки казались небольшими коробочками. Надев резиновые перчатки, Алиев стал осматривать провод, тянувшийся вдоль стены. Закончился обеденный перерыв, стемнело, а он всё продолжал поиски.

Случайно подняв голову и увидев девочку, он испуганно сказал:

— Ты ещё тут? Иди, иди скорей домой, я сам управлюсь!

Но разве Рая могла уйти, бросив товарища?!

— Я не устала,— сказала она.

У Раи затекли руки и ноги. «Вот это упорство!» — с уважением думала она об инженере. Они пробыли на кране до позднего вечера. Неисправность была устранена. И когда мотор заработал, Рая почувствовала себя счастливой.

Выставка

Недавно, придя в 157-ю школу города Баку, я увидел в коридоре большой щит, обтянутый красной материей. К нему были прикреплены красивый кубок, большая металлическая звезда, якорь для электромотора и много разных мелких вещей: дверные петли, оконные задвижки, вёдра, совки для мусора, ключи, лопатки. Под каждым предметом была табличка. Из этих табличек узнаешь, что звезду и кубок сделали вместе

Рамис Кязимов и Эльдар Сулейманов, якорь собрала Рая Невайкина, а дверные петли и оконные задвижки выточила Юля Алахвердова.

Мне захотелось узнать, как научились всему этому ребята. И я зашёл в механическую мастерскую. Первое, что бросилось в глаза, была чистота. Тщательно вымытый пол блестел, на верстаках не было ни пылинки! Ребята сосредоточенно трудились у станков и тисков. Во всей обстановке чувствовался стиль настоящего производства.

Здесь я познакомился с Алексеем Михайловичем Тарновским и Василием Ивановичем Кирилловым. Стал расспрашивать о работе кружка, о ребятах.

— В двух словах об этом не расскажешь! — сказал Алексей Михайлович. — Выставку нашу видели? Забор вокруг школы тоже ребята сделали. Всё школьное имущество: парты, классные доски, наглядные пособия — сами ремонтируют. Игрушки малышам подшефного детского садика делают... А вы поживите в нашем городе, познакомьтесь с ребятами, с инструкторами, приходите на наш завод... Тогда вам, может быть, всё станет ясно!

Я послушался этого совета. И вот теперь записал всё, что увидел, о чём мне рассказали ребята и их старшие друзья — рабочие электромеханического завода.

Город Баку.

Книга о большой жизни

Жил на свете любознательный, вдумчивый мальчик Алёша Крылов. Много лет назад в Севастополе он увидел море и навсегда полюбил его. Когда пришли годы серьёзной учёбы, он так же горячо полюбил математику, поверил в её силу и всюду, где мог, пробовал приложить законы математики к другим наукам и к жизни.

Потом Крылов стал морским офицером. Командовать кораблями ему не пришлось, но зато в Чёрном море и на Тихом океане, за Полярным кругом и в тропиках штурманы, прокладывая курс, с благодарностью вспоминали мичмана Крылова, который составил для них таблицы поправок к показаниям компаса.

А сам Крылов уже работал на верфи — учился строить корабли. И, как всегда, принимаясь за но-

вое дело, он прикидывал: не поможет ли математика лучше сделать порученную ему работу?

В то время уже умели строить большие стальные корабли. Но заранее предсказать, как корабль будет вести себя в плавании, не мог ни один самый опытный инженер. Особенно трудно было рассчитать качку корабля, и, сколько ни бились инженеры и учёные, в этом деле они не достигли успеха.

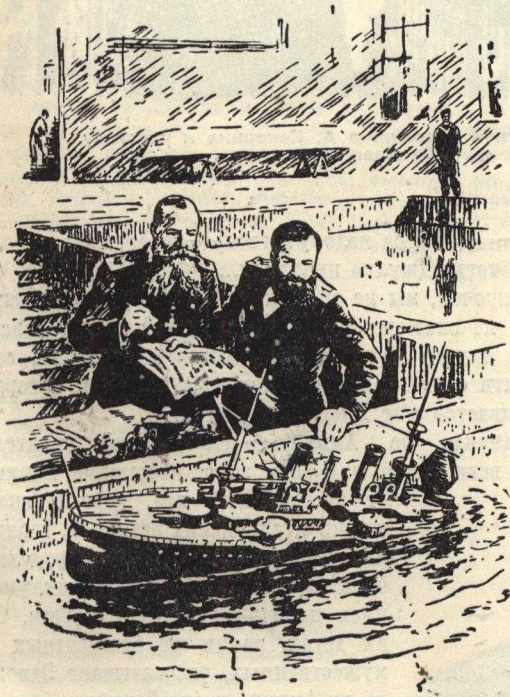
Крылов взялся за эту трудную задачу. Он прочитал много книг, сделал много опытов, произвёл много сложных расчётов, и задача была решена. С тех пор во всём мире, рассчитывая новый корабль, инженеры с благодарностью вспоминали капитана Крылова и созданную им теорию качки.

А Крылов уже снова сидел над книгами и над расчётами, делал новые опыты и измерения, стараясь решить задачу о том, что сделать, чтобы большой корабль, получивший пробоину, не опрокидывался, не шёл ко дну, а продолжал жить, плавать и сражаться.

Вместе с адмиралом Макаровым решил он и эту трудную задачу. С тех пор на боевых кораблях появились «таблицы непотопляемости», и моряки в бою, спасая свои корабли от неминуемой гибели, не раз с благодарностью вспоминали профессора Крылова, отдавшего годы упорной работы созданию этих таблиц.

Когда пришла Великая Октябрьская революция, учёный с мировым именем, генерал, профессор, академик, Крылов без колебаний отдал советскому народу все свои силы и знания. Он стал начальником морской академии и много труда положил на воспитание специалистов для советского флота. На этом посту хватало ему и забот и работы, но неутомимый учёный ставил перед собой и разрешал всё новые и новые задачи. Одна за другой выходили из-под его пера замечательные работы, и каждая из них увеличивала боевую мощь флота.

Он создал приборы для меткой стрельбы при качке, он тщательно изучил путь снаряда, выпущенного из пушки, он исследовал прочность орудийного ствола и сделал ещё множество работ, изобретений и открытий, которые навсегда вошли в военно-морскую науку.

А. Н. Крылов с адмиралом С. О. Макаровым.
Рисунок художника
Л. И. Коростышевского.

Больше полувека трудился он для Родины, и Родина высоко оценила его заслуги: академик Крылов трижды был награждён орденом Ленина, он был удостоен Сталинской премии и высокого звания Героя Социалистического Труда.

Но самой большой наградой была для него любовь и память людей, продолжавших его дела, людей, которым он передал свои знания, которых он научил работать так, как работал сам,—честно, горячо, с любовью и терпением.

Об этом большом человеке писательница Яновская написала книгу «Академик корабельной науки».

Прочти эту книгу. Она поможет тебе крепче верить в чудесную силу знания и стать человеком, достойным нашего времени. А когда подрастёшь, обязательно прочти воспоминания Алексея Николаевича Крылова, в которых он сам рассказывал о своей большой, интересной жизни.

Н. Андреев

О верных и любящих сердцах

Нет у человека лучшего друга, чем мать. Радуете сын — радуется и мать, у сына горе — горе и у матери, каждый его успех — это её успех, а если сын попал в беду, никогда мать его не оставит.

Но и сын, если у него верное, любящее сердце, всегда разделит с матерью и горе и радость, сделает для неё всё, что может.

Так поступил и тринадцатилетний Марко, сын итальянского рабочего. Его мать уехала в Южную Америку, чтобы заработать для семьи хоть немного денег.

Сперва всё шло хорошо, а потом письма от неё перестали приходить.

Заболела, умерла? Никто этого не знал.

И вот Марко решил отправиться из Генуи в Буэнос-Айрес на поиски матери, которую он любил больше всех на свете.

Океанская волна качала Марко, звёзды тропиков сияли над его головой, ему приходилось идти и по выжженной беспощадным солнцем равнине и пробираться одному сквозь таинственный и опасный тропический лес.

Злые люди встречались на пути Марко. Они обижали его, заставляли непосильно работать. Но хороших людей мальчик встречал чаще: они помогали ему во всём, чем могли.

Однако никогда не дошёл бы Марко до цели, если бы не билось в его груди мужественное, преданное и любящее сердце, которое помогало ему идти всё вперёд и вперёд.

Такое же чуткое, любящее сердце было и у другого мальчика — Джулио. Его отец тоже был очень беден и едва мог прокормить большую семью. Для того, чтобы подработать хоть немного денег, он по вечерам надписывал адреса на конвертах.

Джулио очень хотелось помочь отцу, но тот не разрешал.

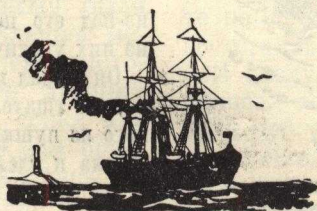
Рисунок художника А. Кокорина к рассказу «От Апеннин до Анд».

— Нет, тебе надо учиться,— говорил он.

И тогда Джулио придумал...

Впрочем, мы не скажем тебе, что придумал Джулио, не скажем тебе и о том, какой подвиг совершил другой мальчик, по имени Чичильо: ты сам прочти о них в книге Эдмондо де Амичиса, которая называется «От Апеннин до Анд».

Эдмондо де Амичис — итальянский писатель XIX века. Он был борцом за освобождение Италии от австрийского ига, хорошо знал жизнь итальянских бедняков, горячо их любил, восхищался их трудолюбием, мужеством, благородством, умением помочь друг другу в беде. Об их детях, таких же благородных и мужественных, рассказывает Эдмондо де Амичис в своей книге.

Е. Русакова

ВОЛШЕБНАЯ Луна

Ребята, вы, наверно, не забыли Антона Антоновича Буквицу, книжного доктора, с которым мы познакомимся в прошлом году. Он опять был в редакции и оставил заметку о волшебной лупе.

— Антон Антонович, почему говорят: «Прочитал от доски до доски»? При чём тут доска, я не понимаю!

С этими словами вбежала ко мне сегодня моя соседка — девочка Рита из третьей квартиры.

Я очень люблю, когда ребята обращаются ко мне с вопросами, касающимися книг и чтения. Отвечая им, я обычно оставляю все другие дела. Но сегодня я никак не мог оторваться от работы — нужно было срочно привести в порядок одну редкую книгу. И вот я попытался совместить два дела: работу над книгой и беседу с Ритой.

Выражение «от доски до доски» берёт своё начало в глубокой древности, — начал я и в то же время поднёс к глазам лупу, чтобы рассмотреть царапину на странице. — Дело в том, что в старину книги не печатали в типографии, а переписывали от руки, и вот... Ах, что это ты?!

Последнее восклицание относилось не к Рите, а к лупе, вернее, к тому, что я увидел через лупу. Надо вам сказать, что книга, над которой я работал, называлась «Хождение за три моря», она написана тверским купцом Афанасием Никитиным — первым русским путешественником по Индии и Ирану — почти полтысячи лет назад. Разумеется, передо мной лежал не сам оригинал «записок» — такие драгоценные памятники культуры хранятся как зеница ока, — а воспроизведённый текст, перепечатанный значительно позже обыкновенными типографскими буквами на обыкновенной бумаге.

Но под лупой всё изменилось. Страница «Хождения» сразу выросла и чуть-чуть пожелтела, буквы стали крупней и наклонней, а заголовки заплелись затейливой славянской вязью...

— Смотри, смотри, Рита. Вот она — старая книга, написанная органическими чернилами на пергаменте! — закричал я, и мы оба склонились над круглым окошечком лупы.

— Видишь, как красиво и причудливо изукрашена первая буква? Так называемый «Инициал», — восхищался я. — Краски ничуть не выцвели за пятьсот лет. Старинные русские художники, иллюстрировавшие «Остромирово Евангелие», «Изборник Святослава» и другие рукописные книги, владели каким-то удивительным секретом красок... А видишь одинокое слово, приписанное в конце? С этого же слова начинается следующая страница. Это «кустод», «слово-сторож», оно оберегает порядок в книге... В те времена страницы не нумеровались и «кустод» был как бы цифрой, номером страницы для переписчика или, как говорили в старину, «списателя» книг...

Едва я произнёс это слово, под лупой снова всё изменилось. Рукописная книга, которую до сих пор мы видели, как говорят в кино, крупным планом, отплыла куда-то дальше, и перед нами предстала каморка, озарённая тусклым светом лампы. Над пергаментом склонился человек, бледный, истомлённый, очень бедно одетый... Палочкой выводил он на пергаменте крупные, красивые буквы, и на усталом лице его светилось что-то вроде вдохновения.

— Что он пишет? — спросила

Рита шёпотом, видимо, боясь помешать работе человека.

Я всмотрелся и прочитал:

— ...«Радуетя купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье привстав, и путник, в отчество своё пришед, такоже радуетя и книжный списатель, дошед конца книгам»... Понимаешь, он заканчивает свой труд и обращается к читателю от себя. По припискам подобного рода и узнаём мы кое-что об этих скромных, но ревностных тружениках на ниве русской культуры, кропотливая работа которых, к стати сказать, оплачивалась весьма скудно...

И, точно подтверждая мои слова, «списатель» отложил свою палочку и, горько усмехаясь, сказал самому себе:

— Вот и закончен твой труд, раб божий... Ох, сколь великое богатство принёс он тебе: нищий, глядя на тебя, может удавиться от зависти! Все деньги, что есть у меня, ношу я при себе, всё платье моё на мне надето...

И всё же я потрудился на пользу людям, — добавил он, и горькая усмешка на его лице сменилась светлой и радостной. — Великая польза бывает от учения книжного. Мы приобретаем мудрость и воздержание от слов книжных...

Говоря это, он взял две дощечки, видимо, заранее приготовленные. Одну из них он положил под пергаментные листы, а другую поверх, и книга оказалась точно в деревянном переплётё. И тут мы снова услышали его тихий голос:

— Ступай в мир, мудрая, справедливая и полезная книга. И пусть люди помянут добрым словом тех, кто потрудился над тобой, и прочитают тебя от доски до доски!

А. Буквица

СПОРТ

Городок Кортина д'Ампеццо, где будут проходить в этом году седьмые зимние олимпийские игры.

ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

В. Кречетова

СОРЕВНОВАНИЯ В КОРТИНА Д'АМПЕЦЦО

Нынешний 1956 год, как и всякий високосный год, спортсмены называют «олимпийским», потому что раз в четыре года проводятся самые крупные международные спортивные соревнования — олимпийские игры. Они названы так по имени больших народных праздников, устраиваемых когда-то в древней Греции у подножия горы Олимп.

Первые современные олимпийские игры (их часто называют просто олимпиадами) состоялись в 1896 году в Афинах. В программу тогда входили только летние виды спорта. Потом в программу олимпиады включили фигурное катание, а несколько позже и хоккей. Соревнования фигуристов и хоккеистов происходили на искусственных катках и были как бы дополнением к основной летней программе.

Но желающих состязаться по зимним видам спорта становилось всё больше и больше, и в конце концов решено было устраивать зимние олимпийские игры самостоятельно, отдельно от летних.

Первая зимняя олимпиада состоялась в 1924 году во Франции. Затем зимние олимпийские игры устраивались в Швейцарии, Германии, Соединённых Штатах Америки и Норвегии.

В этом году VII зимние олимпийские игры — «белая олимпиада» — разыгрываются в Италии, в Кортина д'Ампеццо с 26 января по 5 февраля.

Кортина д'Ампеццо — небольшой курортный городок, расположенный на южных склонах Восточных Альп, на высоте 1 224 метра над уровнем моря. Горы, окружающие местечко, покрыты снегом, но вершины их, сложенные из красных доломитов, обнажены и чётко выделяются на безоблачном голубом небе. Эти характерные зубчатые скалы изображены на эмблеме олимпиады. Пять переплетённых колец означают пять частей света, так как представители пяти частей света будут участвовать в соревнованиях.

Кортина д'Ампеццо не случайно избрали местом для олимпийских состязаний. Зимой тут стоит прекрасная солнечная погода с лёгким морозцем. Здесь оборудованы хорошие катки, проложены специальные трассы для лыжников, построен трамплин. Многочисленные подъёмники могут в несколько минут доставить спортсменов и зрителей на горы, где будет происходить большинство соревнований.

НА «СНЕЖНОМ СТАДИОНЕ»

Лыжники будут соревноваться в беге на лыжах, спусках с гор и прыжках с трамплина.

Когда-то бег на лыжах называли «гладкой» гонкой. Путь лыжника пролегал обычно по равнине, где не было ни особо затяжных подъёмов, ни стремительных спусков. Сейчас лыжную гонку гладкой никак не назовёшь.

На всех крупных соревнованиях ровные участки составляют теперь только треть трассы. Остальное занимают спуски и подъёмы.

Чтобы усложнить трассу, устроители олимпиады проложили её вот так: сначала, к примеру, идёт ровный участок. Потом подъём. После него опять ровный участок. Затем спуск — и снова ровный участок. Потом может быть опять спуск и так далее. Эти спуски и подъёмы не по ниточке проложены, а лыжня всё время петляет по горе. Но этого мало: лыжнику на пути то и дело встречаются то бугор, то канава, то крутой поворот. Гонщик на олимпийских соревнованиях должен быть ещё и хорошим слаломистом, чтобы добиться успеха.

В олимпийскую программу бега на лыжах входят: гонки на 15, 30 и 50 километров для мужчин и эстафета. В эстафете участвуют по четыре лыжника от каждой страны. Каждый лыжник должен пройти по 10 километров. Выигрывает та команда, которая в сумме покажет лучшее время.

Женщины соревнуются в гонке на 10 километров, а в эстафете участвуют по три женщины от каждой страны. Они должны сменяться через 5 километров.

Трассы для лыжных гонок проложены в западной части котловины Доломитовых Альп. Старт и финиш образуют большую подкову. Они находятся в одном месте, на «Снежном стадионе». Здесь проложены широкие, ровные, удобные длинные лыжни, устроены судейские комнаты, и вышки, и большие трибуны, на которых сможет разместиться десять тысяч зрителей.

О том, какое время показывают лыжники на ди-

станции, кто кого обгоняет, будет сообщаться по радио. А после окончания гонки на большом щите у финиша будут вывешены результаты десяти лучших гонщиков.

СО СКОРОСТЬЮ 120 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Горнолыжники соревнуются в трёх видах спусков с гор: слаломе, слаломе-гиганте и скоростном спуске. Они отличаются друг от друга длиной дистанции, количеством препятствий и перепадом высот (расстоянием от старта до финиша по вертикали). Трасса обычного слалома — 400—600 метров, гигантского слалома — 1 500—2 000 метров, скоростного спуска — 3 000—4 000 метров. На дистанции слалома расставляются пятьдесят — шестьдесят ворот из флажков, которые надо объехать. В гигантском слаломе ворот меньше — до тридцати, а в скоростном спуске и вовсе мало — пять — десять. Каждые ворота — это поворот, который затормаживает движение. Поэтому скорость в обыкновенном слаломе наименьшая, а в скоростном спуске очень большая — до 120 километров в час.

Трассы горных спусков на олимпийских играх очень сложны. Все решения лыжник должен принимать молниеносно и точно их выполнять. Только хорошо тренированные спортсмены, в совершенстве овладевшие горнолыжной техникой, могут принять участие в таких соревнованиях.

Взгляните на панораму Доломитовых Альп. В восточной части, на горе Тофан, проложена трасса скоростного спуска. Она начинается под отвесными стенами красных доломитов. Первые 200 метров

Вот перед вами панорама гор, окружающих Кортина д'Ампеццо. Извилистые линии, спускающиеся с горы Тофан, показывают, как будут проходить трассы скоростного спуска (1, 2). Цифрой 3 обозначено место, где будут состязания по слалому, а цифрой 4 — трасса слалома-гиганта на горе Тонди. К стартам слалома и скоростного спуска ведут подъёмники. Буква А показывает, где расположен «Ледяной стадион», Б — место старта и финиша лыжных гонок, В — трассу бобслея, Г — лыжный трамплин, а Д — озеро Мизурина.

лыжник спускается довольно спокойно. Но потом попадает в «трубу»: так спортсмены называли стометровый участок среди скал, где снежный склон достигает крутизны в 30 градусов. Со страшной скоростью спортсмен летит вниз, а сам всё время начеку: как бы не угодить в скальную стену! Но вот «труба» позади, и после открытого участка лыжник попадает в лес. Кривая просека то тянется вниз, то взлетает на бугор, подбрасывая лыжника так, что он пролетает по воздуху метров двадцать. Только приземлился — и вдруг крутой поворот. Задержишься на долю секунды — можешь налететь на дерево...

В лыжную программу олимпиады включены ещё два вида соревнований: прыжки на лыжах и двоеборье — такое состязание, в котором спортсмен в первый день прыгает на лыжах, а во второй участвует в гонке на 15 километров. Выигрывает тот, кто дальше всех прыгнет и покажет лучшее время в гонке. Женщины в этих видах соревнований не участвуют.

Для прыгунов построен трамплин в двух с половиной километрах от Кортина д'Ампеццо. Лыжник берёт старт на высоте 50 метров от земли. На трамплин лыжников доставляет специальный лифт. Конструкторы рассчитали трамплин так, что с него можно будет прыгать на 72 метра. Однако лыжники, которые уже пробовали прыгать с трамплина, говорят, что можно довести длину прыжка и до 80 метров.

БОБСЛЕЙ

Кто из вас, ребята, не любит зимой кататься с гор на санях? Заберёшься на гору и несёшься оттуда вниз во весь дух. Если гора длинная, крутая да ещё с поворотами, то спуститься с неё и не упасть — дело не такое простое...

А известно ли вам, что есть специальные спортивные соревнования в спуске на санях? Называются эти сани бобслей. Ими управляют с помощью руля, круглого, как автомобильная баранка. Спускаются на бобслее по специально устроенным снежным дорогам, крутым и очень извилистым. Здесь можно развить скорость до 100 километров в час.

По имени санок и самый вид этого спорта называют бобслеем. Он особенно распространён на Скандинавском полуострове и в Альпах.

Цель соревнований — как можно скорее спуститься с горы. Экипаж саней чаще всего состоит из двух человек. Но бывает четырёх- и даже шестиместный бобслей. Стремясь развить наибольшую

скорость, участники спуска на поворотах переносят тяжесть тела то на правый, то на левый борт, подобно тому, как это делают мотоциклисты и яхтсмены. Чтобы спуститься на предельной скорости, нужны большая ловкость, хороший глазомер, точный расчёт и очень согласованные действия с партнёром.

По бобслею несколько раз разыгрывалось первенство мира. В этом году бобслей включён в программу VII зимних олимпийских игр в Кортина д'Ампеццо. Трасса установлена в 1 700 метров с шестнадцатью поворотами.

«ЖЕМЧУЖИНА ДОЛОМИТОВ» И «ЛЕДЯНОЙ СТАДИОН»

Место для соревнований в скоростном беге на коньках находится на высоте 1 785 метров над уровнем моря. Здесь на льду озера Мизурина, которое прозвали «Жемчужиной Доломитов», оборудована 400-метровая беговая дорожка. В программу соревнований входит так называемое «классическое многоборье»: бег на 500, 1 500, 5 000 и 10 000 метров. По новым олимпийским правилам, в конькобежных соревнованиях участвуют только мужчины.

Лёд на озере Мизурина такой ровный и плотный, что в прошлом году итальянские конькобежцы, соревнуясь на первенство своей страны, улучшили почти все рекорды. Очень высокие результаты показали и спортсмены других стран, приехавшие к ним в гости. Специалисты были так удивлены необычайно высокими результатами, что возникли подозрения, не коротка ли дорожка. Но после тщательного измерения было установлено, что длина дорожки соответствует правилам.

Однако, как ни хорош здесь лёд, для фигуристов и хоккеистов оборудован другой каток, почти в самом центре Кортина д'Ампеццо. Он называется «Ледяной стадион». Здесь устроены большие крытые трибуны на 12 тысяч зрителей. Трибуны обогреваются инфракрасными лучами.

На «Ледяном стадионе» произойдёт торжественное открытие и закрытие олимпиады. Высоко над трибунами в специальной башенке все дни соревнований будет гореть олимпийский огонь.

Каток на «Ледяном стадионе» очень большой. На нём размещаются два ледяных поля для игры в хоккей с шайбой, да ещё между ними остаётся дорожка шириной в 10 метров.

Советские спортсмены впервые участвуют в зимних олимпийских играх. Они принимают участие во всех видах состязаний, кроме бобслея.

В ЧАСЫ ДОСУГА

НОВОГОДНИЕ ПРИЗЫ ДЕДА МОРОЗА

На новогодней ёлке победителям в играх и затейных состязаниях дед Мороз выдавал призы. Пять столов в его праздничном киоске заполнены были самыми разнообразными игрушками.

Пришли получать призы Боря, Петя и Надя.

— Можете мне не говорить, кто какой приз выиграл,— сказал им дед Мороз,— я и сам узнаю. Пусть только каждый из вас скажет, на каких столах видит он свой приз.

Обошли ребята все столы, осмотрели разложенные на них игрушки.

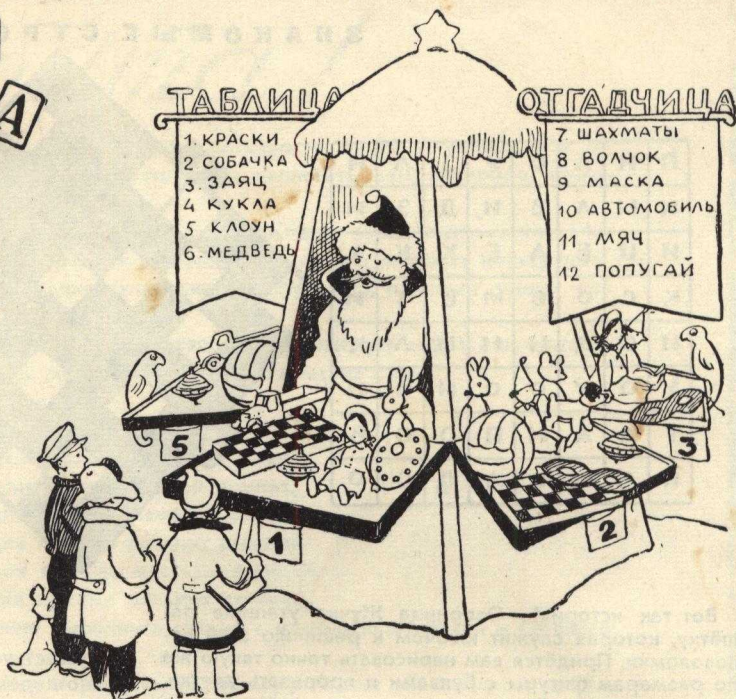
— Мой приз есть на первом, на втором и на четвертом столах,— сказал Боря.

— Мой на втором, четвертом и пятом,— объявил Петя.

— А мой только на первом и на третьем,— сказала Надя.

Дед Мороз мельком взглянул в таблицу-отгадчицу.

— Всё ясно,— сказал он.— По-

ТАБЛИЦА

1. КРАСКИ
2. СОБАЧКА
3. ЗАЯЦ
4. КУКЛА
5. КЛОУН
6. МЕДВЕДЬ

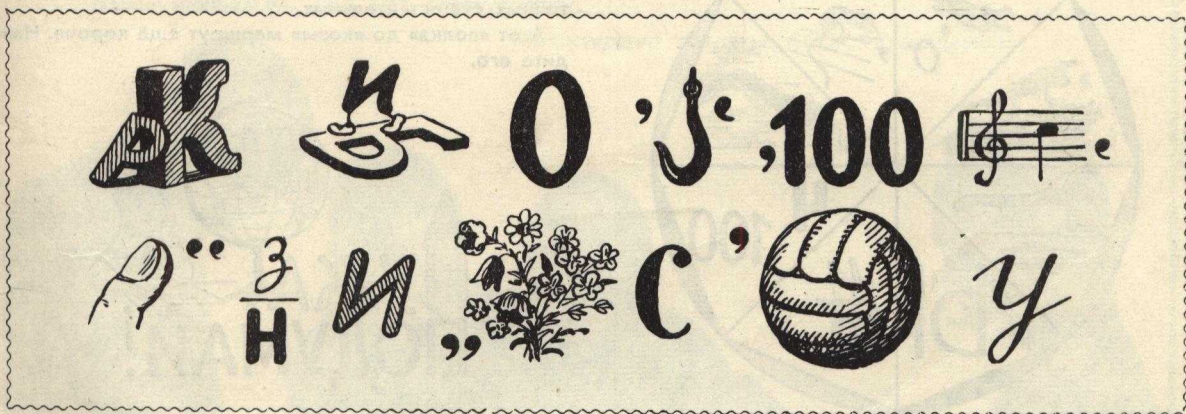
ОТГАДЧИЦА

7. ШАХМАТЫ
8. ВОЛЧОК
9. МАСКА
10. АВТОМОБИЛЬ
11. МЯЧ
12. ПОПУГАЙ

лучай, Надя, куклу. Тебе, Боря, шахматы, а Пете футбольный мяч.
— Верно!— удивились ребята.— Но как вы угадали?

— А это секрет,— усмехнулся дед Мороз.— Догадитесь сами! Попробуйте и вы, ребята, разгадать секрет деда Мороза.

ПОСЛОВИЦА

КТО ГДЕ УЧИТСЯ

Катя, Аня, Оля, Вася, Коля и Петя живут в одном доме, но учатся в разных школах — в 17-й, 32-й и 65-й. Установите, кто из них в какой школе учится, если известно, что:

1. На вечере в 65-й школе в числе приглашённых гостей были Аня, Петя и Оля.

2. Коля и Петя — лучшие игроки в своей школьной команде.

3. В шахматном турнире между 17-й и 65-й школами Вася занял первое место.

4. Коля и Аня учатся в разных школах.

5. Когда Катя заболела, Вася навещал её и рассказывал ей, что проходили в классе.

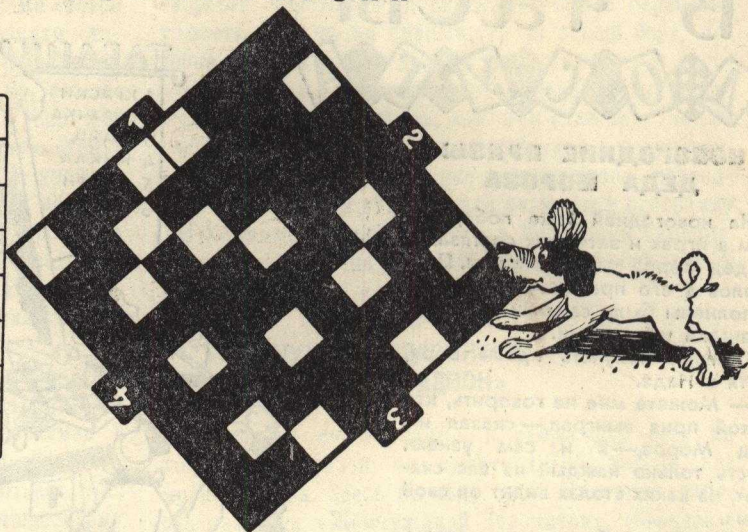
6. Оля была раньше в 32-й школе, а сейчас она учится вместе с Петей.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В каком месяце меньше всего едят?
2. Какая азбука состоит всего лишь из шести букв?
3. Какой день недели самый короткий?
4. Что у цаплипереди, а у зайца позади?

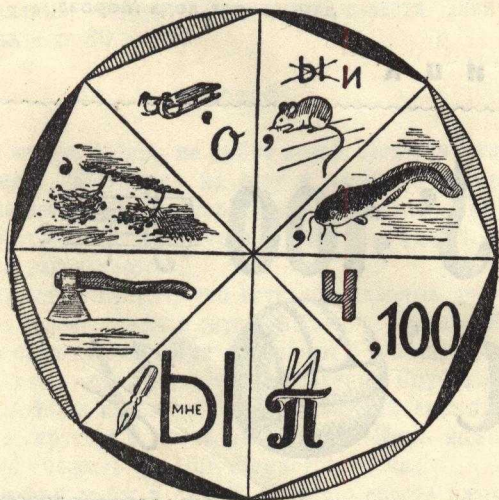
ЗНАКОМЫЕ СТРОКИ

П	И	А	О	У	З	Л	Н
И	Ы	Л	В	И	Д	З	И
И	Ц	В	А	Е	К	К	А
К	С	О	В	М	В	Т	И
И	С	Д	Н	Н	Н	Л	К
У	О	У	О	О	Н	Ч	Н
Т	А	А	Н	П	О	О	В
К	А	О	С	Л	Д	С	О

Вот так история!.. Озорница Жучка утащила решётку, которая служит ключом к решению этой головоломки. Придётся вам нарисовать точно такую же по размерам фигуру с буквами и прорезать клетки. Тогда в определённом порядке, накрывая фигуру решёткой, вы легко прочтаете через прорезанные в ней отверстия начальные строки хорошо знакомой вам басни И. А. Крылова.

ПРОЧИТАЙТЕ

Разгадав эти ребусы, поставьте их в таком порядке, чтобы можно было прочитать известную поговорку.

ОТ СЛОВА К СЛОВУ

Существует немало таких слов, в которых достаточно переменить одну букву, чтобы получилось другое слово, а его таким же способом превратить в третье и т. д. Во всех случаях это должны быть имена существительные единственного числа.

Так из «кошки» легко сделать «мышку»; достаточно поставить между ними всего лишь одно промежуточное слово: кошка — мошка — мышка.

Пользуясь этим приёмом превращения слов, попытайтесь добраться от слова «рука» до слова «нога», используя для этого не более шести промежуточных существительных.

А от «волка» до «козы» маршрут ещё короче. Найдите его.

Названия каких рек можно составить из букв, которые входят в короткую фразу, изображённую художником на рисунке?

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 05980.

Подписано к печати 23/ХІІ 1955 года. Тираж 300 000 экз.

Изд. № 4.

Заказ № 3196.

Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени И. В. Сталина.

Ребята!

Радио проникло почти во все отрасли промышленности, науки и техники, и в какой бы области вам ни пришлось работать, когда вы вырастаете, вам, наверное, пригодится знание радио.

Со сборкой простейших радиоприёмников вам поможет познакомиться технический набор «Юный радиоконструктор». Он поможет вам самостоятельно конструировать более сложные приёмники и радиотехнические конструкции, поможет понять, как происходит радиоприём.

Набор состоит из большого количества деталей, позволяющих собрать значительное число различных действующих моделей и радиотехнических схем.

простой детекторный приёмник,
сложный детекторный приёмник,
детекторный приёмник с усилителем на одной лампе,
детекторный приёмник с усилителем на двух лампах,
одноламповый приёмник для приёма местных станций,
одноламповый приёмник для приёма дальних станций,
двухламповый приёмник для приёма местных станций,
двухламповый приёмник для приёма дальних станций.

Все монтажные работы можно выполнить только с помощью отвёртки и гаечного ключа, не применяя пайку.

Собранный из деталей конструктора двухламповый приёмник обеспечивает приём на комнатную антенну не только местных, но и дальних радиостанций в диапазоне средних и длинных волн.

Юные друзья! Самостоятельная работа с радиоконструктором поможет вам лучше усвоить физику, электротехнику и радиотехнику.

«Юный радиоконструктор» — лучший подарок для любителей техники.

Набор «Юный радиоконструктор» продаётся во всех магазинах, торгующих культурными товарами и игрушками.

Свои отзывы о наборе «Юный радиоконструктор» присылайте по адресу: Москва, Новокузнецкая ул., дом 4/12, Главкультторг.

Министерство торговли СССР, Главкультторг.

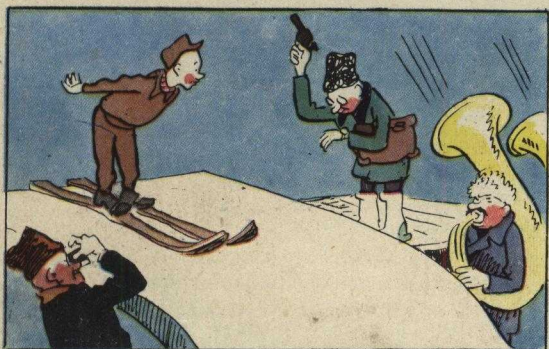

1

2

3

4

5

6

7

8

1. Тартарен, Мюнхгаузен, я —
Неразлучные друзья.
Как известно, все мы трое —
Знаменитые герои.
2. Забежал ко мне физрук:
— Выручай, Андрюша, друг,

- Завтра в девять с половиной.
Прыгни, миленький, с трамплина!
3. Я, конечно, очень рад:
— Ладно, выручу ребят!
4. Вижу в небе самолёт...
Шарф долой!.. Бросок вперед!

5. Прочно сделана петля.
Я лечу... Прощай, земля!
6. Плохо!.. Падаю стремглав,
Шарф на части разорвав.
7. Клики толп!.. Оркестра гром!..
Приземлился я с трудом.
8. Я своей победой горд —
Мировой побит рекорд.